

Ю. Усыченко

ЧЕРНЫЙ КРЕСТ

Юрий Иванович Усыченко

Черный крест

Повесть.

Редактор Я. Пятницкая Художник В. Добролежа Художественный редактор Н. Зайцев

Технический редактор Т. Молчанова Корректор А. Литинецкий

БФ 00739. Подписано к печати 18/VI 1963 г.

Цена 46 коп. Тираж 150 000 (1-й завод 1—50000). Зак. 4186.

Одесское книжное издательство, г. Одесса, Жуковского. 14.

Книжная фабрика Министерства культуры УССР, Одесса, Купальный пер., 5.

ОТ АВТОРА

Когда вышло первое издание этой книги, в письмах, на читательских конференциях часто задавался один и тот же вопрос: «Что в «Черном кресте» выдуманно, что было в жизни?»

«Саша — это я, ею история — моя жизнь», — написал в газету молодой человек, бывший сектант.

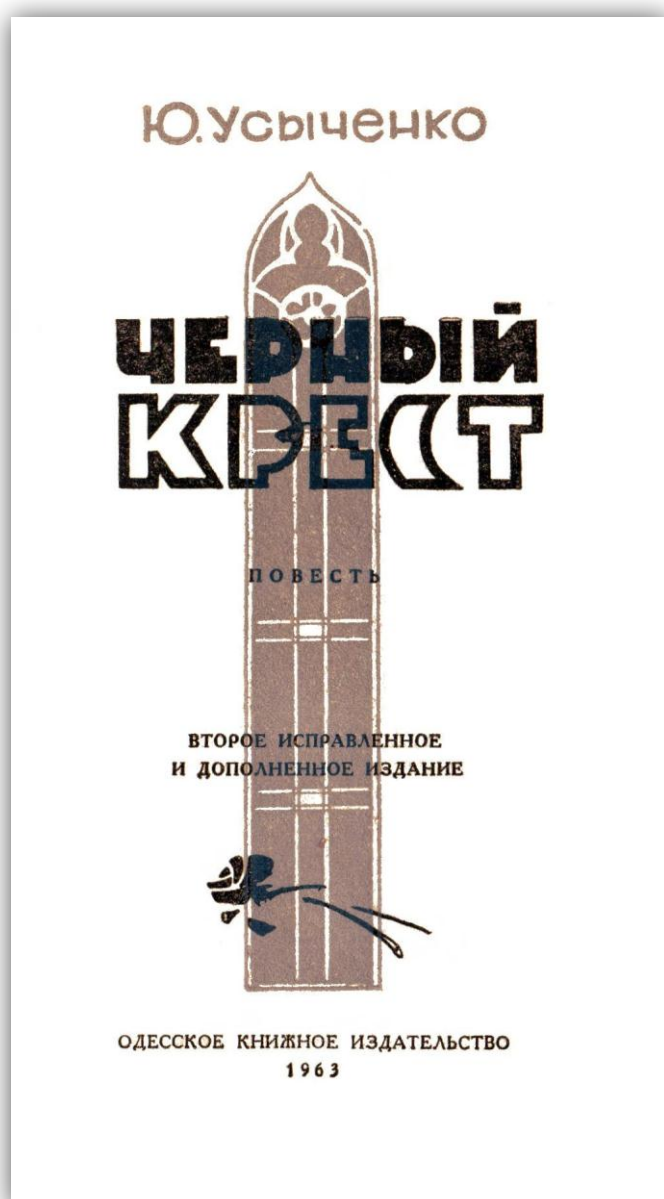
Может быть, это и так, но я, автор повести, никогда его не встречал, с судьбой его не знаком.

Повесть — не очерк и не корреспонденция. И, конечно, не протокол следователя. Напрасно искать в ней географические приметы места действия, конкретные паспортные данные о ее персонажах, протокольную точность сведений о поступках и событиях. Все это читатель должен помнить.

Нельзя забывать и другое. В литературном произведении нет ничего «выдуманною», «придуманного». Повествование построено на фактах реальной жизни. Они осмысленны, обобщены, если нужно — переработаны и дополнены. «Черный крест» — не исключение.

Я понимаю, что тому, кто честно посвятил религии жизнь свою, знать правду горько, порой — больно.

Но правда есть правда.

Сканирование, обработка и переложение в электронный формат – Ковтун Станислав

Глава первая

ГДЕ-ТО ЗА ЭЛЬБОЙ

Ехали молча. Все было условлено и предусмотрено заранее. Знали они друг друга давно, в лишних словах не нуждались.

Когда город скрылся, задернутый угрюмо-серым покрывалом тумана, начался дождь. Соприкасаясь с мокрым бетоном, колеса автомобиля шипели. На скорость машины дождь не влиял — автострада была отличной. Всего два года назад она звалась «имперской», играла важную роль в военных планах Гитлера. А почти год назад здесь промчались американские танки.

По обеим сторонам автострады мелькали хутора, маленькие городки с острыми черепичными крышами домов. Дома выглядели насупленными, невеселыми. Большинство живущих здесь примирилось с позором поражения; кое-кто ждал перемен, иные затаили злобу.

Тополевая аллея вела от шоссе к зданию кокетливой двухэтажной виллы.

— Черт! — сказал Приходько. — Даже тополя здесь другие.

— Почему? — удивился капитан Клайд.

— Не знаю, — искренне ответил Приходько.

— Есть письмо из Киева? — спросил Клайд, разгадав невысказанные мысли.

Майор ответил не сразу. Серые глаза его потемнели.

— Есть. Дом сгорел — бомба попала. Жильцы разбрелись кто куда. Из адресного бюро ответили, что Приходько Алина Сергеевна с сыном Анатолием не значатся.

Клайд молча вытащил сигареты, протянул спутнику.

— Спасибо, — сказал Приходько, — но я лучше закурю свои. Никак не могу привыкнуть к американским, у них совсем другой вкус.

— Привычка много значит, — согласился Клайд. — Когда-то я любил трубку и не терпел сигарет.

— Жена дважды заставляла меня бросать курение... Потом я начинал снова.

— Таковы все жены, — усмехнулся американец. — Джоан сразу после свадьбы потребовала, чтобы я бросил играть в покер. Пришлось подчиниться...

— А я играл в преферанс — иногда.

— У нас распространен бридж... Вернемся по домам, вы приедете ко мне в гости. Моя дочка и ваш парень подружатся.

— Да... Они могли бы стать друзьями...

— Они станут друзьями, — поправил Клайд.

Наступила пауза.

Крупные капли дождя с силой ударялись о ветровое стекло.

— Мало ли как бывает в жизни, — задумчиво сказал Приходько. — А я вот никогда не пробовал курить трубку... Не нравится...

Клайд скосил глаза на сидевшего рядом Приходько: черты лица резкие, как бы вырубленные сильными и точными ударами, меткий взгляд серых глаз, коротко стриженные волосы. Правую щеку пересекал большой шрам, полученный в штыковой схватке под Новгородом. Однако боевой знак не портил лица; наоборот, после знакомства с майором казался даже привлекательным.

Почувствовав на себе взгляд спутника, Приходько повернулся к Клайду:

— Скоро?

В беседу вступил шофер:

— Сейчас заворотим, товарищ майор.

— Вот, — показал Клайд, когда миновали группу деревьев перед развилкой дороги.

— Что ж, — заметил Приходько. — Дом, как дом.

Дом, действительно, был как дом — не хуже и не лучше других: двухэтажный, с высокой крышей, маленькими стрельчатыми окнами. Но почему-то сердце Приходько тоскливо сжалось. Майор нахмурился, насупил брови, пробормотал под нос что-то сердитое.

Когда машина заурчала у подъезда, в окне второго этажа мелькнул силуэт, плохо различимый сквозь тусклое стекло, и сразу исчез.

Машина остановилась. Офицеры вышли из автомобиля. Дверь в дом была заперта.

Приходько нажал белую кнопку звонка. В глубине дома раздалось глухое неприятное дребезжание. Никто не откликнулся.

— Начинается, — негромко, больше себе, чем спутнику, сказал Приходько. Позвонил еще раз, еще, крепко нажимая белую пуговку, будто она в чем-то виновата.

Сгущались сумерки. На шоссе замелькали включенные фары автомобилей.

Подобно большинству украинцев, Приходько обладал хорошо развитым чувством юмора, которое не раз выручало в затруднительных обстоятельствах. Помогло оно и сейчас. Неожиданно майор громко произнес на немецком языке:

— Послушайте, неужели вы всерьез надеетесь, что мы так вот потопчемся-потопчемся и вернемся к себе ни с чем?

Человек, который стоял по ту сторону двери и подслушивал, умел быстро соображать, оценивать обстановку и принимать решение. Не успел Приходько закончить свою тираду, как дверь распахнулась. На пороге стояла высокая, полная женщина, одетая, если так можно выразиться, в «форменный костюм» монахинь ордена «Сердца Иисусова»: длинное до пят черное платье, на голове — капор — не капор,

чепец — не чепец, в общем, сложнейшее сооружение из белого, жестко накрахмаленного полотна. Сооружение это закрывало лицо.

— В чем дело? — не здороваясь, спросила она, но не по-немецки, а на английском языке. Голос монахини напоминал звонок, который только что глухо дребезжал в тишине дома. Неприятный, безжизненный, он как бы доносился из глубины головного убора.

— Здравствуйте, — с ехидцей, понятной только очень внимательному наблюдателю, сказал Приходько. — Как поживаете, фрейлейн Блау?

Монахиня сделала шаг назад. Из-под капора сверкнули злые глаза. Очевидно, она не рассчитывала, что майору знаком язык, на котором она обращалась к прибывшим, а еще больше удивило и встревожило то, что им известно ее настоящее имя.

— Меня зовут сестрой Агнессой, — быстро справившись с волнением, сказала монахиня, перейдя на немецкий язык.

— Пусть так. Пока пусть остается так. Каждый может себе выбрать то имя, которое ему по вкусу... Но придется ли оно по вкусу другим?

Вопрос Приходько был чисто риторическим и остался без ответа.

Слово «пока», произнесенное, впрочем, без всякого нажима, тем не менее не прошло мимо внимания монахини.

— Вы... зайдите, — приглашение далось Агнесе с трудом. — Здесь разговаривать удобнее.

— Вот как! Что ж, воспользуемся вашим «любезным» разрешением.

Клайд, который не терпел «джерри»¹ и не считал нужным с ними церемониться, шагнул первым, заставив монахиню посторониться. Приходько вошел следом.

— Итак, что вам угодно? — спросила Агнесса, когда все трое очутились в вестибюле — пустом, холодном, с однотонно выкрашенными стенами. У Приходько сжалось сердце, когда он подумал о детях, которые вынуждены жить здесь. Дождь, сумерки, тоска по родине, холодный пустой вестибюль, женщина в черном монашеском платье, глухой и дребезжащий голос — все сливалось в одно ощущение ночного кошмара.

— Вы знаете, чего мы хотим, — сказал Приходько. — Прежде всего — осмотреть приют. По нашим сведениям, в нем находятся дети советских граждан, во время войны угнанных в Германию и здесь погибших.

— Никаких русских детей у нас нет, — быстро ответила Агнесса.

— Постараемся убедиться сами, — решительно произнес майор.

— Но мы должны получить разрешение от... — начала Агнесса.

— Вот оно. — До сих пор молчавший Клайд вынул из кармана документ. Развернул, протянул Агнесе.

¹ «Джерри» — презрительная англо-американская кличка немецких фашистов. Соответствует нашему «фриц».

Монахиня с удивлением посмотрела на американского офицера, взяла документ. Читала долго, видимо, соображая, как быть дальше. Перевернула, так же внимательно оглядев обратную сторону.

— Ну, убедились? — резко спросил Приходько, которого поведение монахини начинало бесить.

Агнесса зло блеснула маленькими глазками, которые выглядывали из-под капора, словно звереныши из клетки.

— Где столовая? Мы обождем детей там. Вы приведете их к нам через пять минут. Поняли?! — строго отчеканивая каждое слово, произнес Приходько, которому надоело соблюдать вежливость с бывшей фрейлейн Блау.

Не обращая больше внимания на Агнессу, отворил ближайшую дверь. За ней открылся длинный плохо освещенный коридор. Свет тусклой лампочки сочился, как ржавчина.

Офицеры и шагавшая широким строевым шагом Агнесса из коридора попали в двуцветную высокую залу. За окном совсем стемнело. Мокрая ветка дуба шарил по оконному стеклу, как рука слепого, который ищет что-то, и, не найдя, вновь и вновь повторяет бесплодные попытки. Стены залы на высоту человеческого роста были выкрашены серой, а выше — белой больничной краской, холодной и неприятной. О больнице напоминал и запах дезинфекции, смешанный еще с каким-то — устойчивым, тошнотворным. Приходько вспомнил: так пахло немецкое средство против вшей. Желтые пачки его с крупным изображением омерзительного насекомого всегда валялись в отбитых у фашистов блиндажах и окопах.

Длинный и узкий стол тянулся вдоль комнаты. Клайд сел у стола. Приходько последовал его примеру и повелительно повторил:

— Через пять минут дети должны быть здесь.

— Слушаюсь! — Строгий тон подействовал: сестра Агнесса сделалась откровенно подобоострастной. Она даже попыталась сложить губы в поганенькую улыбку, а глаза оставались неизменными — два злобных зверька. — Будет исполнено, господин майор, — проговорила она, уходя.

— Да-а! — В это коротенькое словечко Клайд вложил все свои впечатления и от разговора с Агнессой, и от самой монахини, и от обстановки, которая сейчас окружала офицеров.

— Вот именно, — подтвердил Приходько. Он и капитан отлично понимали друг друга. Особенно сейчас, когда душу охватывала тоска.

— Приют есть приют, — после паузы сказал Клайд. — К тому же, недавно кончилась война.

— У нас — другие, — коротко ответил Приходько.

— Знаю, — согласился Клайд. — Когда я был в Советском Союзе в тридцать девятом, я посетил несколько ваших детских домов...

Дверь, в которую вышла сестра Агнесса, распахнулась, послышался легкий шелест. Не шум шагов, не веселый топот маленьких детских ножек, а именно шелест — робкий, опасливый, неуверенный, как будто дети все время помнили, что шагают по чужой земле, где каждый может их обидеть и не у кого попросить защиты. От этого звука Приходько проглотил комок, который вдруг подступил к горлу, задышал тяжело и часто. Шрам на его щеке порозовел.

Их было около тридцати — только мальчики разных возрастов. Светлые и темные головки острижены наголо, глаза опущены. Стандартные костюмчики, то ли солдатского, то ли арестантского образца, делали ребят похожими друг на друга. Вела детей пожилая монахиня, в конце шествия возвышалась могучая фигура Агнессы.

Все теми же шелестящими шагами лети прошли мимо стола и выстроились вдоль стены. Агнесса и вторая монахиня стали по краям ребячьей шеренги.

— Это все уроженцы Прибалтики, господин майор, — объяснила Агнесса. — Я беседовала с ними. Только прибалты... Впрочем, — добавила, как бы случайно вспомнив, — есть один или два из Галиции.

— Я последую вашему примеру и тоже поговорю с ними. — сказал Приходько. — Может, кто-нибудь из них знает русский язык.

— О, все! — бодро ответила Агнесса понимая, что лгать глупо. — В Прибалтике русский язык был широко распространен еще до революции.

— Ясно, — кивнул Приходько. —Благодарим за объяснение. — И продолжил на русском языке: — Здравствуйте, ребята!

Никто не ответил.

— Так... Ну, вот ты, малыш, иди ко мне... Иди, иди, не бойся.

Мальчик лет десяти, к которому обратился Приходько, растерянно глянул на Агнессу, спрашивая разрешения. Она отвела глаза в сторону. Мальчик не вышел из шеренги.

— Подойди, подойди, не робей, — подбадривал Приходько.

Мальчик сделал неуверенный шаг. Другой. Третий...

Монахиня на том конце шеренги чуть подалась вперед. Приходько заметил ее движение и сообразил: она знает русский язык, будет прислушиваться к беседе. Переглянулся с Клайдом. Тот сделал утвердительный знак — маневр монахини не прошел мимо его внимания.

— Вы, как вас там! — Сказав это по-русски, Приходько взглянул в упор на монахиню. — Можете подойти ближе и слушать здесь.

Та невольно шагнула вперед, потом спохватилась, сделала вид, будто слова Приходько остались ею непонятыми.

— Не хотите? Ваше дело...

Сразу забыв о ней, майор повернулся к мальчику. Положил ему руку на плечо. Глаза ребенка вспыхнули. Худой, тонкий, как былинка, он весь потянулся к незнакомому человеку. Приходько понял, что творится в одинокой ребячьей душе, понял, как живется здесь. Шрам на щеке майора багровел.

— Так, — это словечко Приходько особенно часто употреблял, когда волновался. — Фамилия твоя, малыш?

— К`алмыкофф, — ответил мальчик, делая ударение на «а». — Алек К`алмыкофф.

— Значит, Саша Калмыков. — Приходько поправил его, перенес ударение на «ов». Затем на немецком языке обратился к Агнессе: — Александр Калмыков — типично латышские имя и фамилия, а? Или эстонские? Литовские?.. Что же вы молчите?

Не дождавшись ответа, впрочем он и не надеялся, что монахиня ответит, продолжал беседу с мальчиком.

— А папу своего ты помнишь?

Мальчик потупился. Из глаз его вот-вот брызнут слезы.

— Нет... Не помню.

— Посмотри на меня. На нем была такая одежда, как на мне?

Выпуклый мальчишеский лоб пересекли три не детские задумчивые морщинки. Саша долго смотрел на майора. Тихо ответил:

— Нет, господин офицер, не такая.

— Не надо называть меня «господин офицер»! — Приходько ласково привлек мальчика к себе. — Говори «дядя Вася». Ладно?

Воротник Сашиной рубахи расстегнулся. На тонкой ключице мальчика майор увидел большую родинку.

Приходько вынул из планшета несколько фотографий солдат и офицеров в довоенной форме. Ваяв фотографии, показывал мальчику одну за другой:

— А может он был одет так? Или так? Так?

Саша смотрел долго. Очень долго. В большой комнате царило молчание, и человек, находившийся по соседству, вряд ли подумал бы, что здесь кто-то есть, тем более — дети. Даже дождь перестал барабанить в окно.

— Вот, — взволнованно и радостно выдохнул Саша. — Вот костюм моего папы.

Он показывал на фотографию молодого офицера с двумя «кубиками» на петлицах гимнастерки. Потом добавил:

— И пилотку такую носил...

Без всякой связи с предыдущими словами вспомнил:

— Мы по реке катались. Больша-а-я.

Он задыхался от волнения и нахлынувших воспоминаний, от образов, которые принесла маленькая детская память: добрые руки отца, глаза его, широкая река, мать смеется, и смех ее звенит в ребячем сердце. Было? Когда? Где? Или не было?! Может, это сон, мечты, а действительность — длинные коридоры приюта, сестра Агнесса, карцер в бетонированном бункере, горькие слезы ночью под подушкой?!

— Я тоже до войны — лейтенантом... — тихо сказал Приходько.

Совладав с собой, повернулся к Агнессе, заговорил подчеркнуто спокойно, сухо, официально:

— Итак, что мы установили? Мы установили: мальчика зовут Александр Калмыков, он — сын советского армейского офицера, перед войной жил в городе у реки. Верно? — внезапно обратился он ко второй монахине. Та, опять застигнутая врасплох, подтверждающе кивнула. — Хорошо, что при беседе присутствовала ваша товарка, знающая русский язык. Вы предусмотрительны.

Злые зверьки — глаза Агнессы — показались из-под капора и исчезли.

— Так. Что же дальше, Саша?

Мог ли ответить на этот вопрос ребенок, которому война принесла столько горя? Будь он постарше, он бы запомнил взрывы бомб и отблески ночного пожара на стенах горящего города, торопливый поцелуй отца перед последним расставанием, слезы матери. Были еще и еще ночи и дни в грохоте, дыму, остром запахе взрывчатки, был огонь со всех сторон, предсмертные крики, гудящее небо, с которого падали бомбы. Потом — рыдания матери, чужие люди в чужой форме, вагон, стучащий вагон, голод, холод, горькие материнские слезы. А еще потом — это Саша запомнил почти отчетливо — станция железной дороги, вопль матери: «Сынок! Родной мой!» и выстрел... Дальше: лагеря, бараки, колючая проволока. Разные женщины брали его к себе, кормили, укрывали, стирали прохудившуюся одежку. Матери среди них не было. Не было!

Что мог рассказать ребенок?! Что он помнил? Что он знал? Разум его не вместил глубины постигшего горя; память не сохранила грозных и ужасающих событий. Сестра Агнесса не сомневалась в этом, глазки ее уставились на Приходько с откровенным ехидством.

— Я... я не знаю, что было дальше, — горестно потупившись, ответил мальчик.

Другого ответа Приходько и не ждал.

— Так. Поговорим о другом. Ты учишься?

— Учусь.

— Чему же тебя учат? Например, какие ты знаешь страны?

— Америка, Англия, Германия. Франция...

— Правильно. А про Советский Союз ты знаешь?

— Знаю. Про Россию. Россия была большая страна. Теперь там захватили власть безбожники, и бог очень прогневался на Россию. В России всегда холодно, там очень длинные ночи. Жители России носят лапти. Это такая обувь из коры дерева. Они эту кору и едят.

— Больше тебе про Россию ничего не известно?

— Ничего.

У Клайда вздрагивали пальцы. Чтобы скрыть это, капитан сунул руки в карманы.

Шрам на лице Приходько пылал, серые глаза стали совсем темными. Казалось, майор вскочит, закричит, сделает что-то решительное и страшное.

— Успокойтесь... Не надо...

Приходько гневно глянул на Клайда, но тотчас понял: совет продиктован дружескими чувствами. Перевел дух, помолчал, стараясь совладать с собой. Наконец, обратился к мальчику:

— Вот мы, Саша, и поговорили. Помни же: меня зовут дядя Вася, Василий Сергеевич Приходько. Я майор Советской Армии... Теперь становись на свое место, а ты, малец...

— Нет! — сделала шаг вперед Агнесса.

— Что «нет»?

— Продолжать беседу дальше дети не могут. Им пора на вечернюю молитву. Затем ужин и сон.

— Однако!.. — разом воскликнули Приходько и Клайд.

— Ничем не могу помочь. — В голосе монахини звучало откровенное и ехидное торжество. — В разрешении, которое вы мне предъявили, ничего не сказано о беседах в неурочные часы. А нарушить распорядок, тем более оставить детей без вечерней молитвы, я не могу. Это было бы преступлением перед богом, который доверил мне несчастных малышей...

— Столь вами любимых, — в тон ей закончил Приходько.

— Да, столь мною любимых, — твердо ответила монахиня.

— Доверил их вам не бог, а американская военная администрация, — вмешался Клайд, — и как ее представитель я...

Агнесса не дала ему закончить.

— Бесполезный разговор, господин капитан. Я подчинюсь только силе и немедленно сообщу куда следует, что советский офицер превышает свои полномочия... С вашей помощью...

«Если мы потребуем оставить ребят для беседы с нами, она начнет скандал, — подумал Приходько. — Монахине нужна придирка, чтобы оклеветать представителя советских репатриационных органов».

Поднялся.

— Тогда — до завтра. Завтра мы будем здесь и продолжим беседу. Будем в полдень, — а сам подумал: «Нагрянем часикам к восьми, как снег на голову».

— Пожалуйста, — коротко ответила Агнесса.

— До свидания, ребята. Будь здоров, Саша, — громко сказал Приходько. — Мы вернемся завтра.

Молчаливый свидетель беседы Клайд тоже попрощался с детьми. Вышли в вестибюль. Агнесса солдатским шагом проводила их до двери...

— Мне она не нравится Она не бывшая нацистка? — спросил Клайд, когда сели в автомобиль.

— Что вы! — невесело улыбнулся Приходько. — Интересуют подробности?

— Да.

— Эльза-Мария Блау, уроженка швейцарского города Цюриха. Отец — хозяин отеля. Воздаст ее — сорок шесть лет. Монахиней стала лет двадцать назад. Заправляла приютом, который был при монастыре «Сердца Иисусова»... Сразу после войны приехала сюда... Непонятно, по чьему приказу.

— Странно... Я доложу начальству, — коротко сказал Клайд.

Приходько вытащил пачку «Казбека», угостил спутника, закурил сам. Табачный дым помог успокоиться. Однако чувство тревоги не проходило.

— Вы меня простите, Клайд, но я говорю, как солдат с солдатом...

— Иного я не жду, — кивнул американец.

— Неужели вы всерьез думаете, что ваше командование случайно поставило Эльзу Блау начальницей приюта для советских детей?

— А почему вы усматриваете в этом какую-то закономерность?

— Я умолчал, что монастырь «Сердца Иисусова», в котором была Блау, с сорок третьего года стал тайным центром союзной разведки.

— Да... Это меняет дело, — протянул Клайд.

— Вообще многого я не могу понять. Мы разыскиваем детей, которых сюда привезли гитлеровцы. Родители ребят или погибли, или исчезли в водовороте войны, или остались на родине. Мы с вами тоже отцы и понимаем, каково потерять ребенка...

— Я рад, что помогаю вам, делаю все, что в моих силах...

— Я это знаю, — сердечно ответил Приходько. — Но не все относится к нам так, как вы.

— Неправда! Получив информацию об этом приюте, я сразу передал ее вам. Мое начальство не возражало и...

Клайд вдруг осекся. Он вспомнил недовольное выражение лица полковника Мартенса, когда тот узнал, что советским офицерам известно о приюте. «Вы слишком прытки, Клайд, — пробурчал Мартенс. — В таких случаях обязательно советуйтесь со мной...»

— Вы честный и добрый человек, Клайд, — продолжал Приходько. — Это не комплимент, я говорю, что думаю. Скажите, чего ради Блау примчалась сюда? Почему именно ее поставили начальницей приюта?

Клайд молчал.

— Почему она держится в разговоре с нами откровенно враждебно? Кто стоит за нею — более могущественный, чем она? С чьего благословения детям преподносят бредни об их родной стране?

Приходько сделал паузу, хотя и не ожидал ответа. Он говорил, обращаясь не столько к Клайду, сколько к самому себе.

В автомобиле царило молчание. Посвистывал ветер, пробиваясь сквозь щель неплотно прикрытого окна.

— Почему в своих розысках мы то и дело встречаем чью-то руку, которая путает карты, ставит преграды, создает бесчисленные проволочки? Вы сами знаете, что разрешение посетить приют мы получили только после самого настойчивого требования...

Шоссе было безлюдным. Спали протянувшиеся вдоль него селения. Свет фар выхватывал из темноты бесконечную линию бетона и, казалось, будто машина мчится по высокому темному коридору.

— Видите ли, Билл, — вы позволите мне называть вас так? — я никогда не занимался политикой. Я всю жизнь был военным, армейской службе посвятили себя мой отец и дед, а у нас военные стоят вне политики. Такова традиция, и не только традиция, а прямое требование, предъявляемое военным.

— Аполитичных людей нет, — упрямо сказал Приходько.

— Может быть, может быть... Я о многом думаю в последние месяцы и многое предстает передо мной в ином свете. Обещаю вам, что сегодня же поговорю с полковником.

...Обещание Клайда советский офицер вспомнил на следующее утро, когда к нему явился высокий рыжий сублейтенант и, небрежно козырнув, представился:

— Джеймс Глоговски. Еду с вами в этот чертов приют.

— Позвольте! — воскликнул Приходько. — А капитан Клайд?

— Ночью получил приказ срочно вылететь в Париж, оттуда, наверно, отправят в Штаты. По-моему, у старины Клайда неприятности. Говорят, он вчера поругался с полковником. А полковник не любит, когда с ним ругаются.

— Так, — многозначительно произнес Приходько. — Понятно. А русский язык вы знаете, мистер Глоговски?

— Ого! — радостно улыбаясь, воскликнул сублейтенант по-русски. — Мои папаша и мамаша из Борисоглебска. Это у вас в России был такой царь, в его честь назвали город.

— Спасибо за информацию. Как раз этого факта из русской истории я не знал... Однако не будем терять времени. Поехали!

— Не возражаю, — важно согласился Глоговски.

Когда машина подъехала к приюту, дом по-вчерашнему казался насупленным, враждебным. Но ждать у входа сегодня не пришлось, — дверь отворилась после первого же звонка. На пороге стоял средних лет мужчина с голубыми глазами на широком лице.

— Где начальница? — по-немецки спросил Приходько.

— Какая начальница?

— Приюта.

— Какого приюта?

— Этого.

— Здесь нет никакого приюта.

— Что?! — Шрам на щеке Приходько начал розоветь.

— Я не знаю никакого приюта, — тупо повторил неизвестный. — Это дом господина фон Экка. Господин фон Экк арестован, находится в тюрьме, а я...

Приходько оттолкнул его, вошел в вестибюль. Как вчера, здесь было тихо, холодно, пахло дезинфекцией и вошебойным порошком. Приходько дернул дверь в коридор, она отворилась. Пошел по коридору в столовую. Гулко отдавались шаги. Глоговски следовал за ним. Немец, бормоча о самоуправстве, угрожая жаловаться, плелся сзади.

Вот и зал. В нем все осталось по-прежнему — длинный стол, унылые стены, высокий потолок. Но и здесь не было никого.

Офицеры и единственный обитатель брошенного приюта обошли все помещение от чердака до подвала. В подвале обнаружили темную с прочной дверью камору, на полу которой валялась куча тряпья и соломы, несомненно, карцер для детей. Кроме длинного стола в зале, вся мебель исчезла, комнаты были тщательно подметены.

Наконец, вернулись обратно в вестибюль.

— Незаконный обыск! — громко сказал неизвестный, уставившись оловянными глазами на Приходько. — Я буду жаловаться.

Казалось, из шрама на лице Приходько сейчас брызнет кровь. Невольно, сам того не замечая, майор потянулся к пистолету.

Немец побледнел. Еще минута и он бросится наутек.

Приходько перевел дух. Прошло несколько долгих, очень долгих секунд. Пальцы майора барабанили по кобуре.

— Вообще-то мы действуем не особенно законно, — сказал Глоговски, до сих пор не проронивший ни слова.

Приходько круто повернулся к нему.

— Сублейтенант! Я требую ареста этого человека!

— Ареста? — спокойно переспросил Глоговски.

— Да! И немедленного!

— Во-первых, я не полицейский, — так же спокойно ответил американец.

— Вы представитель армии, оккупирующей эту зону.

— Во-вторых, — продолжал Глоговски, пропустив замечание Приходько мимо ушей, — за что его арестовывать?

— Он знает, где находятся советские дети, увезенные отсюда ночью.

— Гм, — задумчиво посмотрел в потолок Глоговски. — А были ли здесь вообще дети? Я не нахожу никаких следов приюта, о котором вы рассказывали.

— Ну, знаете, сублейтенант, — взорвался Приходько, — это уже слишком! В конце концов посещал приют я не один, а вместе с Клайдом, который носит такой же мундир, как вы.

Глоговски пожал плечами. Сказал с философским видом:

— Может быть, старина Клайд сидит сейчас в кафе и поглядывает на парижанок, может, находится еще дальше от нас. Утверждаю одно: вряд ли он думает о всяких там приютах и вообще о вчерашнем дне.

— Так, — сказал майор. — Состряпано здорово.

— Напрасно вы принимаете все близко к сердцу, майор, — прежним философским тоном начал Глоговски.

Приходько не дал ему договорить. Подошел вплотную, спросил, глядя прямо в глаза:

— У вас дети есть?

— Е-есть. — Голос сублейтенанта испуганно дрогнул.

— Где они?

— В Штатах.

— Дома?

— Дома.

А у меня сын и жена пропали без вести. И у тысяч таких, как я, пропали. Вы это поняли?!

— По... понял.

— Ничего вы не поняли! Эх вы...

Презрение, ясно прозвучавшее в его словах, задело Глоговски. Но сублейтенант постарался скрыть свое чувство, чтобы не взбесить еще больше этого бешеного майора. Глоговски сказал примирительно:

— Жизнь есть жизнь, бывают в ней удачи, бывают и огорчения. Во всяком случае обещаю, что об этой темной истории доложу полковнику...

— Доложите! И пусть не думает, что достиг успеха, — перебил Приходько.

Глава вторая

ЧУЖИЕ ГОРОДА

«Брат» Кирилл Сокольский принял Сашу Калмыкова неофициально в одной из дальних комнат здания, занятого иеговистским «отделом».

Бывший белогвардеец, человек, мягко говоря, с бурным прошлым, ныне видный сектантский деятель, долго смотрел на юношу, который скромно остановился у порога. Глаза «брата» были пристальные, глубоко посаженные, окруженные сетью розовых старческих жилок. Склерозные румянцы выступали на щеках, подозрительные фиолетовые оттенки играли на носу. Однако в посадке головы, уверенных движениях не было ничего старческого.

— Подойди поближе, брат мой, — после долгой паузы сказал Сокольский привычно властным тоном. Голос его тоже не свидетельствовал о старости — металлический, четкий. — Я слышал о тебе... Сегодня ты отправляешься в мир, начинаешь самостоятельную жизнь. Она будет трудной, может, даже опасной.

— Да, брат Сокольский.

— Молодость, — помолчав минуту, снова заговорил сектантский «пастырь». — Молодость и открытый мир... У тебя много сил, их ты должен отдать богу. Только так жизнь твоя не пройдет даром.

— Я знаю.

В маленькой комнатке опять наступила тишина. Сокольский, глубоко задумавшись, смотрел на молодого человека. Взгляд был, как у старой и хищной птицы: спокойный, непроницаемый, холодный. Лишь тогда, когда «пастырь» терял над собой контроль (случалось это редко, на один миг), в глазах его поблескивало воспоминание о пламени горящих городов, бессильной ярости отбитых атак, панике эвакуации — обо всем, что пришлось увидеть и пережить петербургскому гвардейскому офицеру, поручику «полка смерти» деникинской армии, ставшему после безжалостных эмигрантских скитаний «свидетелем Иеговы».

— Молодости свойственны сомнения. — Сокольский не отрывал глаз от Саши, — будут они и у тебя. Помни: служить делу бога, значит, поступать правильно. Деяния, осужденные обычной моралью, простительны, если свершаются во имя Иеговы. Он — высший судья на небе, свидетели его — на земле... Ты понял меня, брат

— Да.

— У тебя есть родные, близкие?

— Нет, кроме братьев по вере.

— Ты говоришь правильно. Ни семейные, никакие другие узы не могут быть крепче веры. Я доволен тобой, брат.

— Спасибо.

«Пастырь» вдруг поймал себя на зависти к бесхитроственному молодому сектанту, чья душа не знает сомнений, вера — глубока и искренна. Отгоняя непрошенную думу, задал новый вопрос:

— Как ты относишься к чужой вере?

— Она — плод заблуждений.

Кирилл Сокольский был мудрым человеком: «Мудр, как змий», — говорит библия. Он принимал вещи и события такими, каковы они есть. Сектанты, в том числе «свидетели Иеговы», отвергают всякую церковь, церковники люто бранят «еретиков». Тридцать... даже десять лет назад «старший» внушал бы Калмыкову ненависть в иноверцам. Сейчас этого делать не нужно — мало ли с кем придется встретиться на извилистых дорогах, ждущих «свидетеля Иеговы»... Десять лет... Многое изменилось за десять лет... и не в пользу бога... Всех богов, какими бы они ни были... Борьба требует гибкости, в борьбе нельзя пренебрегать любыми союзниками... Сокольский незаметно усмехнулся. Он вспомнил трюк, который выкинула католическая церковь: скоро появится новый кардинал, по рождению африканец. Негр под кардинальской мантией — такого не бывало за все века существования папской империи. Что ж, даже «святому отцу», папе, приходится идти в ногу с веком. Времена меняются и нельзя отставать от жизни...

Сокольский снова вернулся мыслями к молодому сектанту, который в прежней скромной позе стоял перед «братом».

— Плод заблуждений, — повторил Сокольский слова Калмыкова. — Ты прав, брат мой, любая вера, кроме нашей, от сатаны.

Сделал паузу. Зрачки глаз его как бы увеличились, заглядывая в душу собеседника. — Но ты не должен оставлять на погибель заблуждающихся. В минуту слабости и тоски человек прыгнул в бурные воды, надеясь оборвать свою жизнь. Разве ты не кинешься вслед, чтобы вернуть его на берег, даже против его воли?

— Конечно.

— Так и в вопросах веры. Ты должен помогать несчастным, пусть они и не поймут сперва твоих настоящих намерений.

— Понимаю, брат Сокольский.

— У нас много врагов. Нас ненавидят еретики, но самые лютые наши ненавистники — безбожники. И хуже всех из безбожников — коммунисты. Тебе известно это, брат мой?

— Да.

— Хорошо. Ты знаешь, что значит верить в бога? Помнишь, как сказано об этом в святой книге нашей «Бог верен»?

— Помню, брат Сокольский. Слова эти начертаны в моей душе, как надпись, высеченная на камне.

Калмыков невольно подался вперед. Чуть прикрыв глаза, заговорил:

— Верить в бога, — повторял Калмыков чужие слова и чужие мысли, накрепко вбитые в его сознание, — это значит отказаться от своей воли и пожертвовать самого себя исполнению божьей воли, как это делал Иисус. — Голос молодого фанатика вздрагивал от сдерживаемого волнения. — Кто действительно

верует, тот познает, что не во власти человека давать направление стопам своим и что бог со своей совершенной мудростью, справедливостью, любовью и властью знает все.

Сокольский слушал молча, не перебивая. Лицо его ничего не выражало.

Последние слова Калмыкова прозвучали, как клятва. Он дышал тяжело, неровно.

— Я доволен, очень доволен тобой, брат мой. Иди! Будь мужественен, как настоящий рыцарь Башни стражи...

В тот же день Калмыков выехал в Париж. Провел вечер и ночь в плохонькой гостинице на Монмартре. Опускались лиловые парижские сумерки. В переулке, где находилась гостиница, царила тишина, лишь из окна напротив Сашиной комнаты временами доносился серебристый женский смех. Саша прислушался и вдруг подумал: чужой смех в чужом городе. Мысли невольно унеслись в прошлое.

С тех пор, как Сашу Калмыкова и его товарищей однажды ночью подняли с постелей, посадили в закрытые грузовики и долго-долго везли неизвестно куда сперва на машинах, потом на поезде, минуло немало лет. Сперва Саша часто вспоминал военного, который так ласково разговаривал с ним, но постепенно встреча начала казаться придуманной в мечтах, прочитанной в книге. А далекое — то, что было до войны, память об отце, матери, — забылось совсем. Саша не был виноват в этом. Маленький и нетвердый разум его изо дня в день и из года в год подвергался умелой обработке.

Долгие годы Саше и другим детям, вместе с ним попавшим в беду, внушали, что у них нет родины, нет любимых, близких, никто не помнит о них и никому они не нужны. Конечно, их теперь не пичкали нелепыми рассказами о том, что в России всегда ночь и жители носят лапти. Нет! С каждым годом ложь становилась тоньше и правдоподобнее. Это не мешало ей оставаться ложью — последовательной, постоянной, методичной. Обмануть детей нетрудно; в конце концов сироты войны поверили, что родная страна забыла их, возвращение домой грозит тюрьмой и ссылкой. Думая о будущем, они не знали его.

Но будущее их оказалось предопределенным.

Когда Саша подрос, его из приюта перевели в «Колледж свободы».

Странный это был колледж... В уединенной горной местности, скрытый от посторонних глаз высокой каменной стеной, чьи единственные узкие и глухие ворота напоминали вход в хорошо охраняемую крепость. На стене была изгородь из колючей проволоки высотой в полтора человеческих роста. Она тянулась через лес, овраги, речонку, луга, очертив замкнутый круг площадью в двадцать-тридцать квадратных километров. Старый мрачный дом — здание колледжа — находился в центре круга. Здесь, почти не общаясь между собой, жили юноши многих национальностей: чехи, венгры, словаки, румыны, болгары, русские, украинцы, белоруссы. Точное количество воспитанников знали немногие. Вообще колледж покрывала сугубая тайна. Посетителей здесь не бывало, даже продукты привозили ночью, когда спали все, кроме эконома и двух его помощников. Только после окончания колледжа воспитанники покидали предел, огражденный колючей проволокой. Исключений из правила не делалось ни для кого.

День начинался короткой молитвой, за которой следовала физзарядка. Зимой к занятиям приступали до рассвета. С каждым годом учение становилось сложнее. Постепенно знакомились с радиodelом, фотографией, а потом и микрофотографией, ремеслом шифровальщика. Учились водить мотоцикл, автомашину, моторную лодку. На старших курсах «Колледж свободы» уже ничем не напоминал обычное учебное заведение. Дюжий, длиннорукий, одноглазый, с татуировкой на спине и правой ладони, синьор Борелли тренировал молодых людей в плавании с аквалангом, боксе, умении владеть ножом; их учили

прыгать с парашютом, стрелять в цель днем, ночью — на звук, незаметно подкрадываться, бесследно исчезать. Венцом «учения» была, как называли здесь, «большая игра». Воспитанников по-одному, по-двое выбрасывали на парашюте ночью, в незнакомой местности, без оружия, спичек, еды. Скитаясь, подобно диким зверям, как звери избегая селений и людных дорог, они должны были сами добывать себе корм, выйти в определенное место, выполнить определенную задачу и, никем не замеченные, возвратиться к своему начальнику. Выдержавшие «большую игру» навсегда покидали колледж. О судьбе их не говорилось. Ходили слухи, что большинство поступало в «зеленые береты» — диверсионно-подрывные подразделения армии США, специально обученные бандитским действиям в тылу противника... Так, наверно, и было в действительности...

Однако Сашу Калмыкова ждало другое.

Как часто бывает в зыбкой жизни, решил случай.

Или не случайно инструктор-шифровальщик «Джон» интересовался чтением воспитанников колледжа?..

«Джон» меньше всего походил на англо-сакса: широкоскулое лицо, «кирпачный», как говорят на Украине, нос, узкие темные глаза, коренастый, ширококостый. Почти без акцента изъяснялся по-английски и по-немецки, совершенно свободно — на русском языке. О себе не говорил. Последнее, как и английское имя явного славянина, никого не удивляло: все в колледже жили под кличками, все имели причины скрывать свое прошлое. Традиция, заведенная в гитлеровские годы «генералом от шпионажа» Рейнгардом Геленом, чьи добровольцы-эсесовцы, вступая в разведывательную роту, получали новое имя и фамилию, пережила крах гитлеризма.

«Джон» приметил Калмыкова, сразу разгадал в нем человека одинокого, малообщительного, погруженного в свои мысли. Иногда «Джон» видел Сашу за книгой. Как-то, уловив удобный момент, инструктор поинтересовался:

— Ты много читаешь, парень?

Саша смутился. Чтение среди воспитанников колледжа не относилось к числу популярных занятий. Если кто и читал, то «комиксы» или «романы» Микки Спилейна о сыщиках, гангстерах, коммунистических агентах».

— Да, читаю.

— Погоди. — Легким движением руки «Джон» остановил молодого человека, который хотел уйти. — Погоди. И тебе нравится?

— Не всегда, — по-прежнему неуверенно ответил Саша, не зная, к чему клонится разговор. — Я многого не понимаю в книгах.

— Хочешь, я тебе помогу? Надо заботиться о своей душе, в наше время слишком многие молодые люди о ней забывают. Если ты придешь к богу, тебе будет легче жить.

Саша чувствовал непонятное волнение. С ним никогда не разговаривали так ласково, проникновенно. Спросил с запинкой:

— А вы... верите? — и застыдился. Вопрос показался неделикатным. Ведь между воспитанником колледжа и инструктором нет ничего общего, с Сашиной стороны невежливо спрашивать о столь интимных вещах.

«Джон» не обиделся. Ответил твердо:

— Верю! В сердце моем единственно справедливая вера. Я — «свидетель Иеговы». Ты слышал что-нибудь о нас?

— Нет.

— Будем часто встречаться и я тебе расскажу. Я помогу тебе, непременно помогу найти путь к спасению.

Слово он сдержал. Отныне встречи сорокапятилетнего человека, у которого прошлое было начисто перечеркнуто, и молодого, имеющего только будущее, стали постоянными.

Многое узнал Саша — такое, о чем никогда не думал и даже не подозревал. Перед ним открылся новый мир — невиданных чувств, неслыханных мечтаний.

Саша не сомневался, что он — один на всем свете. Не от кого ждать ему дружбы, не у кого просить помощи. Люди холодны, несправедливы, эгоистичны. Так внушали ему в колледже, стремясь, чтобы будущие «защитники демократии и свободы» не имели никаких человеческих привязанностей, никаких человеческих чувств.

Теперь Саша услышал о боге Иегове. Он всемогущ и грозен. Он потребует безграничного повиновения, он дает цель в жизни, а значит, — счастье, он обещает вечное блаженство.

Стремление к доброте, к счастью невозможно уничтожить, тем более — в молодом сердце, открытом и мягком. Весь нерастраченный пыл души Сашиной «Джон» умело направлял к богу. Мысль о боге начала заменять Саше, выросшему в приюте, на чужбине, ласку матери и дружбу отца; в мистических «откровениях» «священных» книг искал он тепло отчего дома.

«Джон» оказался опытным вербовщиком. Глубже всего западали в сознание одинокого обойденного жизнью сироты утверждения, что «...свидетели Иеговы, которые кажутся бессильными в глазах мира, являются сильными в боге. Посредством их бог возвещает свое имя». Эта мысль полностью соответствовала настроению Саши.

Перед Калмыковым выросло настоящее государство среди государств — незримое, сложное, четко управляемое. Более чем в ста странах существует оно, насчитывая десятки, а то и сотни тысяч приверженцев, только в США — около двухсот тысяч «свидетелей Иеговы». Они не ищут славы, они бегут от мирских утех, слабости человеческие им чужды. «Свидетели Иеговы» думают только о боге, и бог своей безграничной милостью охраняет их. Вверившийся Иегове идет к счастью.

— Мы не знаем правительств, наций, народов, мы — братья во всем мире, владыка наш — Иегова, — неторопливо, веско рассказывал «Джон», время от времени прикасаясь рукой к руке Калмыкова, как бы подчеркивая этим важность своих слов. — Никто не властен над нами, кроме старших по вере.

Духовная связь между ними крепла. Саша чувствовал искреннюю благодарность к человеку, который указал ему цель в жизни; наблюдая за молодым другом своим, «Джон» думал о том, как был прав,

приложив в свое время немало усилий, чтобы устроиться в колледж. Калмыков — третий, кого «Джон» вовлек здесь в иеговистскую секту.

И так же, как его предшественники, Калмыков после колледжа, по совету «Джона», был передан в иеговистскую школу «пионеров». Так называют иеговисты членов своей секты, на которых возложены деликатные задачи: переход границы, нелегальная транспортировка литературы, подпольная связь и тому подобное. В «пионеры» отбираются физически крепкие, выносливые, фанатично преданные «богу Иегове», в совершенстве постигшие коварные методы «работы» иностранных разведок. Разведывательный опыт многих лет здесь обобщен и обдуман. «Пионер» не спасует перед любой опасностью. Его учат даже, как вести себя в случае провала, ареста, что отвечать следователю на допросе. Подробно втолковывают будущему иеговистскому агенту методы нелегальной связи с «братьями», организации подпольных кружков.

Сашу немного смутило, что вся деятельность «пионера» — тайная. Ведь в ней нет ничего плохого. Написал письмо о сомнениях своих «Джону».

«Ты хорошо поступил, поделившись со мной, — ответил Сашин наставник, — но раздумья твои излишни. Все, что ты должен будешь делать, направлено не во вред кому-нибудь, а на благо дела веры. Вот что должен ты помнить прежде всего. Скрываться ты будешь только от безбожников...»

Саша верил «Джону» раньше, поверил и теперь. Ревностно готовился к будущему «пионерству».

Навыки, полученные в колледже и «школе «пионеров», подкреплялись храбростью, отличным здоровьем, уверенностью, что он, Александр Калмыков, поступает правильно, отдав жизнь служению богу. К безбожникам он относился со снисходительной жалостью, как к обездоленным. Из тоненького мальчика, каким видел его когда-то майор Приходько, Саша стал стройным, высоким; у него был пристальный, чуть наивный взгляд карих глаз, ловкие движения, неторопливая речь. Когда он носил рубашку с отложным воротником, можно было увидеть большую родинку на Сашиной ключице.

Усердие Саши в школе «пионеров» заметили. Сокольский оказал молодому сектанту большую честь, лично приняв Сашу...

Беседа с Сокольским как бы подвела итог закончившемуся периоду Сашиной жизни. Здесь, в Париже, Калмыков чувствовал себя совсем по-новому...

Из чужого окна опять прилетел женский смех, и Саше вдруг стало невольно оставаться одному в комнате. Сумерки затушевывали очертания Парижа, и чем быстрее наступала темнота, тем ярче вспыхивали огни. Саша вышел из гостиницы, неторопливо побрел вниз по кривой узкой улочке. Попав на другую, пошире, попросторнее, присоединился к вечерней толпе. Он был полон новых, до сих пор неизведанных ощущений. Станным казалось видеть так много людей вокруг — веселых и грустных, молодых и старых, зевак и торопливых. В приюте, в колледже, в школе «пионеров» не разрешали выходить за ворота, тем более — знакомиться с посторонними. Саша понял, что совершенно не знает жизни, той жизни, которая кипит вокруг, переливаясь всеми оттенками красок и настроений. О чем думают эти люди, окружающие Сашу? О чем мечтают, на что надеются, во что верят?.. Калмыков никогда не был в семье, среди родных; в приюте ребятам запрещали даже дружить между собой. И сейчас он может блуждать всю ночь, неделю, месяц, год по огромному Парижу и никто не встретится ему, никто не скажет: «Здравствуй, Саша! Давненько мы с тобой не виделись!» От этих мыслей стало еще тоскливее на душе. Вернулся в свое мимолетное жилье, лег на кровать, заснул.

На следующее утро Саша был в Гавре, занял место в душной каюте лайнера, пересекающего Атлантический океан...

...К месту назначения явился как раз вовремя. 1 августа 1958 года в Нью-Йорке, на стадионе Янки-Стадиум состоялось «Божественной воли международное собрание», на которое съехались представители секты «свидетелей Иеговы» со всего земного шара.

Знойный день, характерный для нью-йоркского августа, накалялся. Толпа в огромной чаше стадиона бурлила, клочкотала, пестрела разнообразными одеждами разноплеменных людей. Белые, негры, мулаты, индусы, японцы, испанцы — несколько тысяч мужчин, женщин, стариков, детей собралось здесь. Каждого зазывал к себе бог Иегова, никем не пренебрегал. Толпа молилась на различных языках. Все вокруг были взвинчены, взбудоражены, охвачены особым религиозным подъемом: для многих пребывание тут было результатом дальнего и трудного пути, особой честью, о которой мечтает каждый «свидетель Иеговы».

Только сновавшие между рядами скамей продавцы прохладительных напитков, мороженого, любимых американцами жареных и подсоленных орешков сохраняли спокойствие, скептически поглядывали на сектантов, отпускали насмешливые замечания в адрес «святош».

— Джим, — сказал продавец «кока-кола» своему коллеге, который торговал орешками, — глянь на ту толстуху. Хороша, а!

Бабища лет пятидесяти, неохватная в талии, визжала, выкрикивая псалом. На широком лице ее кустиками росли волосы. Когда она открывала рот, кустики шевелились.

— Неотразима, Томми, — осклабившись, согласился Джим. — А муженек ее! Ставлю доллар против пустой бутылки, что она обратила его в свою веру, а не наоборот.

Рядом с необъятной сектанткой стоял щупленький человечек забитого вида. Опасливо озирался по сторонам, а когда толстуха поглядывала на него с высоты, подчеркнуто-старательно включался в ансамбль псалмопевцев.

— Не понимаю, чего они орут при такой жаре. Пожалуй, от этих, — Томми широким жестом обвел стадион, — полусумасшедших святош разумных поступков ждать нечего... Но заправились, например, мистер Кнорр? Ведь он миллионер. На кой черт ему эта орущая шайка?!

— Бизнес, Томми, — спокойно ответил продавец «кока-кола». — У каждого свой бизнес. Ты торгуешь орехами, я — пойлом, он — богом... Однако... стоя на месте, много не заработаешь. Идем.

Они расстались.

Стадион продолжал жить своей, обособленной от всего огромного города, пожалуй, даже от всего огромного мира, жизнью. Тем, кто собрался здесь, не было никакого дела до «еретиков». Сектанты думали только о себе, грядущее «спасение» волновало их.

Постепенно шум начал стихать — сперва на ближних к трибуне рядах, потом все дальше, дальше и вот, наконец, вся масса собравшихся замерла, затаила дыхание.

На трибуну поднялся глава иеговистов всего мира, неограниченный владыка и повелитель Натан Гомер Кнорр, официально именуемый «Президентом общества Башни стражи» или «Общества свидетелей Иеговы». Худощавый, темноволосый, еще не старый, Кнорр держался на трибуне уверенно,

как человек, привыкший к выступлениям перед многолюдной аудиторией. Рядом с ним стоял ближайший помощник Кнорра «вице-президент» Фред Франц, и еще несколько особо заслуженных «свидетелей Иеговы».

После соответствующего вступления Кнорр начал читать «Резолюцию» «Божественной воли международного собрания».

— Все народы, — усиленный десятками репродукторов, голос Кнорра гремел над стадионом, еще больше будоража толпу, — все народы сегодня обязаны своей жизнью Иегове, богу как великому создателю и источнику жизни, потому что все народы имеют общее происхождение от главного, пережившего всемирный потоп патриарха Ноя...

Тысячи глаз не отрывались от Натана Кнорра, который продолжал читать:

— Несчастный мир был создан, сатана, дьявол является невидимым его богом и покровителем...

— Дьявол! Дьявол! — взвился над стадионом женский крик. — Вижу дьявола!

— Мы по-прежнему слушаемся более бога, чем людей, — гремел над стадионом голос Кнорра, — чтобы в этом быть подобными нашим верным братьям, которые находятся за железной завесой коммунизма...

Саша, жадно впитывающий каждое слово «президента», вдруг вспомнил «большую игру», учение в школе «пионеров». Да, его колебания, о которых он писал «Джону», ошибочны. Саша многого не понимал тогда, многое еще не понимает и теперь. Жизнь лишь постепенно раскрывается перед ним. Брат Кнорр говорит о «железной завесе коммунизма». Если придется проникнуть за нее, то сделать это будет далеко не просто. Но «старшие» подумали обо всем, они дали Саше ловкость, силу, готовность преодолевать любые преграды. Саша обязан повиноваться «старшим», жить их разумом.

Кроме «Джона» и «пионеров», Калмыкову еще не приходилось общаться с «братьями по вере». Но молодой фанатик заранее любил их, раскрывал им навстречу объятия своей души.

«Как хорошо говорит Кнорр! — мысленно восклицал Саша. — Да! Там, среди врагов бога, наши единоверцы ведут чистую и благородную жизнь, показывая всем величие религии своей. Мы обязаны быть такими, мы должны брать во всем с них пример. Ведь нам — проще и легче, чем им...»

— Резолюцию одобрил, — заканчивал тем временем чтение Кнорр, — вице-президент «Общества Башни стражи» Франц. Засвидетельствовал Ренчел — председатель. Принято «Божественной воли международным собранием».

Одобрительный вой тысяч глоток неся в ответ. Сектанты поддерживали и приветствовали своего «президента». Умелый оратор, Кнорр наэлектризовал толпу. Он знал, чего от него хотят, и, как настоящий демагог, шел навстречу желаниям своих слушателей. Заумные толкования библии переплетались в его речах с тщательно замаскированной антидемократической пропагандой, туманные посулы блаженства на том свете — с призывами хранить и защищать капиталистический «порядок». Но настоящий смысл речей сектантского главы мало кому был понятен. Как все мистики, Кнорр и другие участники «Божественной воли международного собрания» обращались не к разуму, а к чувству... Даже не к чувству. Темное, безрассудное, бесконтрольное, что пряталось в дальних уголках души, выплеснулось наружу, заявило о себе, притупило разум. Участники «собрания», в том числе Калмыков, подчинились общему вихрю религиозного настроения. Своих, собственных мыслей, личной воли у них в этот момент не существовало.

Общий подъем, граничащий с экстазом, не только кто-то организовал. Им и управляли — умело, решительно... Неведомо по чьему распоряжению толпа двинулась к берегу залива. Здесь состоялось «крещение» обращенных. Сотни людей взялись за руки и длинными цепями входили по грудь в воду. Сзади на них наваливались новые цепи — кто-то тонул, захлебывался, молил о помощи. У выбравшихся на берег с одежды струями лилась вода. Взбаламученные волны пожелтели. Равнодушное солнце яркими лучами освещало эту странную картину.

Только наступивший вечер постепенно охладил пыл участников сектантского сборища. Тише стали «беседы», поредели шеренги «обращенных».

Неожиданно Калмыков почувствовал прикосновение к своему плечу. Молодой человек обернулся. Несколько секунд смотрел невидящими глазами, как бы очнувшись от глубокого сна. Тяжело вздохнул. Во всем теле чувствовалась томящая усталость. Болела голова, пересохло в горле.

— Мистер Калмыкофф? — спросил мужчина средних лет, средней наружности, в стандартном костюме. И голос у него был средний — не громкий и не тихий. — Я — Граббс.

— Да, — ответил еще не владеющий мыслями Саша. Секунду спустя, вежливо добавил. — Очень рад, мистер Граббс. Вы что-то хотели?

— Поедьте со мной, вас ждут.

Саша покорно сделал несколько шагов. Тотчас опомнился — уроки в школе «пионеров» не пропали зря, — спросил:

— Кто меня ждет?

— Тот, кому вы нужны! — В голосе Граббса прозвучали повелительные нотки.

«Пионер» пристально глянул на Граббса. И сразу вспомнил, что видел его в одной из комнат «Башни стражи», иеговистской штаб-квартиры, куда явился прямо с корабля.

— Я согласен, идемте.

Автомобиль находился неподалеку. Граббс сел за руль.

— Куда мы едем? — все-таки осведомился Калмыков, хотя и понял, что Граббс — «брат по вере».

— Могу дать совершенно точный адрес, — ответил Граббс, которого осторожность спутника, видимо, обидела. — «Башня стражи»; сто семнадцать, Адамс-стрит; Бруклин, один; Нью-Йорк. Знаете, что это?

— Да, — коротко ответил Калмыков, почувствовавший недоброжелательный тон.

Еще бы Саша не знал священный для каждого «свидетеля Иеговы» дом «Башни стражи» — мрачное многоэтажное здание с надстройкой на самом верху в виде башни. В библейские времена, якобы, с таких башен дозорные глядели окрест, предупреждая соплеменников о грозящей беде. Так, дескать, теперь «свидетели Иеговы» с башни своей наблюдают весь мир, не зная расовых, национальных и классовых интересов, только — божественные.

В главном доме иеговистов на сорока трех языках печатается журнал «Башня стражи», миллионными тиражами — различная пропагандистская литература, здесь хранятся секреты международной секты.

Здесь резиденция Натана Гомера Кнорра и его единомышленников, отсюда идут приказы, которым — и только им! — обязаны подчиняться правоверные иеговисты всей земли...

Однако попасть на Адамс-стрит не удалось. Когда Калмыков и Граббс въезжали в Бруклин, засигналил радиотелефон, которым была снабжена машина.

Граббс взял трубку.

— Это вы, Граббс? — спросил незнакомый Саше мужской голос.

— Я.

— Нашли, кого нужно?

— Он с вами?

— Да.

— Измените маршрут. Приезжайте ко мне.

— Туда, где вы обычно?

— Да.

— Слушаюсь, — по военному ответил Граббс и положил трубку.

Даже из этого короткого разговора Калмыков понял, что предстоит что-то серьезное.

Граббс круто свернул в первый же переулок, и машина поехала в направлении, обратном тому, которого держалась до сих пор. Саша не знал города и равнодушно глядел по сторонам, ни на чем не останавливая своего внимания. Уже совсем стемнело и рекламные огни, яркие витрины магазинов, проносящиеся мимо, раздражали, мешали сосредоточиться.

Минут через двадцать после телефонного разговора автомобиль остановился возле большого дома. Улица была в стороне от центра, темноватая, малолюдная.

Саша вопросительно глянул на Граббса.

— Двенадцатый этаж, коридор «Д», номер двести два, войти не стучась, — сказал Граббс. — Повторите.

— Двенадцатый этаж, коридор «Д», номер двести два, войти не стучась, — быстро проговорил Саша.

— Правильно. Прощайте!

— Прощайте!

Поднявшись на указанный Граббсом этаж, Саша нашел коридор «Д» и дверь 202. Дощечки с фамилией жильца, названием фирмы, которая занимает это помещение, или другого какого-нибудь указания, поясняющего, что здесь находится, не было. Дверь подалась нажатию легко. Распахнулась.

Саша вошел.

Обстановка была скромная, — так обставляют кабинеты бизнесмены средней руки. Хозяин сидел за большим письменным столом.

Неторопливо поднялся — краснолицый, с седыми волосами, коренастый. Саше показалось, что в первую же секунду хозяин успел осмотреть его с ног до головы, составить определенное мнение.

Мнение, очевидно, оказалось благоприятным. Незнакомец приветливо улыбнулся, дружеским тоном спросил:

— Нашли меня сразу?

— Да.

— Если не ошибаюсь, наш многообещающий брат Калмыкофф, который приехал из Европы?

— Моя фамилия Калмыков, — смутился Саша эпитету «многообещающий».

— Прошу вас, мой друг, прошу вас, присаживайтесь. Вы видите перед собой старину Дэвида. Можете так меня и звать: «Старина Дэвид». Ха, ха, ха, ха!

Смеются у Дэвида только губы, не мог не заметить Саша, а глаза продолжают всматриваться в собеседника, теперь разглядывая его более тщательно, так сказать, по частям. И еще одно удивило Сашу: в телефоне машины слышался не этот голос, хотя и сказал: «Приезжайте ко мне».

Тем временем Дэвид оборвал смех так же внезапно, как начал. Фамильярным жестом усадил гостя в кресло, проговорил на довольно чистом русском языке:

— Милости прошу к нашему шалашу.

— Спасибо, — ответил Саша усаживаясь. — Вы разве русский?

— Нет, но язык знаю немного — болтать насобачился. Ха, ха, ха, ха!

Кресло было простое и удобное. Часть комнаты отделялась широкой портьерой. Там, наверно, спальня альков?

— Что мы пьем? — Дэвид полез в тумбу письменного стола, выдвинул ящик.

— Ничего, — с легким удивлением ответил Саша: он думал, что Дэвид тоже сектант. — Вера запрещает мне пить.

— Так же, как мне, — весело подхватил Дэвид. — Я такой же правоверный иеговист, как вы... Но попробовать малую толику виски с содовой водой — не значит пить. К тому же, вам надо иметь определенный навык к спиртному. Мало ли что бывает в жизни... Мы не знаем, где окажемся завтра, среди кого.

— Если придется, я смогу пить и не опьянею, — с самоуверенностью молодости ответил Саша. — А сейчас не хочу.

— Вольному — воля, как говорят русские, — пожал плечами Дэвид. — Могу только похвалить вас... Но перейдем к делу... Я говорю от имени высоких руководителей. И я уверен, что вы исполните их приказ. Вы удовлетворите желание людей, сделавших вам столько хорошего в жизни. Я уже не упоминаю о том, что служба ваша угодна богу...

Он говорил медленно, торжественно. Саша жадно впитывал каждое его слово. Дэвид вошел в раж: как будто сделался выше ростом, речь его текла плавно, внушительно, во всей внешности появилась солидность.

«Вот начался мой путь, — думал Саша, продолжая внимательно слушать Дэвида. — Путь, о котором говорил брат Сокольский, говорили многие, путь, о котором я так мечтал. Теперь я выхожу на дорогу жизни — один, без друзей и близких, один в большом мире... Бог сопутствует мне и я не боюсь, но... какова-то будет моя дорога?..»

— Вы меня простите, Саша, — все так же медленно и торжественно говорил Дэвид, — если я напомним вам вашу биографию. Вы — жертва войны, один из многих сирот, обездоленных в наш жестокий век. У вас нет ни отца, ни матери. Откуда вы, где родились, как жили до войны остается тайной, которая вряд ли будет когда-либо разгадана. И вы погибли бы — маленький, беспомощный, одинокий — колеблющийся огонек под холодным ветром судьбы, не защити вас могучая рука провидения, исполнителем чьей воли оказались смиренные слуги бога Иеговы. Так же, как многих, многих других несчастных детей, вас поместили в приют, вас одели, обули, вас учили самой великой и радостной науке — вере в бога.

Дэвид замолчал, глядя Саше прямо в глаза. Взгляд был таким, что, казалось, он сверлит мозг, самые укромные мысли не скроются от Дэвида.

— Да, я знаю, — тихо ответил Саша. — И благодарен. Благодарен на всю жизнь.

— Жизнь! — взволнованно сказал Дэвид. — Что такое жизнь? Она проходит и пройдет... Вот, — вынул из ящика письменного стола журнал «Башня стражи». Саша заметил номер: второй, февраль 1958 года. — Вот мудрая и глубокая статья. Она называется «Что даешь ты за жизнь твою?». Слушайте, как замечательно сказано: «Твой прекрасный дом не вместится в твой гроб, твой блестящий автомобиль не последует за тобой в могилу — там не принесет тебе пользы никакая программа телевидения...» У нас с вами нет ни дома, ни блестящего автомобиля и незачем нам с вами их добиваться... Мы должны думать о другом: о помощи ближним. Мы должны помогать ближним, как в свое время получили помощь от них, мы должны думать о вечном блаженстве, которое дают праведные дела.

«Как хорошо он говорит! — с восторгом думал Саша. — Возвышенно, благородно!.. А... А мне он сперва не понравился. Никогда не надо судить о людях по первому впечатлению».

— И вот об этой-то вашей обязанности я хочу напомнить вам, — по-прежнему вдохновенно продолжал Дэвид. Глаза его снова заглянули в душу молодого человека. — Я хочу потребовать от вас выполнения вашего долга.

Саша напрягся, как струна и, отвечая прямым честным взглядом на взгляд собеседника, вздрагивающим от волнения голосом сказал:

— Я готов!

— Верю, — просто и задушевно, как старый друг, отозвался Дэвид. — Иных слов от вас я не ожидал, я немного разбираюсь в людях, мой мальчик. Ни разу не ошибся я, встретив благородное сердце. У вас такое сердце, я понял это быстро.

Саша смутился. Не знал, что сказать. Молчал и Дэвид. После долгой паузы продолжал:

— Мы с вами живем в свободном мире, верим в духовную силу. Но есть страны, где царствует материализм и безбожие, где люди ходят слепыми во тьме. Помочь им обрести веру — наша

благородная обязанность. Готовы ли вы к ней? Готовы взять на себя подвижничество миссионера, пренебречь свободой, а может, и жизнью ради того, чтобы нести людям святой свет? Не торопитесь с ответом, не говорите мне сейчас ничего. Идите к себе, подумайте. Завтра вы мне ответите: согласны ли отправиться в Советский Союз, отправиться тайно, рискуя собой, а там, в Советском Союзе, проповедовать наше учение... Молчите и уходите. Окончательно решите завтра. Если вы чувствуете в себе силу — соглашайтесь. Идите по стезе верности на всю жизнь.

— На всю жизнь, — как эхо повторил Саша. — Я...

— Нет! — перебил Дэвид. — Сегодня я больше ничего не хочу слышать. До завтра.

Саша молча встал, пожал руку Дэvidу. Тот ответил крепким рукопожатием. Молча вывел Калмыкова в коридор, закрыл за ним дверь.

Сашины шаги затихли. Из-за портьеры, отделяющей спальню альков, появился благообразный лысый субъект, манерами неувовимо схожий с Дэвидом. Такое сходство бывает обычно у людей, много лет занимающихся одинаковой профессией.

— Он согласится, — сказал лысый, вынимая из ящика стола бутылку и два стакана. Наполнил стаканы, одни протянул Дэvidу.

— Не сомневаюсь, — кивнул Дэвид. — Я это сразу смекнул и дал ему отсрочку до завтра, чтобы все выглядело солиднее.

— Ты мастак на такие дела. Я даже чуть не прослезился, когда тебя слушал.

— Во мне гибнет великий оратор.

Чокнулись, выпили.

— И все-таки, — задумчиво прихлебывая из стакана, проговорил лысый, — какая чепуха: свет истины, стезя добродетели и прочее... Не в моем это вкусе.

— Глупости! — отрезал Дэвид. — Эти люди так же опасны для Советов, как и твои бандиты с их бомбами и ядовитыми ампулами... Наш век — век идеологии, и идеологические средства борьбы важнее всех других...

— Вот видишь, — удовлетворенно закивал лысый. — В конце концов все сводится к одному — это как в любви, все сводится к одному... И не надо ругать моих бандитов, они не хуже твоих праведников... Налей-ка мне еще...

...С высоты тридцать второго этажа, где Саше отвели недорогую комнату в большом отеле, будущий миссионер смотрел вниз, на озаренный огнями город. Недавно светился внизу Париж, сегодня — Нью-Йорк: Европа, Америка, не все ли равно живущему без родины! Чужие города светят дальними огнями и нет среди них огня, который позвал бы изгнанника. Звезды, пожалуй, для него ближе — ведь они всегда сопутствуют Саше, в любом городе он видит их над собой: холодные, мерцающие, равнодушные.

Теперь судьба его делает внезапный поворот.

Калмыков не знал и не мог знать, что «внезапность» подготавливалась много лет, была частью хорошо продуманного плана. Во имя этого плана еще Эльза Блау — сестра Агнесса — повинувшись приказу, оставила монастырь «Сердца Иисусова», где безбедно прожила столько лет, умчалась к берегам Эльбы,

чтобы стать начальницей приюта. Во имя этого плана был создан и сам приют, в котором обездоленных сирот воспитывали врагами родной земли. Жизненный путь Калмыкова и подобных ему оказался предопределен с самого начала. И что бы ни случилось с сектантским «пионером», главную ответственность за судьбу его несли те, кто распоряжается людьми, как пешками на шахматной доске.

Теперь предстояло совершить то, к чему Калмыкова долго и тщательно готовили.

Саша сидел у окна, чувствуя, как ветер приятно охлаждает горячий лоб. «Я понесу свет блуждающим во тьме! — мысленно восклицал Калмыков. — До сих пор я жил в стороне от мира, теперь должен посвятить себя миру. Я поеду в Советский Союз и там умножу число обращенных в истинную веру. Там найду я свое счастье — в служении людям, служении великому делу веры».

Как тогда, в Париже, Саша спустился на улицу. Взял такси, поехал в Бруклин. Огромный многоэтажный дом с надписью по фронтону «Башня стражи» казался в этот час пустынным. Лишь в боковых частях его, более высоких, чем центральная, светились окна.

Однако Калмыков знал и верил, что даже поздно ночью в священном здании иеговистов не прекращается кипучая деятельность. Подчиненные Натана Кнорра заняты делами таинственными, недоступными для посторонних. Саша с восхищением подумал, что этот многоэтажный суровый дом похож на военный штаб. Штаб незримой армии, рассеянной по всему свету. «Вот и я тоже — солдат этой армии», — мысленно сказал себе Калмыков...

Он не помнил сколько времени провел возле «Башни стражи». Вернулся в отель после полуночи.

Спать не хотелось. Снова сел к окну.

Ветер дул влажный и теплый. В стороне океана вставала стеной плотная, непроницаемая тьма. Не было в ней ни огонька, ни проблеска. И вспомнились прочитанные где-то или слышанные когда-то стихи:

Там шумят чужие города.

И чужие горе и беда...

Глава третья

НА БОРТУ «КАГИ МАРУ»

Рамори сан жил в тихом переулке Токио, подальше от шумных деловых кварталов, от центральной Гиндзю с ее рекламами, питейными и прочими заведениями, с ее претензией походить на Бродвей. У Рамори сан было спокойно, уютно, традиционно: легкий домик, построенный в классическом стиле японской архитектуры, такой же классический садик с карликовыми столетними дубами и елями в полчеловеческого роста, крошечным прудом, бурливой речонкой, через которую перекинут игрушечный мостик. Единственным отступлением от традиции было отсутствие в садике кумирни, где приносятся жертвоприношения и возжигаются курения в честь умерших предков. Но отступление от традиций имело важную причину: Рамори сан не был ни буддистом, ни синтоистом. Он исповедовал православную религию.

— Видите ли, — объяснял он Саше на отличном русском языке, даже щеголяя безукоризненным произношением трудного для японца звука «л». — Видите ли, настоящее мое имя Михаил Павлович. Не удивляйтесь. Например, генерала Араки — вы вряд ли знаете о нем, а перед войной это был известный генерал — звали Семеном Петровичем. А я — Михаил Павлович Рамори... Крестился я в Знаменском соборе во Владивостоке, что на Суйфунской улице... Впрочем в тридцатые годы его разрушили... Крестная мать моя — супруга капитана первого ранга Келда-Белокопского, крестный отец — лейтенант барон Бертель Вильгельм Францевич. О, это была волнующая минута в моей жизни...

У Саши затекали ноги от неудобной позы, в которой приходилось сидеть на полу, но молодой человек забывал и о боли в ногах и о непривычной позе, слушая Рамори сан. А старик умел и любил поговорить, но лишнего этот приветливый, улыбающийся человек не болтал. Он увлеченно рассказывал Саше про свою службу дьяконом в маленькой церкви на Русском острове — крепости, которая защищала вход во Владивостокский порт. Вспоминал концерты, парусные гонки, благотворительные базары и прочие великосветские развлечения морских офицеров в годы перед первой мировой войной и революцией. Но Рамори сан не объяснял причин, которые побудили его годами жить па чужбине, именоваться «Михаилом Павловичем» да еще, вдобавок ко всему, заделаться дьяконом православной церкви. Причины были веские: не один русский военный секрет попал в японскую военно-морскую разведку благодаря скромному «дьякону». По церковной линии «Михаил Павлович» дальше дьякона не продвинулся, зато по возвращении на родину его ждал чин капитана первого ранга и несколько орденов за отличную службу. А чины и ордена в военно-морской разведке зря не раздавали...

Но все это, как говорится, было и быльем поросло.

После второй мировой войны Рамори сан удалился от дел, жил на покое. Одно время, правда, оккупационные власти зачислили его в военные преступники. Нашлись свидетели, которые показали, что бывший «дьякон», командуя отрядом разведчиков на Окинаве, побуждал своих подчиненных по древнему самурайскому обычаю вырезать печень врагов, в данном случае пленных американских летчиков, и есть ее. Вспыхнувший скандал быстро замяли, словно по чьему-то сигналу. Имя Рамори сан мгновенно исчезло с газетных страниц. Время от времени бывшему дьякону давали некоторые деликатные поручения. Например, приютить человека, которого перебрасывали в Советский Союз, и заодно обучить его приемам дзю до...

Оба задания «Михаил Павлович» выполнял с охотой. Каждое утро подолгу возился со своим постояльцем, показывая, как можно легким ударом руки оглушить противника на три минуты, пять, десять; переломить ему предплечье, вырвать ребра и так далее и тому подобное. Саша, удивленный и рассерженный, сперва категорически отказался овладевать смертоубийственной «наукой». Японец сумел уговорить его, доказать, что знание дзю до необходимо для самообороны, защиты от хулиганов. А хулиганов, — сказал Рамори сан, — много в стране, где не признают бога.

Вторая половина дня проходила в беседах. Воспоминания прошлого Рамори сан перемежал с рассуждениями о настоящем.

— Видите ли, — повторял Рамори сан свое любимое выражение. — Видите ли, конечно, патриарх всея Руси, находящийся в Москве, хотел бы быть главой православной церкви мира. Повторяю, хотел бы быть. Однако некоторые, к ним принадлежу и я, признают его претензии очень проблематичными. Видите ли, митрополит Анастасий Грибановский основал в Нью-Йорке «заграничный синод русской православной церкви», и его права на патриаршество мне кажутся более обоснованными...

Как всегда, Рамори сан до конца не договаривал. Вспоминая Анастасия Грибановского, он «забывал» упомянуть, что этот «митрополит» в своё время бежал из Советского Союза. Грибановский проявил себя оголтелым монархистом. Окружали его последние отбросы эмиграции. Конечно, истинное обличье Грибановского, вкупе со всем его заграничным «синодом», не составляло для Рамори сан ни малейшего секрета. Однако сообщать такие сведения Саше Рамори сан не хотел.

— Я мало знаком с этим вопросом, — ответил Саша «Михаилу Павловичу». — Ведь я придерживаюсь другой веры, мы не признаем православной церкви, где бы она ни находилась. Мы считаем, что священники извратили истинный смысл библии.

«Брат» Кирилл Сокольский и «дьякон» в отставке Рамори сан никогда не видели друг друга и даже не слышали один о другом. Но оба были людьми без иллюзий, и взгляды их совпадали...

— Знаю. — Рамори сан вежливо склонил голову, подчеркивая уважение к религиозным взглядам гостя. — Но, видите ли, в наш век, когда безбожие, к сожалению, делает успехи, мы, верующие, обязаны помогать друг другу, забывая о собственных разногласиях...

«Помощь» Рамори сан Саша почувствовал в ту же ночь. Он спал крепким сном молодости, когда его настойчиво потрясли за плечо. Саша неохотно открыл глаза. В комнате горело электричество. Рамори сан склонился над Сашей.

— Пора, — торжественно сказал Рамори сан. — Время пришло, пора ехать.

Молодой человек не спросил куда и зачем ехать — с планом переброски на советскую территорию его познакомили заранее. Сашу посадят на рыболовную шхуну. Ночью, в туман, а туманы часты в это время года, она «заблудится» и подплывет как можно ближе к советскому берегу...

— Сейчас оденусь, — ответил Саша. — Погодите минуту, Михаил Павлович.

Вскоре он был готов.

— Желаю счастья, — проникновенно сказал Рамори сан. — Помогай вам бог... Помните прием, которому я вас обучил. Советские пограничники ходят по двое. Если вас заметят, подпустите их поближе и сделайте вид, что хотите укунить воротник вашей рубашки. Так поступают некоторые агенты — в воротнике у них зашита ампула с ядом, раздавив ее зубами, они кончают жизнь самоубийством. Прием

пограничникам известен. Они сразу кинутся к вам. Тогда вы бьете одного сюда и сюда, — Показал пальцем куда именно, — второго — сюда. Делаете это очень быстро и даете тягу. Я много размышлял — правы вы или нет, не беря с собой оружия, и пришел к выводу, что правы. В случае ареста это пойдет вам на пользу.

— Я иду невооруженным потому, что религия запрещает мне брать в руки оружие, — горячо сказал Саша.

— Правильно, правильно, — поспешно согласился Рамори сан. Добавил с еле заметной улыбкой. — Знание джю до послужит не меньше пистолета за пазухой, а может и больше... Что до оглушенных вами солдат, о судьбе их не беспокойтесь. Они пролежат без сознания минут пять—десять. — Сказав, подумал: «Эти пять—десять минут для них никогда не кончатся».

— Все-таки, я надеюсь, что обойдется без стычек и других неприятностей, — возразил Саша.

— Как знать, — меланхолически ответил Рамори сан. — Как знать. Перейти советскую границу не шутка. Лучшие агенты обломали зубы об этот орешек... Ну, желаю вам счастья. Автомобиль ждет.

Везли Сашу долго. Молодой человек разместился на заднем сидении. Впереди, рядом с шофером, видел неясный силуэт — то ли японца, то ли европейца. Шофер и его спутник молчали. Саша не заговаривал с ними. Машина долго петляла по улицам и переулкам. Они были темными, пустыми и наверно потому выглядели враждебно. Саша невольно спросил себя: отчего все время так получается, что он ездит ночью, по окраинным улицам, в стороне от широких и прямых проспектов, заполненных людьми. Спросил и не нашел ответа...

В автомобиль пахнуло острым запахом моря. Машина ехала вдоль причала. Справа тянулись мрачные здания без окон, очевидно пакгаузы. Слева за оконечностью мола или пирса мигал зеленый огонек. Ветер дул прохладный и бодрящий.

«Зеленый огонь — огонь надежды», — подумал Саша.

Машина остановилась. Саша увидел очертания пришвартованного к причалу двухмачтового судна. Над палубой висел тусклый керосиновый фонарь. Фонарь тихо покачивался, и тени вокруг него то вырастали, то съеживались.

— Шхуна «Каги мару», — на английском языке сказал молчаливый человек, сидящий рядом с шофером. Не вылезая из машины, свистнул и затем крикнул по-японски. Со шхуны ответили. Из люка высунулась голова.

— Вас ждут, идите на шхуну, — скомандовал Сашин спутник. — Прощайте.

— Прощайте, — ответил Саша, выходя из машины. Автомобиль уехал.

По зыбкой пружинящей сходне Саша перебрался на шхуну. Отвратительно пахло тухлой рыбой. Моряк, который выглядывал из люка, вылез на палубу, небрежно притронулся к козырьку фуражки и отрекомендовался на «Пиджин англиш», принятом среди моряков Тихого океана жаргоне:

— Кэптен Судзуки.

— Здравствуйте, капитан.

— Иди каюта, спи. Завтра в море.

— Хорошо.

Каюта маленькая, грязная, запах испорченной рыбы здесь еще гуще, чем наверху. Две койки. На одной кто-то спал, навалив на себя грудку тряпья.

Саша лег, не раздеваясь, долго не мог уснуть. Он не боялся предстоящего испытания и все-таки... Все-таки что-то щемило грудь...

Забылся под утро. Когда проснулся, по крену, размахам качки понял: шхуна находится в открытом море.

Дверь из каюты открывалась прямо на маленький крутой трап. Медные полосы, привинченные к ступеням его, тускло поблескивали в полумраке. Саша поднялся наверх. Земля исчезла. Вокруг, насколько хватал глаз, расстился простор океана. Навстречу шхуне катились волны. В первый момент их даже трудно было заметить, такие они длинные, пологие и могучие. «Каги Мару» не спеша перебиралась со склона на склон.

Небо нависало пасмурное, сердитое. Шхуна была скуластая, с коротким тупым бушпритом, толстыми, будто обрубленными мачтами, захлавленной палубой, обшарпанной надстройкой. Саше она не понравилась. Не вызвали симпатии и матросы, по крайней мере, те, кто находился сейчас на палубе: как на подбор низкорослые, глядящие исподлобья, в грязных фуфайках и штанах «дунгари», головы, по обычаю японских рыбаков, обмотаны полотенцами.

Судзуки стоял возле рулевого. Увидев Сашу, «кэптен» двумя пальцами притронулся к козырьку, пробормотал: «Хау ду ю ду». Остальные моряки даже не повернулись в сторону пассажира.

— Хау ду ю ду, — ответил Саша.

Чувствуя, что «кэптен» к дальнейшей беседе не расположен, и сам не испытывая желания с ним разговаривать, Калмыков отвернулся. Стал у борта. Задумался, глядя вдаль.

Через сутки-двое начнется первое серьезное испытание. Саша понесет свет правды, свет божьего слова. Так он думал тогда в Нью-Йорке и так сказал, вернувшись к Дэвиду на следующий день после первой беседы. Дэвид одобрил его решение: «Вы правы, мой молодой друг, мы ничего общего не имеем с политикой, мы не служим никакой власти, мы служим богу Иегове». Дэвид говорил горячо, искренне. Правда, глядел он в этот момент мимо собеседника... Но глупо обращать внимание на такие пустяки...

Тот же Дэвид объяснил Саше задание. Перейти границу. Убедившись, что нет слежки, приехать в город Приморск. Там есть верные люди, с которыми Саша наладит контакт.

— Запомните, — поучал Дэвид. — Только запомните, ничего не записывайте. Связь с заграницей — прежде всего с «Бюро восточно-европейской зоны». Это ваши непосредственные начальники, они руководят «Краевым комитетом», вашей верховной организацией в Советском Союзе. Затем — связь с центрами в Европе. Возможно, цепочка к ним пойдет через Западный Берлин. А уже оттуда — к нам. Ясно?

— Понятно.

— Как все сложится на деле, предугадать трудно. Через «пионеров» будем посылать пропагандистскую литературу — «Башню стражи», брошюры. Но вы особенно на это не полагайтесь.

Добывайте пишущие машинки, ротаторы, сможете — настоящую типографию. Получите материалы от нас — размножайте, пишите сами и выпускайте листовки, статьи, рефераты.

Дэвид сделал короткую паузу, еще пристальнее глянул на Калмыкова.

— Работы хватит, и работы рискованной. Глупо скрывать от вас трудности, дела паршивые. Нас считают, как они выражаются, иностранными агентами, чуть что — тянут к властям. Провалы не только «килок», но и «групп», и «стрейф» следуют один за другим. Пришло известие, что взят «Краевой комитет», попались Цыба и Веретельник... Слышали о них?

— Конечно! — кивнул Саша. Имена Николая Цыбы и Марии Веретельник, вожakov иеговистского подполья в Советском Союзе, окруженных для рядовых «свидетелей Иеговы» мистической таинственностью, были ему известны.

— Вот, — закончил Дэвид. — Они, наверно, уже осуждены... Вы должны действовать в глубокой тайне и быть готовым ко всему.

И тогда, перед Дэвидом, и сейчас, стоя наедине с собой, Калмыков знал: он готов. Ничто не страшит и не остановит его. Он пожертвует всем — свободой, жизнью ради веры. Ни у кого нет такой судьбы, как у него...

Калмыков ошибался. «Тайной армии» уделяется все больше внимания.

В учебных центрах сухопутных и морских сил США, в лесах Тироля из беженцев, людей без родины, готовят профессиональных диверсантов-террористов. Они должны действовать без «идеологического прикрытия». Их задача — убивать, взрывать, наводить страх.

А есть и другие...

Вскоре после Октябрьской революции Римский папа Бенедикт XV организовал в Риме Восточный институт во главе с французским иезуитом Мишелем Дэрбиньи. Питомцы института, католические «миссионеры», должны были действовать в СССР. Впоследствии институт назвали «Русским колледжем», ныне он именуется «Колледжем святой Терезы» или просто «Руссикумом». Чему учат в «Руссикуме» откровенно рассказал в 1949 году глава этого малопочтенного заведения иезуит Веттер редактору одной римской газеты: «миссионеры», выпестованные здесь, владеют пистолетом и ножом не хуже заправского бандюги. Ватиканская «Комиссия по делам России», сокращенно «Про Руссия», направляет деятельность «Колледжа святой Терезы», «Украинского колледжа», специальной миссионерской школы при крупнейшем в Бельгии католическом Лувенском университете...

Иеговисты полностью отвергают католическую религию. Они утверждают, что не имеют с католиками ничего общего.

Однако, как и католики, как другие религиозные организации, «свидетели Иеговы» стремятся расширить свое влияние — прежде всего, в странах социалистического лагеря. Иеговистам недостаточно школ «пионеров». С 1943 года при бруклинском иеговистском центре действует «Библейская школа Башни стражи «Гилеад». Тут готовят миссионеров, которые потом разъезжаются по всему свету, тайно пробираясь через кордоны, тайно проникая в доверчивые человеческие души...

«Пионер» Калмыков тоже стремился перебраться через советскую границу, и, что бы ни думал фанатик-иеговист о своей миссии, он — лишь орудие в чужих руках. Исполнителем приказов был и Дэвид, о котором Саша вспоминал так тепло...

А может и сам Натан Гомер Кнорр с его пышными, наполненными мистикой титулами служит еще чему-то, кроме религии, и еще кому-то, кроме бога Иеговы?..

Калмыкову не было дано это знать, даже не было дано об этом подумать. Он стоял на борту шхуны, гордый своей участью, погруженный в размышления о будущем.

Неприятный! голос оторвал от мечтаний, проскрипев под ухом. Саша вздрогнул.

— Ты ходи кушать-кушать, — пригласил Судзуки, показывая на люк, ведущий под палубу.

Следуя за «кэптеном», Калмыков спустился в маленькую кают-компанию, посреди которой стоял стол и несколько вращающихся кресел — все намертво прикрепленное к палубе. В иллюминаторы заглядывало море.

Судзуки сел во главе стола на капитанском месте. Калмыкова посадил напротив. Третьим за столом был молодой квадратный японец.

— Он штурман, — коротко пояснил Судзуки.

Обед состоял из риса, политого соусами, одобренного неизвестными Саше специями, посыпанного непонятным белым порошком.

— Твоя хочет — гуляй, хочет — спи, — посоветовал Судзуки, когда трапеза окончилась.

Саша совету не последовал. Запершись в каюте, проверил свое снаряжение.

План высадки был таков: когда под прикрытием тумана «Каги мару» приблизится к берегу, спустят шлюпку. Сядут в нее Саша и матрос. Удастся — матрос высадит Сашу прямо на берег. Если будет прибой или другая помеха, Саша оденет акваланг и в нем доберется до цели. Матрос должен убедиться, что Саша благополучно вылез на берег. Выходить надо спиной вперед, сбить с толку пограничников, пусть думают, что он не вышел из воды, а вошел в море. Потом матрос вернется на «Каги мару». Калмыков зареет, еще лучше — утопит в реке, в пруду акваланг, приведет себя в порядок и отправится навстречу судьбе. Советские деньги у него есть, документы тоже... Первая важная задача — раздобыть новые документы. «Эти, что у вас, сделаны хорошо... даже лучше, чем настоящие, и в том их недостаток, — сказал Дэвид, инструктируя «пионера». — На первое время сойдут, дальше будет видно».

Проверив акваланг, осмотрев и уложив снова на место остальное снаряжение, Калмыков от нечего делать поднялся на палубу. Ветер свежел. Неуклюжая «Каги мару» покряхтывала, скрипела, паруса ее полоскались. Судзуки стоял на своем обычном месте возле рулевого. Тут же был штурман. Заметив Сашу, штурман оглядел его с головы до ног. Не обращая ни к кому в отдельности, заговорил сердито и громко.

— Что он сказал? — спросил Саша у «кэптена», чувствуя какую-то колкость в свой адрес.

— Он глупый, — спокойно пояснил Судзуки, безбожно коверкая английский язык. — Он говорит, если бы не такой, как твоя, японец живи в мире с русский. Он не понимает, что моя за твоя получай доллары.

Калмыков вспыхнул. В свою очередь гневно посмотрел на штурмана. Тот сперва не отвел взгляда. Потом, сдерживаясь, вперевалку, неторопливо, перешел на другой борт.

«Как он смеет!», — мысленно возмущался Саша.

Штурман стоял к Калмыкову спиной. Молодому человеку казалось, что даже спина японского моряка выражает недоброжелательность.

Вечерело. Океан затих, взошла луна. Свет ее, фиолетово-розовый, проложил далекую дорожку, по которой шла и шла одинокая шхуна. За все время ей не встретилось ни одного корабля — «кэптен» умышленно держался подальше от честных морских дорог. В лунном свете «Каги мару» казалась гораздо красивее, чем днем. Паруса ее нежно серебрились, спутанные снасти висели таинственными клубками. Тихо журчала за бортом вода, изредка хлюпали волны, придавленные тупым носом шхуны. Рулевой стоял у штурвала, не отрывая взгляда от тускло освещенной картушки компаса. Время от времени в вышине начинал хлопать парус. Рулевой неторопливо поворачивал лакированное колесо, перебирая торчащие на нем рожки-рукоятки, хлопанье затихало. Ночь успокаивала, сглаживала обиды, умеряла тревогу. И по-прежнему глядели сверху звезды, те звезды, которые всюду сопровождали Сашу — далекие, холодные, спокойные. Свет их казался родным, они как бы ласково подмигивали молодому человеку...

Так — в ничегонеделании, молчании, ночных прогулках по палубе, провел Саша четверо суток. На пятые «Каги мару» легла в дрейф: пришли к цели, оставалось ждать подходящей погоды.

Ее не было три дня и три ночи. Судзуки нервничал, во время встреч за едой все суровее поглядывал на пассажира, будто возлагая на него вину за ясное небо. Волновался и Калмыков. Не терпелось скорее начать опасный путь, покинуть опостылевшую «Каги мару».

В такую пору ясные дни на тихоокеанском побережье редкость, зато туманы почти непрерывны. К полуночи третьих суток дрейфа белая мгла покрыла море. Шхуна развернулась и, подгоняемая не сильным, но ровным ветром, двигаясь почти бесшумно, взяла курс к советскому берегу. Ни одного звука не раздавалось на палубе. Когда хлопнул парус, Судзуки так зашипел в сторону рулевого, что матрос вздрогнул, начал быстро крутить штурвал.

«Кэптен», штурман и пассажир стояли рядом. Вглядывались в туман. Что ждет там, за белесым пологом? Как бы хотелось каждому из них иметь глаза, проникающие сквозь холодный мрак.

Саша не сомневался в успехе. Иным было настроение Судзуки. Он боялся советских пограничников. Если бы не доллары, не плохие дела для рыбаков, он отказался бы от рискованного промысла.

Часа через два после того, как «Каги мару» повернула, Судзуки послал матроса поглядеть на лаг — сколько пройдено миль. Когда вахтенный вернулся и доложил о результатах, Судзуки удовлетворенно кивнул.

— Твой тащи вещи, скоро шлюпка ехать, — обратился он к Саше.

Спустившись в каюту, Калмыков переоделся. Теперь его белье, носки, туфли, костюм, галстук были только советского производства. На руке советские часы «Победа», в карманах советские разменные монеты. Ни одна мелочь в его облике, повадках, не должна наводить на мысль, что он прибыл из-за рубежа. Те, кто отправлял Калмыкова, детально продумали его снаряжение, постарались не забыть ничего...

Переодевшись, укрепив под рубахой на груди пакет с документами, деньгами, иеговистской литературой, Саша искренне и горячо помолился. Молитва сделала его совсем хладнокровным. Все будет так, как захочет бог, и разве можно сомневаться в бесконечной божьей мудрости!

Взяв акваланг. Калмыков поднялся наверх. Здесь по-прежнему стояла тишина, которую подчеркивало журчание воды за бортом и, временами, легкий скрип блоков. Темные лица моряков были бесстрастны.

Короткая команда «кэптена», — и шхуна чуть изменила курс. Ход судна заметно ускорился, веселее зажурчала за бортом вода.

Судзуки посмотрел на пассажира и, увидев, что молодой человек переоделся, удовлетворенно кивнул.

— Сейчас, — сказал «кэптен».

Вдруг штурман схватил Судзуки за плечо. Оба замерли в напряженных позах, вслушиваясь в голос ветра. Саше показалось, что уши у них сделались острыми, как у собак. Широкие ноздри Судзуки совсем по-собачьи расширились, нюхая воздух.

Калмыков тоже услышал далекое, слабое, но явственное биение мотора.

— Что это? — спросил у Судзуки.

Вместо ответа «кэптен» повернул к Калмыкову искаженное гримасой лицо и яростно зашипел.

Стук затих, как бы растаяв в туманной мгле ночи.

Тотчас Судзуки коротким лающим голосом отдал несколько приказаний. Рулевой вертел штурвал, матросы выбирали шкоты. «Каги мару» повернула и теперь двигалась в обратном направлении — от берега.

Ничего не понимающий в этих сложных маневрах, Саша удивленно и встревоженно посмотрел на Судзуки. Тот не удостоил пассажира даже взглядом.

Стук мотора возник снова и гораздо ближе, чем раньше. Он был спокойный, уверенный, настойчивый. Теперь не оставалось сомнений, что неизвестное судно идет прямо на «Каги мару». Судзуки и штурман знали: пограничный катер нащупал шхуну локатором, приближается к ней.

Сообразил это и Саша.

Те, кто «воспитывал» Калмыкова в «колледже свободы», в школе «пионеров», не потратили усилий зря. Сделанное ими наложило отпечаток на характер, весь строй души молодого человека, по натуре своей мягкого, доброго. Исковерканная судьба странным образом сплела в нем одинокого сироту, который робко мечтал о счастье, ласке, любви, думал, что несет людям счастье, ласку, любовь... и отлично натасканного тайного агента, которого учили не останавливаться ни перед чем. Что же было сильнее в нем — природные задатки или качества, привитые в «колледже свободы»?..

Сейчас, при звуке настигающей погони, Калмыков стал таким, каким его сделали: хитрым, точным, решительным.

Неожиданно, не сказав никому ни слова, он схватил лежащий на палубе акваланг и швырнул за борт прежде, чем Судзуки успел помешать. Булькнули тяжелые баллоны со сжатым воздухом. Резиновый костюм и все остальное снаряжение отправилось на дно.

— Твоя что? — воскликнул «кэптен». — С ума сошел?!

Быстро догадался:

— Правильно! Если обыск делай буду, акваланг находи, твоя пропадай и наша пропадай.

— А может не заметят, мимо пройдут? — спросил Саша, не обращаясь ни к кому в отдельности.

Судзуки пожал плечами. По лицу его Калмыков понял: встречи с пограничниками не миновать.

«Не боюсь?» — мысленно спросил себя Саша. Опять, как тогда, на стадионе, вспомнил «большую игру», жестокие тренировки; вспомнил, как в школе «пионеров» стоял навтыжку перед «братом», который изображал советского следователя и кричал на Сашу, а однажды, войдя в азарт, даже ударил; вспомнил речь Кнорра и без колебаний ответил на свой вопрос: «Нет! Не боюсь!» Сердце бьется ровно, мысли четки.

— Дай сюда, быстро! — Саша знаком потребовал у одного из матросов клеенчатый дождевик, чтобы скрыть под ним свой советский костюм. Накинул дождевик на плечи. Теперь одеждой Калмыков не отличался от остального экипажа «Каги мару».

Рокот мотора слышался совсем близко, и вот из туманной темноты появился катер — низкие борта, приподнятый нос, свидетельствующий об отличной мореходности, скошенная назад мачта. На ходовом мостике и у крупнокалиберных пулеметов, нацеленных прямо на шхуну, застыли темные фигуры военных моряков.

— На шхуне! — скомандовал в мегафон зычный, уверенный голос. — Застопорить ход!

Судзуки даже глазом не моргнул, сделал вид, что приказание к нему не относится.

Моряк с катера выкрикнул несколько японских фраз — Саша догадался: повторил требование.

Волей-неволей «кэптену» пришлось подчиниться. «Каги мару» легла в дрейф, неуклюже приседая на океанских волнах.

Катер подошел к шхуне. На «Каги мару» перепрыгнуло несколько пограничников. Рослые, быстрые парни знали дело назубок. Не успел никто из команды «Каги мару» что называется перевести дух, как двое пограничников и третий, который командовал всеми, стояли на мостике рядом с рулевым и «кэптеном». Еще двое заняли посты у ведущих под палубу люков. Даже если бы экипаж шхуны попытался оказать сопротивление, он ничего не смог бы сделать — все ключевые позиции находились под контролем.

— Судовые документы! — коротко потребовал старший из пограничников.

Судзуки стоял с непроницаемым лицом.

— Ага... Не понимает... Или делает вид, что не понимает, — вслух подумал моряк и обратился к одному из своих подчиненных:

— Переведите: пусть предъявит судовые документы.

Матрос бойко заговорил с «кэптеном». Судзуки, не отвечая, ушел в каюту. Вернулся с бумагами, протянул их пограничнику.

Тот прочел. Недоуменно покосился на Сашу.

— Первый раз вижу на японской рыболовной шхуне штурмана-европейца... Странно. Однако бумаги в порядке. Спросите, почему очутился здесь?

Моряк перевел вопрос и ответ Судзуки:

— Говорит, потеряли ориентировку в тумане.

— Тоже странно. Туман начался недавно, а они изрядно приблизились к нашему берегу. Спросите, чем он это объясняет.

— Ничем не объясняет, товарищ мичман, — выслушав Судзуки, ответил матрос. — Говорит, заблудились и все. Далеко ли, близко — ему неизвестно.

— Где карта?

Принесли карту. Судзуки знал свое ремесло и был предусмотрителен. С того момента, как шхуна пошла к советским берегам, прокладку курса он на карте не вел.

— Говорит, как только потеряли свое место, так прокладку вести прекратили, товарищ мичман.

— Не нравится мне вся эта история, ой, не нравится. Общайте судно.

— Есть!

Обыск ничего не дал. Единственную улику — акваланг — утопил Калмыков. В остальном «Каги мару» не отличалась от других рыбачьих шхун, которые десятками ведут лов в этом районе. Бывает, нечаянно, или из жадности, преследуя косяк рыбы, нарушают границу территориальных вод.

— Ладно, может, действительно рыбаки, — опять вслух поделился своими размышлениями мичман. — И шли то не к нашему берегу, а наоборот... В общем, нравится — не нравится, причин для задержания нет... Закон есть закон...

Предупредите: если еще раз нарушит правила, будет худо.

— Есть!

Бойкий моряк перевел. Судзуки молча пожал плечами. «Кэптен» держался нагло, в меру нагло, пограничников он все-таки боялся, хотя старался этого не показывать.

— Скажите, пусть следует таким курсом до рассвета.

— Есть!

Пограничники вернулись на катер. Несколько минут он продолжал стоять рядом с «Каги мару»: пока мичман докладывал командиру о происшедшем, пока решали, как поступить со шхуной. Затем пророкотал мотор, забурлили винты. Катер дал задний ход, развернулся и, с места набирая скорость, исчез в темноте.

— Ты, высаживаться нельзя, — подвел итог Судзуки. — Костюм нет, пограничники следят — есть...

Саша и без него понимал: высадка сорвана. Что ж, надо попытаться в другом месте, третьем, десятом. На много тысяч километров тянется советская государственная граница — узкая, перепаханная полоса земли, морской берег, лес, горы, пустыни, болота... Где-то нужно, а значит, и можно пробиться. Он будет настойчив, хитер, изобретателен, смел. Отступать нельзя.

Саша вспомнил слова Рамори сан о том, что перейти советскую границу значит «разгрызть крепкий орешек». Старик был прав. «Пусть, — подумал Саша. — Я не боюсь никаких трудностей. Бог на моей стороне, и он не оставит меня».

И сразу, как только очертания пограничного катера скрылись в тумане, Калмыков начал строить дальнейшие планы. Конечно, от высадки на Тихоокеанском побережье придется отказаться. Надо придумать другое. Что — сейчас предугадать трудно. Не беда, Саша посоветуется с Рамори сан, с Дэвидом.

Но все это предстояло в будущем. А пока «Каги мару» не солоно хлебавши возвращалась в свой порт.

Штурман не говорил ничего, но выглядел довольным, злорадствующим.

Судзуки был в гораздо худшем настроении: не высадив агента, он лишился изрядного количества долларов.

Глава четвертая

ПРЫЖОК В НЕИЗВЕСТНОСТЬ

Бог, конечно, Калмыкову не помог. Помогли люди. Те, кто управляли его судьбою до сих пор и собирались управлять и впредь. Они предоставили Саше тысячи лошадиных сил, заключенных в моторы истребителя-бомбардировщика без опознавательных знаков. Самолет поднялся с «неизвестного» аэродрома «неизвестного» государства, взял курс на восток. Границу перелетели со стороны моря на огромной высоте, с максимальной скоростью.

Саша сидел в кабине готовый к прыжку, машинально вцепившись руками в парашютные лямки, которые давили плечи. Сквозь иллюминатор была видна земля — далекая, темная. Еле заметные с многокилометровой высоты, теплились послеполуденные огоньки. А над самой головой, казалось, их можно достать руками, сверкали звезды. В противоположность земным огням, они знакомы и дружелюбны. Они подмигивали, звали к себе, были не тусклыми, как земные огни, а чистыми, умытыми. Саша подумал: вот сейчас предстоит сделать прыжок в неизвестность. Громко сказал, благо в кабине больше никого не было: «Я не боюсь...»

Самолет пошел на снижение. Глуше сделался рокот двигателей. Неведомым внезапно появившимся ощущением Саша почувствовал, что скорость самолета увеличивается, нарастает с каждой секундой. Темная масса земли становилась ближе. Удалялись звезды. Далекий огонь, до сих пор еле мерцавший справа внизу, делался ярче. Острые иголки покалывали в ушах. Неприятное чувство подступало к горлу.

— Приготовьтесь! — скомандовал появившийся в кабине штурман. — Сейчас выходим на цель.

Саша кивнул. Поднялся со своего места, подошел к люку. Пальцы чуть вздрагивали. Крепко сжал парашютные лямки, чтобы унять неприятную дрожь, скрыть ее от штурмана.

Пол кабины начал с силой давить на ноги. Пришлось ухватиться за что-то, чтобы устоять — планирование самолета кончилось. Летчик уменьшил скорость. Все эти ощущения знакомы, Калмыков прыгал с парашютом не раз и... все-таки теперь они другие: как ни сурова «большая игра», она очень отличается от жизни...

Штурман открыл люк. В кабину ворвался прохладный ночной ветер. Поддал под козырек Сашиной кепки. Калмыков натянул ее ниже на лоб.

— Раз, два, три... — считал штурман, освещая фонариком карту, которую держал в руках. Счет его казался Саше бесконечным. — ...Восемь, девять, приготовиться!...

Саша сделал шаг к люку.

Тихо сказал, обращаясь к богу:

— Верю в тебя!

Губы еле шевелились — одеревеневшие, как на жестоком морозе.

И, будто в ответ, услышал хлестнувший по нервам крик штурмана:

— Прыгай!

Калмыков шагнул вперед, бросился в пустоту.

Рядом проревел самолет и исчез во тьме.

Саша что было силы рванул холодное кольцо. Зашелестела ткань спасительного купола. Легкий рывок — и Калмыков повис в воздухе, чуть покачиваясь, как на качелях.

Посадку произвел точно по инструкции: согнув ноги, приподнявшись в последний момент на стропах, чтобы смягчить удар. Мгновенно «погасил» парашют. Огляделся. Прислушался. Он — возле леса или рощи. В полусотне метров темнеют деревья. Вокруг тихо, лишь где-то, очень далеко, лаяла собака — лениво, как бы машинально. Прислушавшись еще, Саша уловил гул мотора. Увидел свет фар. Через минуту снова промелькнули полосы света, еще, еще. Очевидно, рядом оживленное шоссе. Штурман немного ошибся в расчетах, «пионера» предполагалось выбросить в более уединенной местности. Но сделанного не воротишь.

Скомкав парашют, побежал в рощу. Быстрыми ударами складной лопатки, припасенной для этой цели, начал рыть землю. Неожиданно взгляд его остановился на толстом вековом дереве. А ну-ка?.. Осторожно посветил фонариком. Так и есть — дупло. Залез на сук, сунул руку в дупло. Глубокое... Втиснул туда парашют, лопатку, проверил, не торчит ли снаружи. Нет, даже если специально станут искать, найдут не сразу.

Теперь надо выбираться отсюда — выбираться быстрее и незаметней. Надеяться, что ночного парашютиста никто не увидел, глупо. Скорее всего в округе поднята тревога и Сашу ищут. До рассвета нужно уйти как можно дальше и уйти так, чтобы не заметила ни одна живая душа.

Калмыков отряхнул костюм, осмотрел, все ли в порядке, и, сказав сам себе «с богом», зашагал к шоссе. Спотыкаясь в темноте о невидимые камни и рытвины, продолжал напряженно обдумывать план бегства из опасного района. Пешком далеко не уйдешь. Попроситься в машину нельзя — шофер запомнит одинокого человека на шоссе, опишет его приметы, наведет на след... А придумать что-то надо.

В конце концов остановился на плане, который показался наиболее подходящим. Найти место, где автомашины замедляют ход, уцепиться и незаметно влезть в кузов грузовика. Ничего другого сообразить не мог.

Пока Калмыков стоял, погруженный в размышления, из темноты появился человек, который шатаясь брел по обочине шоссе, во всю глотку орал:

Ночка темна, я боюся,

Проводи меня, Маруся...

Может куплет, который выкрикивал пьяный, натолкнул Сашу на дерзкую мысль? Нагнал пьяного, сказал приветливо:

— Здорово, друг!

— Никакой я... тебе... не друг... — прохожий еле-еле шевелил языком. — Никакой не... друг... Меня Мишей звать...

— Я и говорю — Миша. Где это ты так?

— У... шуряка на именинах. Я ему говорю, ты, говорю, Пава... не трожь, — забормотал совсем несуразное.

— А! Знаю. Это тот Пава, что на железной дороге работает, на Московской улице живет. Кушелев фамилия.

— Никакой он тебе... не Куш... Кушелев, а Па... Павел Кирилыч Стацюк, проживает Свердлова, два, квартира семь. Работает дистчеп... о, черт! диспетч... диспетчером автороты...

— Как же, знаю. Да ты меня не признаешь, что ли?

Михаил с пьяной серьезностью уставился на Калмыкова.

— Вроде не припомню. И темно... тут.

— Я же у Павлика на именинах за одним столом с тобой сидел. Только ты чуток туда ближе, — показал рукой в темноту ночи, — а я — сюда.

— Вроде и... было... Спать я хочу. Домой.

— А где живешь-то?

— На Житомирской, возле школы.

— Идем доведу, мне по пути.

Противно тащить на себе икающего, несущего околесицу пьяного, однако — терпел. Вслушивался в бормотание нового «знакомого», хотя и узнал от него все, что нужно.

Так прошли с километр. Впереди показались городские строения, шоссе сделалось улицей. И тут состоялась встреча, которой Калмыков боялся. Из темноты выступили четверо — одни в форме, трое в штатском. Приблизились к ночным прохожим.

— Кто такие? — спросил человек в форме.

Трое других окружили Михаила и Сашу, зорко следили за каждым их движением.

Михаил поднял упавшую на грудь голову, промывал что-то. Калмыков, изображая пьяного, который хочет казаться трезвым, сосредоточенно, серьезно ответил:

— Именины справляли. У Павы Стацюка, — именинник он.

— Где это? — все так же строго задал новый вопрос человек в форме.

— Сверд... Свердлова, два, квартира семь. Хорошая квартира, ничего не скажешь, хорошая... Мне тоже... обещают...

— Долго там сидели?

— Не помню... Миш, а, Миш! — толкнул пьяного в бок. — Когда мы к Паве... пришли?

Михаил не ответил.

— Проснись ты! Когда на именины пришли, товарищ спрашивает.

— В... шесть. А то в семь...

— Во-во! — Калмыков поглядел на человека в форме, спутников его и каким-то особым чувством лжеца почувствовал: ему верят. Радость охватила Сашу, придала еще больше уверенности, дерзости. Он вдруг начал что называется, «заедаться»: — А ты кто такой? Тебе что до нас за дело?

Человек в форме еще раз оглядел задержанных. Говорят одно и то же, не сбиваются, не путают, улица Свердлова действительно есть в поселке. И совершенно невозможно, чтобы опустившийся ночью парашютист так сразу нашел себе сообщника. А они держатся, как старые знакомые... Возиться с пьяными дальше — зря терять время.

— Ладно, — решил человек в форме. — Отправляйтесь своей дорогой.

— Нет! — не успокаивался Саша. — Ты кто таков? Чего привязался?

— Проваливай своей дорогой. Молодой, а так напивается... Давайте, товарищи, нечего валандаться!

Четверо быстро зашагали по шоссе и, минуто спустя, исчезли во тьме.

Калмыков глубоко вздохнул. «Слава богу! — воскликнул мысленно. — Слава богу!»

Главная опасность миновала. Он вырвался за пределы кольца, которое сжималось вокруг места приземления парашютиста. «Рука божья надо мной», — подумал Калмыков.

Теперь требовалось освободиться от пьяного. Бросить Михаила сразу боялся, вдруг те четверо следят?.. Может случиться еще рискованная встреча, пьяный продолжал быть отличной маскировкой. Но Саша и понятия не имел, где находится Житомирская улица, куда надо вести Михаила. Спрашивать у прохожих в поздний час опасался.

Но события в ту ночь решительно благоприятствовали «пионеру», послали вторую случайную удачу. И Калмыков опять быстро ею воспользовался.

Мимо проезжало такси. Саша остановил его:

— Подвези на Житомирскую.

Шофер хмуро поглядел на Михаила. Ответил:

— Пьяных не беру.

— Так я-то не пьяный.

— Мало ли чего. Начнет скандалить.

— Не начнет. Войди в положение — с именин он, идти не может, не бросать ведь.

Трезвый вид, разумный разговор подействовали. Шофер сжалился:

— Садитесь.

Минут через десять свернули на широкую асфальтированную улицу.

— Какой номер? — спросил шофер.

— Напротив школы.

Скрипнули тормоза.

— Я сейчас вернусь, погоди,— сказал Калмыков, извлекая из автомобиля успевшего заснуть Михаила.
— Отведу его, и меня домой свезешь. Минутку всего.

— Ладно, давай.

Заволок пьяного в подъезд, прислонил к стене. Ноги Михаила подломились, он опустился на холодный пол. Саша немного постоял над ним, соображая, как быть дальше. Карта района, в котором Калмыков находился, тщательно выученная еще «там», встала в памяти.

Не оглядываясь на храпящего пьяницу, вышел из подъезда. Быстро приблизился к машине. Взмолнованно сказал шоферу:

— Слушай, беда у меня!

— Что еще?

— Оказывается, к другу по телефону звонили, пока я на именинах гулял. С матерью сердечный припадок. Срочно в Григорьевку надо. Свезешь?

Григорьевка — крупная железнодорожная станция километрах в пятидесяти от городка, где был Калмыков.

— Не могу, — покачал головой шофер. — Это тебе на междугороднее такси нужно. Нам дальние рейсы инструкция не разрешает.

— Ну, где я междугороднее сейчас найду? Пойми—мать больна.

Шофер колебался. Инструкция — инструкцией, но отказать в помощи человеку, у которого больна мать... Серdito крикнул.

— Сколько хочешь заплачу, — настаивал Саша, почувствовав колебание шофера. — Не до денег мне сейчас.

Шофер нахмурился.

— «Сколько хочешь» мне ни к чему. Сколько полагается, столько и заплатишь. По счетчику.

— Вот спасибо тебе! — обрадованно воскликнул Калмыков, понимая, что шофер сдался. — Век не забуду!

Сел рядом с шофером и автомобиль тронулся.

— Побейстрой, если можно. Сердце не на месте у меня, так беспокоюсь.

— Не задержимся!

Автомобиль мчался по отличному шоссе, стрелка спидометра вздрагивала между цифрами «80» и «90». Шофер молчал. Калмыков погрузился в свои мысли. Итак, бог помог преодолеть главную трудность. «Пионер» в Советском Союзе. Преследователи остались позади. С каждым оборотом колес расстояние между ними и Сашей увеличивается.

На востоке горизонт посветлел. Стали видны телеграфные столбы у шоссе, деревья, которыми с незапамятных времен была обсажена столбовая дорога. Несколько минут спустя Калмыков совсем отчетливо увидел раскинувшуюся вокруг степь. Предутренный ветерок шевелил листву, гнал перед собой желтые колеса «перекати-поля». Они то нагоняли автомобиль, то отставали от него. День начинался хмурый, неприветливый. Когда рассвело, поток встречных машин увеличился. Грузовики, «победы», «волги», «газы» возникали вдали темными точками, быстро росли, обретали форму и цвет, с ревом пролетали мимо. Проехал «маз» с кузовом, полным девушек в пестрых платьях. Они пели весело и задорно.

Саша жадно вглядывался во все встреченное — в детали пейзажа, едущие машины, рассматривал людей, что брели вдоль.

Люди, люди — молодые, старые, веселые, хмурые... Как найти путь к сердцу их! И найду ли я?! Дай, господи, силы верному твоему слуге!..

— Вот, приехали, — сказал шофер. Лицо его осунулось, выглядело усталым.

— Да, вижу, — откликнулся Саша.

— Тебе на какую улицу?

Калмыков ждал такого вопроса. Ни одной улицы в Григорьевке он, конечно, не знал. Однако его заставили в свое время наизусть выучить названия улиц, которые чаще всего встречаются в Советском Союзе. Приходится рискнуть: «А, была не была!».

— На Пушкинскую, — сказал первое вспомнившееся.

— Знаю, — кивнул шофер.

— Второй дом от угла.

— Ясно.

Стрелка указателя скорости передвинулась с цифры «80» на «60», затем на «40». Машина въехала в Григорьевку. По обеим сторонам дороги потянулись маленькие домики, из труб которых вился вкусный кухонный дымок. Две женщины стояли у водоразборной колонки, увлеченно судача. Мужчина в рабочем костюме ехал на велосипеде. Когда такси обогнало его, велосипедист дружески улыбнулся Саше.

Еще несколько поворотов и Саша, который следил за табличками, чтобы не пропустить нужной улицы и тем не вызвать недоумения у шофера, прочел: «Пушкинская».

— Приехали, большое спасибо, — сказал Калмыков.

— Не за что, разве ж я не понимаю — мать, — отозвался шофер.

Саша глянул на счетчик. Добавил сверх полагающейся суммы двадцатипятирублевую бумажку, протянул шоферу. Тот покачал головой:

— Не к чему. Есть, правда, среди нашего брата таксистов хабарники...

— Я отблагодарить хочу, — объяснил Саша.

— Благодарность на деньги не ценят. Я и без того чувствую, что ты мне благодарен... Прощай.

Шофер включил мотор. Машина рванулась, пахнув в лицо Калмыкову перегаром бензина. «Пионер» стоял в неловкой позе, сжимая возвращенную шофером кредитку. С таким отношением к деньгам ему сталкиваться не приходилось. Деньги ценили во всех чужих городах, где он побывал... Странно...

Однако предаваться размышлениям не было времени. До Григорьевки добрался благополучно. Теперь следовало, не задерживаясь здесь, ехать дальше. Отправился на вокзал.

Ближайший поезд дальнего следования уходил через полчаса. Калмыкова он вполне устраивал. Куда ехал поезд, безразлично: лишь бы подальше. Саша взял билет и почему-то сразу почувствовал сильный голод. Ведь последний раз он ел много часов назад и за много сот километров отсюда, в другом мире, по ту сторону границы... Станционный буфет уже открылся, и Саша с удовольствием выпил стакан свежего крепкого чая, съел два бутерброда. Разноцветные бутылки на буфетной стойке вызвали воспоминание о ночном знакомце Михаиле, который оказал «пионеру» неоценимую услугу. Как-то он там? Наверно, страдает с похмелья!..

...Запахтел паровоз. «Поезд номер... прибывает к третьей платформе, стоянка...» — пробубнило радио.

Саша доел бутерброд, расплатился с буфетчицей. Вышел на платформу. Отыскал свой вагон. В купе было прохладно. Пахло лаком, паровозным дымом, одеколоном. Две нижних койки были заняты, верхняя принадлежала Саше. Попросил проводника расстелить постель, лег, закрыл глаза. Вспомнилась темная кабина самолета, в которую хлестал ночной ветер, страшные мгновения прыжка, ночное шоссе, огни — фонарей или звезд? — рассерженное лицо шофера, отказывающегося от «чаевых». «Я еду к больной матери!» — громко сказал шофер...

Саша заснул.

Когда проснулся, весело постукивали колеса. Чистый солнечный луч косо двигался по потолку. В луче плавали пылинки, гоняясь друг за другом. Под свежим ветром трепетала занавеска.

С новым, незнакомым раньше чувством — страхом преследуемого, который скрывается от погони, — Калмыков приподнялся на локте, оглянулся.

Внизу сидели мужчина и женщина. Он — немолодой, с резкими чертами загорелого лица, шрамом на щеке. Одет в пижамную куртку, спортивного покроя шаровары. Даже в этом вольготном костюме по каким-то неуловимым и в то же время отчетливым признакам, прямой фигуре чувствовался военный... И еще одно странное ощущение вдруг пришло к Саше. Ему показалось, что он когда-то, где-то видел этого человека. Усмехнулся: только попал в Советский Союз, а уже чудятся знакомые! Не трусишь ли? Сразу прогнал от себя эту мысль, твердо сказал себе: «Без глупостей! Никогда и нигде встречаться с ним я не мог». Колебания, слабость — от недостатка веры. Саша должен положиться на бога во всем, следовать его велениям, верить в его благодать. Бог защитит Сашу, ведь ради дела Иеговы прибыл он сюда...

Женщине, что занимала третье место в купе, было под сорок, светлые волосы уложены на затылке незатейливым узлом.

— А, сосед, — сказал мужчина, почувствовав на себе Сашин взгляд. — Лихи вы спать.

Женщина тихо засмеялась. Сказала:

— Молодые люди всегда долго спят.

Голос и смех у нее был приятный, грудной.

— Правильно! — с нарочитой бойкостью отозвался Калмыков, понимая, что молчать невежливо. — К тому же, устал я. Перед отъездом целую ночь не спал, теперь наверстываю.

— Срочная работа? — поинтересовался попутчик.

— Да... Срочная... Пойду умоюсь, — сказал, предотвращая дальнейшие вопросы. Натянул брюки, рубаху, спрыгнул с полки.

— Позвольте, а мыло у вас где? — спросил мужчина, когда Саша, перекинув через плечо полотенце, собрался выйти из купе.

Калмыков не растерялся. Как бы посмеиваясь сам над собой, ответил:

— Так тщательно собирался, что и мыло и зубную щетку дома оставил. Новые покупать придется.

Попутчик от души расхохотался. Улыбнулась и женщина. Саша вдруг почувствовал: от простой беседы с этими совершенно незнакомыми людьми что-то как бы оттаивает в сердце. Ведь за всю жизнь — всю жизнь! — никогда и никто так не говорил с ним, даже «Джон». «Джон» был ласков, жалел Сашу, но беседы его всегда оставались беседами старшего с младшим, поучающего с поучаемым... А другие, с кем доводилось встречаться Саше?.. Он уважал их, порой восхищался ими, но ни в ком не чувствовал настоящей, безыскусственной приязни.

— Ох, молодежь, молодежь, — говорил тем временем попутчик. — Поверите, Елена Гавриловна, я тоже таким был — скорей, на бегу все. А куда скорей, я вас спрашиваю?.. Однажды в Сибири на посиделки зимой за пять километров отправился, а рукавицы забыл! Рук лишиться мог, вот оно «скорей».

Пошарил на полке, достал и протянул Саше дорогой кожаный несессер:

— Прошу! Тут и мыло, и одеколон, и бритва, ежели побриться желаете.

— Спасибо, я... — смущенно забормотал Саша.

— Спасибо потом скажете. Берите.

Делать нечего, пришлось принять услугу, предложенную просто и деликатно.

Вернулся в купе бодрый, свежий.

А мужчина рассказывал Елене Гавриловне новую историю, тоже случившуюся с ним в Сибири.

— ...И тогда собрал он, значит, своих монахов и — в тайгу. А вооружены — лучше не надо: «арисаки» — японские винтовки, винчестеры, два пулемета, гранат уйма. У нашего брата, у чекистов, с оружием туговато, однако не в том беда. Главное, что по селам этой самой штунды, сектантов, значит, видимо-невидимо и все под атаманову дудку пляшут...

Рассказ его был обстоятельным, долгим, как большинство поездных и пароходных историй, когда некуда торопиться ни рассказчику, ни слушателям. Вспоминал он, как отряд сектантов-изуверов пробивался к китайской границе, как убивали, мучили попадавших на пути в селах коммунистов и просто бедняков, как чекисты окружили «божью» банду и сдалась она, только расстреляв все патроны.

— Много, ох, много горя «святые люди» принесли, — закончил он.

— Не может быть! — невольно вырвалось у Саши.

Рассказчик спокойно посмотрел на него.

— Стар я, дорогой мой, врать. Вы монаха, сектанта, наверно, и в глаза не видывали, а мой брат в бою с их атаманом погиб...

Поняв, что сболтнул лишнее, Калмыков быстро поправился:

— Я не про то, я вам верю. Я хочу сказать, что какие же это святые люди! Бандиты и только.

— Какие есть, — сухо ответил рассказчик, которого восклицание Саши все-таки обидело.

— У нас в селе тоже был случай, — начала Елена Гавриловна, прерывая неприятное молчание, воцарившееся в купе. — Была знахарка и вот приходит к ней девушка...

Калмыков залез к себе на полку, лег. Зыбкая мысль о встрече с неизвестным мужчиной, ныне соседом по купе, совсем покинула Сашу. Подумал о нем с ненавистью: конечно, коммунист, большевик, безбожник. Рассказы его — большевистская пропаганда, правды в них ни на грош. Конечно, всякая вера, кроме иеговистской, ошибочна, те сектанты, которых он называл «штундой», не придут к спасению души. Но верующий, в какого бы бога он ни верил, бандитом не станет. Лживые выдумки, с такими рассказами придется еще встречаться не раз... Сашу не обманешь. Он разбирается, где истина, где клевета, облыжные поклепы на святых людей. Пусть другим головы морочат своими историями...

Время текло медленно. Попутчики внизу беседовали о своем, смеялись. Саша внимательно слушал их, не слезал с полки. Каждое слово могло представлять для него ценность — мало ли о чем разговаривают в купе поезда, может, и сболтнут нужное «пионеру».

В четыре тридцать пополудни поезд подходил к городу, до которого Калмыков взял билет. Осторожности ради, сошел на предпоследней станции. Добрался в город автобусом, хотя и понимал, что вряд ли его ждут, разыскивают на вокзале: уж очень далеко он теперь от того места, где спрятан парашют.

И снова, в который раз за последние месяцы, Калмыков вспомнил о «старших». Как мудры они, обучив его всему, что теперь так нужно для сохранения свободы и безопасности. В самой сложной обстановке Саша не растеряется, знает, как поступить. Он — настоящий миссионер, посланец Иеговы, и бог незримо хранит его. Нет беды, которой испугался бы Саша, нет трудности, которую не смог бы преодолеть...

В городе прежде всего заглянул в магазин, купил плащ и несколько рубашек, галстук, дорожные вещи, чемодан, в который все уложил. Сходил в парикмахерскую, переменял прическу — умышленно отпущенные раньше волосы подстриг коротким «бобриком».

Окончив все необходимые дела, отправился в аэропорт. Взял билет на самолет дальнего следования.

Первокласный воздушный лайнер мчал несколько десятков пассажиров на огромной высоте. «Машина военная, только временно переделана», — сразу же смекнул Калмыков.

Не прошло и суток, а Калмыков очутился, что называется, за тридевять земель от того места, где попал на советскую территорию. Следы замечены чисто, считал он, никаких признаков своего пребывания «пионер» не оставил.

На самолете прибыл в город Приморск. Там Калмыков должен отыскать человека. Никакого отношения к сектантам он не имеет и тем особенно ценен. С поверхностной точки зрения между ним и иеговистом существовала только одна общность — во враждебности к советской власти. Но это решало все остальное. Пусть Калмыков и его будущий сообщник разной веры, разных национальностей, разных характеров, разных воззрений на жизнь, — в главном они едины. Калмыков не сомневался: тот, к кому явится он, «пионера» не выдаст. Цепью обстоятельств, на которую в свое время обратили внимание сведущие люди, будущий сообщник, не знающий Калмыкова, окажется обязанным помочь «пионеру». Иначе поступить он не может. Поэтому и выбрали его среди тех немногих, на кого имел основания положиться Калмыков.

Первые дни в Советском Союзе для «пионера» самые трудные. В эти дни он представлял угрозу и для других — своим появлением мог «провалить» существовавшую в городе подпольную иеговистскую организацию. Поэтому решили использовать для безопасности иеговистов «еретика», о судьбе которого «свидетели Иеговы» ни в какой мере не тревожились. Что с ним случится потом, не так уж важно. Главное, чтобы Калмыков не скомпрометировал единоверцев. Убедившись, что слежки нет и вообще все в порядке, «пионер» пойдет к иеговистам.

Таков был план, приводимый Калмыковым в исполнение...

...А подполковник Василий Сергеевич Приходько даже не подозревал, что около суток находился в одном купе с мальчиком, память о котором хранил с давних послевоенных лет. Сейчас Приходько ехал в Москву. Он следовал к новому месту службы...

Судьба случайно столкнула этих двух людей и вновь развела врозь.

Глава пятая

У КЛАДБИЩЕНСКОЙ СТЕНЫ

Шая Грандаевский удобно расположился на обломке могильного камня, плечом прислонился к стене. Она пахла пылью, приятно грела. День сегодня неудачный — солнце перевалило зенит, а на кладбище ни одного нового покойника. Нищие скучали. Шая щурился на солнце, плевком старался попасть в муравья, который деловито волок сухую былинку. Мона, как всегда, ковырял в носу. Этя бормотала непонятное, шлепая отвисшими мокрыми губами. В часы безделья третья компания вела себя относительно спокойно. Но что начиналось на кладбище, когда нищие чуяли «добычу» — приближение очередной похоронной процессии! Наглые, бесстыжие, с отвратительными глазами идиотов и гнусными физиономиями пропойц, тунеядцы лезли к родственникам умершего и требовали — не просили, а требовали! — подаяния, в случае отказа угрожая страшными библейскими проклятиями. Убитые горем религиозные люди не спорили, щедро одаряя подлую ораву трудовыми деньгами. Так велел закон Моисея, так велось исстари. Столетиями, а может и тысячу лет подряд, плакальщики по покойникам были неотъемлемой принадлежностью похорон, они входили в часть религиозного обряда, прогнать их значило осквернить память умершего. И не один атеист, согласившийся на религиозный обряд, «чтобы стариков не обижать», горько раскаивался здесь в своей беспринципности.

Нищих пробовали унять, но вся свора, разыгрывающая из себя слабоумных, немедленно выказала отличное знание законов: они, дескать, не попрошайки, они служители культа, действуют в соответствии с религиозными обрядами. Преследовать их, значит посягать на свободу вероисповедания. Если и это не помогало, нищие на время убирались вон с кладбища, чтобы потом, когда гроза пройдет, явиться снова...

Среди кладбищенской оравы Шая Грандаевский слыл самым настырным, а значит, самым удачливым. Его багровая, опухшая физиономия появлялась как будто сразу в нескольких местах похоронной процессии, хриплый голос не умолкал, клянча подаяние. Даже горбатая Этя, которая не знала удержу в назойливости, глядя на Шаю, завистливо вздыхала, когда похоронный обряд кончался и нищие подсчитывали барыши. Что касается Мони, он безоговорочно и во всем признавал авторитет Грандаевского...

Какими же путями многообещающий питомец хедера, знаток талмуда и других священных книг, Шая Грандаевский, которого прочили в столпы сионизма, сделался нищим, подонком? Почему сидит он не в кнесете — израильском парламенте, а у стены кладбища города Приморска?

Виной всему, считал Шая, война, которая прервала удачное начало его карьеры. Но он надеялся еще выплыть на поверхность, в свои способности верил...

У кладбищенской стены и застал Грандаевского Саша. Мона, отвечая на Сашин вопрос, ткнул пальцем: «Вон Шая».

— Вы Шая Грандаевский? — спросил Саша, подойдя вплотную к нищему. Мона и Этя жадными глазами поглядывали то на молодого человека, то на коллегу, прикидывали, что можно выклянчить.

— Пшли вон! — цыкнул на них, как на собак, Шая, и они удалились, по-собачьему ворча, поскуливая. Затем Грандаевский ответил вопросом на вопрос:

— А что?

— Вы знаете Абу Дайца?

Еще бы, он не знал Абу Дайца! Рыжий, распатланный, некрасивый, Аба всегда умел доставать потрясающих девочек. Тихий особняк на аристократической улице Будапешта, опущенные шторы, ночь напролет в хмельном угаре, женском визге, табачном чаду... Эх, было времечко! Шая служил тогда помощником представителя еврейского агентства в Венгрии и руководителя «Комитета спасения еврейского населения в Венгрии» Кастнера. Штаб-квартира Еврейского агентства находилась в Вашингтоне, однако это не мешало ее будапештским представителям поддерживать самые лирические отношения с эсэсовским генералом Бехером, правой рукой Гитлера «по еврейскому вопросу», убийцей миллионов Эйхманом и другими фашистскими фюрерами... А до того, как попасть в Будапешт, Шая состоял кем-то вроде адъютанта при Носсиге. Восьмидесятилетний доктор Носсиг был крупным лидером сионистского движения, сторонником так называемой «немецкой ориентации» в сионизме, агитатором за переселение евреев на Ближний Восток и... и шпионом гестапо. Советник гестапо сионист Носсиг помогал гитлеровцам разрабатывать планы полного физического уничтожения евреев. Еврейская боевая организация разоблачила Носсига, он был казнен во время знаменитого восстания 1943 года в Варшавском гетто. Шая чудом удалось спастись... Но уже тогда на него обратили внимание. Сионист, сотрудничающий с гитлеровцами, годится для чего угодно. Пришла необходимость — и Шая вспомнили.

...Воспоминания вихрем проносились в мозгу Шаи, когда он отвечал, по своему обыкновению, вопросом:

— А какое отношение имеет к вам Аба Данц?

Карие глаза Саши вспыхнули. Почувствовав сопротивление, он стал воспитанником «колледжа свободы» — разведчиком решительным и волевым. Калмыкова учили, как вести себя с подонками, отребьем, а он понимал, что сейчас видит человека, морально опустошенного, падшего духом. На него надо прикрикнуть и тогда из Грандаевского можно, что называется, веревки вить. Играло роль и религиозное чувство — к единоверцу Калмыков отнесся бы совсем иначе, а к «еретику»...

— Зачем вы отвечаете вопросом на вопрос! Уверен, что с генералом Бехером вы в свое время говорили иначе. А я не он — зла вам не желаю.

При упоминании о Бехере Грандаевский вздрогнул. Небритая сизо-багровая физиономия запойного пьяницы посерела. Однако Шая постарался овладеть собой.

— Ка... Какого Бехера? Чего вы от меня хотите? Я не знаю никакого Бехера.

— Странно, — не меняя спокойного тона, сказал Калмыков. — А он вас знает. И, что еще важнее для нас обоих, хорошо помнит. Помнит, как ваш шеф Кастнер договорился с эсэсовцами об эвакуации из Венгрии тысячи лиц еврейской национальности. Вывозились богачи и каждый готов был заплатить сколько угодно, лишь бы вырваться из фашистского ада. Кастнер заработал тогда неплохо, но и вы тоже! Тысячу вывезли, а полмиллиона простых людей отдали на растерзание гитлеровцам. Среди них были известные ученые, врачи, инженеры... А о скольких никто не узнал и никогда теперь не узнает!..

Шая молчал. Он чувствовал, как в груди что-то вздрагивает и всеми силами старался не выдать страха. А Калмыков отлично видел, что творится в душе Грандаевского, — умение наблюдать, разгадывать чужие мысли входило в число «наук», которые изучали в «колледже свободы».

— Когда англичане послали из Палестины в Венгрию еврейских патриотов для организации движения Сопротивления, Кастнер выдал их гестапо. Погибли храбрые люди, гордость народа.

— Я не участвовал в этом! — быстро заговорил Шая. — Впервые слышу от вас.

— Верю, — кивнул Калмыков. — Но то, что Кастнер своими показаниями спас эсэсовского головореза Бехера от кары на Нюрнбергском процессе и во время суда по денацификации в Германии, вы знали.

Калмыков с самого начала взял верный тон. Его «там» предупредили, что представляет собою Грандаевский и как с ним надо обращаться. Наглость ясно читалась на гнусной физиономии Грандаевского, а наглые люди обычно трусливы. Напуганный Грандаевский станет, как шелковый, выполнит все, что требуется. Доносить на нового «знакомого» никуда не пойдет.

Калмыков стремился скорее кончить разговор. Ему было неприятно считать себя хоть чем-то напоминающим Грандаевского.

Шая понимал, что дела его плохи. Другим голосом, чем до сих пор, — тихим, заискивающим, попросил:

— Отойдемте подальше.

Пошли по аллее мимо грустно клонящихся к земле могильных надгробий. Вокруг не было ни души. Шая остановился. Он успел снова овладеть собой и опухшие глаза его угрюмо заглядывали в лицо Саши, старались отгадать, что за неизвестный человек, чего он хочет.

— Я — Шая Грандаевский, вы правильно угадали. Будем знакомы.

Саша сделал вид, что не замечает протянутой ему руки — грязной, с давно не стриженными ногтями.

— Чего вы хотите? — спросил Грандаевский, опустив руку. — Где вы встречали Абу Дайца?

— Аба Дайц, мистер Абрахам Дайц, живет в уютном коттедже очень далеко отсюда, имеет постоянную хорошо оплачиваемую работу, вполне доволен жизнью, шлет вам привет.

Шая вздохнул. Подлец Аба сумел-таки удержаться на поверхности.

Грандаевский еще больше подивился бы способностям своего бывшего приятеля, узнав, что сионист Дайц, в свое время успешно сотрудничавший с гитлеровцами, теперь (за достойную мзду, конечно) вошел в контакт со «свидетелями Иеговы». Это ему пришла на ум удачная мысль использовать Шаю для помощи очередному «пионеру», засланному в Советский Союз.

— Дайц сказал, что для вас кое-что можно сделать, если вы не будете дураком. А дураком вы, кажется, не были.

— До сих пор не был. — Шая проговорил это неуверенно, будто сам сомневался в своих словах.

— Тем лучше, значит, мы поладим.

Это Шае уже не нравилось. Он начал догадываться, что за незнакомец, откуда явился. Риск попасть в тюрьму Грандаевского не устраивал. Одно дело нищенство под видом исполнения религиозных обрядов, другое... Шая даже мысленно не хотел назвать «другое»... И еще дознаются о прошлом его, что он бежал из Венгрии в Советский Союз под видом «угнанного фашистами в Германию»...

— Что нужно? — в упор спросил Шая.

— Пустяки. У меня нет знакомых в Приморске, а в гостиницах места заняты. Пустите меня к себе переночевать, завтра сходите по нескольким адресам, которые я укажу.

— И все?

— Все.

— А... кто вы такой?

— Какое вам дело! Документы мои в порядке.

Достал паспорт, показал Шае. «Ну, что ж, — думал Шая. — В таком виде все выглядит вполне благопристойно...» Человек обращается с невинной просьбой, показывает документы, ничего подозрительного нет. Шая косо глянул на раскрытую перед ним зеленую книжечку. Черт его знает, фальшивый паспорт или нет, наверно, фальшивый. Но я не обязан разбираться в паспортах...

— Откуда вы знаете Дайца?

— И это вам безразлично. То, что я рассказал о нынешней жизни Дайца и его планах относительно вас, — правда. Остальное не имеет значения.

— А как может Дайц мне помочь?

— Мало ли есть способов. Разными путями попадают люди в Польшу, оттуда в Западную Германию, оттуда в Америку или еще куда-нибудь.

Туманные обещания Шаю не устраивали.

— А если я откажусь принять вас?

— Вряд ли... Сейчас я введу вас в курс последних событий.

— Каких еще событий?!

— Для вас важных. Вы знали, что после войны ваш бывший покровитель Кастнер занял неплохой пост в министерстве торговли и промышленности государства Израиль. Конечно, Кастнер мог бы помочь вам, но... — Саша сделал скорбное лицо.

— Что «но»? Что? — еле переводя дыхание, спросил Шая.

— Но он уже не поможет никому на свете. Гринвальд...

— Какой еще Гринвальд? — перебил Грандаевский.

— Он состоит в какой-то религиозной партии и имеет отель в Иерусалиме, если вам так уж интересны подробности... В Палестину эмигрировал из Венгрии, здесь начал рассылать всем знакомым письма с разоблачениями делишек Кастнера в военные годы. Упоминались в письмах и другие видные сионисты,

правительственные чиновники, политики и прочие из тех, кто, как вам известно, фактически правит в Израиле...

Шая слушал не дыша.

— Разгорелся скандал, — все так же спокойно продолжал Калмыков, делая вид, что не замечает волнения собеседника. — Бывший министр торговли и промышленности Израиля Дов Иосиф сделал контрманевр, начав судебный процесс против Гринвальда по обвинению в клевете... Но... просчитался министр, факты подтвердились. Тогда Кастнера попросту убили и судебное разбирательство кончилось на вполне законном основании... Поговаривают, что это дело рук секретной полиции Израиля, но для нас с вами не все ли равно?..

— Откуда? Откуда вы все это узнали?!

— Очень просто. В архиве убитого Кастнера обнаружили ваше письмо. Оно прошло много рук, пока не попало к Абе Дайцу, который сумел найти ему применение.

Весь вид Грандаевского выражал полную растерянность. Рассказ нового «знакомого» потряс Шаю. Саша дал ему время прийти в себя, потом продолжал:

— Теперь вы понимаете, что отказываться нельзя. Вы не захотите кончить жизнь нищим у кладбищенской стены без всякой надежды вернуться в цивилизованное общество.

Шая наморщил лоб. Он отвык думать. Тем более — принимать ответственные решения. А решать надо было сразу. На мгновение к Шае вернулась былая энергия.

— Хорошо, идемте, — согласился он.

— Не вместе. Мы слишком... непохожи, — чуть улыбнулся Саша. — Такая пара обращает на себя внимание. Идите впереди, я — за вами. У вашего дома остановитесь.

Шая тоже понял, что его потрепанный запойный вид слишком несхож с приличным обликом незнакомца. Рядом они бросаются в глаза, запомнятся.

— Ладно, следуйте за мной, здесь недалеко, — согласился Шая...

Может, это покажется странным для тех, кто бросает попрошайкам трудовые копейки и гривенники, но нищенство давало Шае неплохие доходы. Комната, в которую он привел Сашу, выглядела солидно. Достав из холодильника две бутылки пива, Шая откупорил их. Разлил по стаканам пенящуюся жидкость. Саша с удовольствием отхлебнул пиво, такое приятное после пыльной, ветреной улицы.

— Значит, остаетесь ночевать у меня? — спросил Шая с тайной надеждой на отказ.

— Да, — ответил Саша. — Я остаюсь у вас, а завтра вы пойдете, куда я укажу, это нетрудно.

Добавил уже совсем мирно:

— Постараюсь не доставлять вам беспокойства.

Грандаевский поморщился. Кто знает, выполнит ли этот человек свои обещания, а хлопоты уже начались. Но рискнуть надо. Других средств подняться Шая не видел. Окончить жизнь у кладбищенской стены Грандаевскому очень не хотелось...

Глава шестая

ДОМ НА ОКРАИНЕ

Утром Шая отправился выполнять поручения своего постояльца. Вернулся несколько часов спустя. Доложил: по трем указанным адресам нужных людей не нашел, там даже не знают о таких. Четвертый адрес оказался верным — в доме-особнячке под тридцать восьмым номером на Загородной улице действительно живет Прохор Тихонович Крыжов.

Саша кивнул. Он не особенно доверял Грандаевскому и не хотел, чтобы тот точно знал, к кому Саша направляется. Поэтому три из четырех адресов были сказаны наугад. Калмыков назвал первые пришедшие на ум названия улиц, номера домов и фамилии. А вот четвертого, Крыжова, искал действительно. Крыжов служил сторожем дровяного склада. Что совмещает он это с «постом» не только главаря здешних иеговистов — «слуги килки», но и важного сектантского деятеля — члена «краевого бюро», знали немногие.

— Не тот Крыжов, — сказал Саша, чтобы окончательно дезориентировать Грандаевского. — Все вы напутали. Крыжова, который мне нужен, зовут Семен Яковлевич. Идите, занимайтесь своим делом, а я сегодня узнаю все сам.

— Пожалуйста, — радостно согласился Шая.

Такое предложение его вполне устраивало. Саша не сомневался, что Крыжов примет собрата по вере без излишних расспросов. Конечно, рассказывать ему, что прибыл из-за границы, Саша пока не собирался. Крыжов ознакомит с обстановкой, посоветует, как действовать. Саша оглядится, привыкнет к людям, и они к нему, начнет вербовать новых верующих. А тогда будет делать то, о чем говорил ему перед отъездом Дэвид.

Загородная улица, как и следовало ожидать, оказалась на самой дальней окраине. Калмыков долго трясся в трамвае, кварталов пять прошел пешком. Время от времени оглядывался, проверти, нет ли слежки. Все было спокойно.

Вдоль немощеной дороги тянулось два порядка аккуратных одноэтажных домов с палисадниками спереди и огородами сзади. Застроилась улица недавно — дома поблескивали свежей краской, желто-маслянистым тесом крылец и сараюшек. В дальнем конце Саша заметил несколько неоконченных зданий.

Дом номер тридцать восемь, нужный Калмыкову, выглядел особенно добротным. Невысокий, приземистый, крытый железом, с маленькими — чтобы тепло зря не уходило — окнами. В глубине двора стоял небольшой сарай, под шиферной кровлей с двухстворчатой дверью во всю стену. «Гараж, — догадался Саша. — Как же так, а говорили, что в Советском Союзе собственные машины разрешают иметь только коммунистам?». Над домом торчала Т-образная антенна телевизора.

Узкая калитка оказалась запертой. К калитке были прибита дощечка с неумелым изображением песьей морды и косой надписью: «Во дворе злые собаки» — как видно, гостеприимство в число добродетелей сектантского «служы» не входило.

Калмыков постучал кулаком в калитку. За забором немедленно откликнулась собака — прогремела цепью, залаяла хрипло, прерывисто, заливаясь злостью.

Дверь, ведущая из дома на крыльцо, чуть отворилась. Сквозь щель выглянула простоволосая женщина лет сорока: неопределенные глаза, тонкий, хрящеватый нос, прямой рот. Она без церемонии уставилась на Сашу, как бы прикидывая, стоит или не стоит вступать с ним в разговор. Саша тоже внимательно оглядел ее. Незнакомка ему не понравилась.

— К Крыжову, — отрывисто сказал Саша.

Движением, каким ящерица выползает из-под камня, женщина, не распахивая дверь, просунулась на крыльцо. Костлявая угловатая фигура, неопрятное плохо сидящее платье, растоптанные башмаки на ногах без икр делали ее совсем старухой.

Женщина прикрикнула на собаку, и та замолкла, недовольно ворча.

— Вам к кому? — спросила женщина, все так же подозрительно приглядываясь к Саше, по-птичьи склонив голову набок.

— Я же сказал — к Крыжову, — несколько раздраженно повторил Калмыков.

При звуке его голоса собака хрипло залаяла.

— Цыть ты! — прикрикнула женщина. — К самому, что ль? — Голос ее оставался недоверчивым.

— К самому, к самому! — Саша окончательно терял терпение.

— А чего ради его надо? Ежели из санитарной комиссии, то мы давно все сметье убрали, мы закон понимаем. Это не на нас акт составили, а на Федюнина...

— Вот что тетка, — перебил Калмыков. — Мне с тобой терять время некогда. Или меня проводи, или сама поди к Прохору Тихоновичу и скажи — приехал, мол, старый знакомый по важному делу.

Не говоря ни слова, «тетка» повернулась, ушла. Калмыков услышал, как она прогрохотала засовом, тщательно запираясь изнутри. Собака опять вылезла из конуры и принялась лаять.

«Что такое? Неужели больше никто не появится?» — недоумевал Саша.

Сердясь, все-таки подумал: Крыжов правильно поступает, тщательно ограждаясь от посторонних. Мало ли кто может быть, надо сперва разведать, что за человек...

Несколько минут ожидания — и опять прогремыхал засов. Дверь отворилась во всю ширь. На пороге появился пухлый широколицый мужчина. Фигура у него была оплывающая, по-бабьи более широкая в бедрах, чем в плечах. Его, наверно, оторвали от послеобеденного сна — сладко позевывал, пятерней почесывал волосатую грудь под расстегнутой домашней рубахой. Глаза у него были круглые, маленькие и тускло-желтые, как две потертые копейки.

— Чем могу служить? — сказал он, неторопливо, вперевалку «утицей» спускаясь с крыльца. — Вы ко мне? Я — Крыжов.

Саша сразу приметил характерный для Крыжова обратный жест. Спросив: «Вы ко мне?», он сделал белой пухлой рукой такое движение, будто отталкивал что-то. И говоря: «Я—Крыжов», тоже указал вдаль.

— К вам, — ответил Калмыков. — Нам необходимо побеседовать.

Крыжов оглядел Сашу — пристально, оценивающе. Саша понял, что, несмотря на свой невзрачный бабий вид, «слуга» далеко не прост, хитрости ему не занимать.

— А о чем побеседовать, смею спросить? — Глаза-копейки не отрывались от Калмыкова. Любое выражение Сашиного лица не осталось бы незамеченным собеседником.

— Здесь неудобно, дело важное, — ответил Саша.

Крыжов засопел, подумал-подумал, наконец, решился. Сунул руку в карман брюк, извлек бренчащую связку ключей. Их было с десяток — от маленького, чемоданного, до огромного к амбарному замку-пудовику. Не глядя, привычно, нашел тот, который требовался, отомкнул калитку. Саша хотел войти. Крыжов удержал его: «Погодите». Подошел к конуре, схватил за ошейник огромного волкодава, который не сводил красных глаз с Саши.

— Теперь подымайтесь на крыльцо, быстро, — скомандовал Крыжов.

Саша повиновался. Пес захрипел, рванул к нему. Крыжов крепко держал разъяренного волкодава.

Когда гость очутился в безопасности, Крыжов отпустил собаку, тщательно запер калитку. Поднявшись к Саше на крыльцо, махнул рукой в сторону улицы: «Прошу».

Калмыков наконец-то переступил порог столь тщательно охраняемого жилища. Крыжов последовал за ним.

Оставив плащ в темной прихожей. Калмыков вошел в комнату. Блестел начищенный пол. Оклеенные обоями стены пестрели цветными картинками, репродукциями в «золотых» багетных рамах. Как водится, на самом видном месте висела базарная копия шишкинских медведей и одинаковый с нею по качеству «Девятый вал», чуть напоминающий известную картину Айвазовского. Центр комнаты занимал овальный стол, накрытый бордовой плюшевой скатертью. Еще один столик, поменьше, поместился в углу. На нем был телевизор, на телевизоре — патефон с пачкой пластинок. У окна — отличный радиоприемник. Весь подоконник занимали вазоны с фикусами и левкоями. Левкои цвели, их аромат смешивался с тянущим из передней запахом соленых огурцов, образуя сложное соединение, в котором разобрался бы не всякий дегустатор-парфюмер.

— Вот, — сказал Крыжов, сядя на стул и кивком предлагая гостю сделать то же самое. — Что скажете, молодой человек?

— У меня нет особых секретов, — сказал Саша, — и все-таки я хотел бы побеседовать наедине.

— А мы одни и есть. В соседней комнате пусто. Сестра на кухню ушла. Она у меня на этот счет дрессированная.

— Я к вам от братьев по вере. «И настанет день...» — Произнося слова пароля, Саша поднял руку, сложил особым образом указательный средний и безымянный пальцы.

— «И господь вознесет праведников и уничтожит нечестивых», — докончил член «краевого бюро», повторяя текст, но не пальцами правой руки, как Саша, а левой.

Пароль и условные знаки были известны среди «свидетелей Иеговы» очень немногим, избранным из избранных, указывали на принадлежность к высшей сектантской иерархии. Теперь Крыжов знал, что перед ним сидит единоведец очень крупного масштаба, может, даже более высокого, чем сам Крыжов. Впрочем, не это важно, главное — зачем пожаловал. Если парень свойский, не помешает, примем в компанию...

Сектантского «начальства» Крыжов боялся гораздо меньше, чем неизвестных посетителей. Узнав в Калмыкове «брата», сразу принял непринужденную позу, закинул ногу на ногу и другим — веселым, развязным — тоном сказал:

— Вот и прекрасно! А звать вас как, по документам? Чтоб ежели придется, в полной готовности быть.

Глаза-копенки как бы обновились, весело поблескивали. Однако хитрость в них не исчезла. При всей своей благожелательности к единовеццу Крыжов, что называется, «уха не вешал».

— Александром. Александр Калмыков.

— Очень приятно. А по батюшке?

Тоненькая иголка кольнула Сашино сердце. Простой, естественный и будничный вопрос напомнил то, что хотелось навсегда забыть: ни отца ни матери Саша не знал, да и сама фамилия его — Калмыков — действительно ли под такой фамилией он родился?.. Может, дали ее где-нибудь в лагере безымянному и безродному малышу посторонние люди — пришла кому-то на ум?..

Спохватившись, видя, что Крыжов ждет ответа, Саша быстро назвал отчество, указанное в паспорте, который Дэвид считал «еще лучшим, чем настоящий»:

— Васильевич — отчество мое. Александр Васильевич.

— Меня — Прохор Тихонович.

— Знаю, — кивнул Саша.

— Откуда? — встревожился Крыжов. Очевидно, излишняя популярность его не устраивала. «Он не из храбрых», — подумал Саша. Уклончиво ответил:

— Слухом земля полнится.

— А все-таки?

— В Энске сказали.

— Да, — невесело согласился «слуга». — Не так-то много нас и друг о друге наслышаны... Ну ладно, — потряхнул головой, отгоняя назойливые думы. — Чему быть, того не миновать. Вы в Энске с нашими встречались?

— Мало с кем. Я проездом был.

Дальше расспрашивать не нужно, по тону понял Крыжов. Еще в тюрьме среди уголовной шпаны Крыжов приобрел начальные навыки конспирации. Побывал в тюрьме до войны за растрату, после войны — как пособник оккупантов, служил при гитлеровцах помощником бургомистра. Окончательную конспиративную шлифовку получил в нелегальной секте. А одно из главных правил конспиратора — не проявлять излишнего любопытства.

— Ладно, — повторил Крыжов. — Сейчас мы с вами, брат Александр, знакомства ради... Сестра Евстигнеюшка!

Послышались шаркающие шаги. Появилась «тетка», так дотошно выпытывавшая у Калмыкова, не из санитарной ли он инспекции.

— Гость у нас, — пояснил Крыжов. — От братьев по вере. Принеси-ка нам сюда, — опять сделал обратный жест, указав куда-то за стены комнаты, — закусить принеси, что бог послал, и кваску домашнего. У нас по-простому, — объяснил Саше. — Чем богаты, тем и рады.

Сашу тронуло это искреннее гостеприимство. «Как хорошо, как душевно! — волнуясь, подумал он. — Вот так и живут настоящие братья по вере».

— Спасибо! — сердечно ответил Крыжову. — Большое спасибо.

— Вот и лады! Шевелись, родимая.

Евстигнеюшка сменила скатерть, накрыла на стол. Угощение действительно было простым: вареное мясо, помидоры, отварной картофель, лук.

Ставя на стол две бутылки самодельного кваса, Евстигнеюшка несколько раз вопрошающе глянула на Крыжова, как бы ожидая дополнительных распоряжений. Их не последовало. Крыжов поторопил ее взглядом. Когда все было готово, повелительным кивком услад из комнаты.

— Угощайтесь, пожалуйста, — обратился Крыжов к гостю, — берите, что на вас смотрит. Позвольте, вам картошечку постным маслицем полью... И кваску испейте, хорош квасок.

Квас действительно был хорош, и Саша никак не мог понять, почему Крыжов, хлебнув из стакана, сделал такую физиономию, будто пьет касторку. Впрочем, заметив взгляд гостя, сразу спохватился, придал лицу слащаво-елейное выражение.

— Как же вы живете, рассказывайте, — попросил Саша.

Крыжов помрачнел.

— Что рассказывать! Будто не знаете? Как везде, так и у нас. Ну их, рассказы эти, закусывайте лучше.

Вяло жевал помидор. Гость же, напротив, ел с аппетитом.

Саша повторил вопрос:

— А все-таки, как дела?

— Все-таки, все-таки! — передразнил Крыжов. — Говорю, как у всех. Взносы, правда, пока аккуратно получаем.

По существующему у сектантов «закону», львиную долю всех своих заработков они обязаны отдавать «слуге». Куда он расходует деньги, на что — отчитываться не обязан.

— Недавно сестра Марфа была, может встречали? — Крыжов глянул на собеседника. Лицо Калмыкова совершенно ничего не выражало. — Верный человек, святого дела ревнительница. — Новый пристальный взгляд. «Кремень, ничего от него не узнаешь», — подумал Крыжов. Подумал одобрительно,

хотя попытка выведать, с кем из сектантской иерархии связан гость, потерпела неудачу. — На «добрую надежду» мы сполна сестре Марфе дали.

«Краевой комитет» иеговистов имеет две кассы: «доброй надежды» и «взаимной помощи». Деньги из первой идут на закупку бумаги, красок, печатной техники, без чего нельзя наладить выпуск подпольных изданий, и на помощь «братьям», уже угодившим за решетку. Вторая касса кормит «слуг», их помощников, «пионеров» и прочих нелегалов. Из нее также черпают, когда хотят помочь вновь вступающему в секту и тем завоевать его доверие.

— Взяла деньги Марфа и уехала, — продолжал Крыжов. Саша с удивлением почувствовал в голосе единоверца откровенную зависть. — Оно, конечно, копеечка к копеечке, рубчик к рубчику...

Саша не мог понять, чем вызваны нотки зависти в голосе «слуги», а они были обоснованы. «Кассы» иеговистов иногда набирают изрядные суммы. Только в одном из тайников иеговистского «краевого комитета» нашли два килограмма золота, денег царской чеканки и золотой иностранной валюты. Когда задержали руководителей «комитета» Цыбу и Веретельник, при них была большая сумма денег из кассы «доброй надежды».

Впрочем, рядовые иеговисты все лучше начинают понимать, куда идут трудовые денежки, все неохотнее отдают заработанное на потребу «слуг». Крыжов не зря считал большим достижением регулярный сбор взносов.

— Только для нас в тех взносах радости немного, — закончил Крыжов, перемежая речь чавканьем (он расправлялся с ломтем мяса). — С них не разбогатеешь... Вот если бы... — сразу замолк, вроде спохватившись, что сболтнул лишнее. Отхлебнул глоток кваса, поставил стакан на место.

— Так, — задумчиво произнес Саша. — На моления собираетесь?

— Конечно, как же иначе. Ежели еще на моления людей не собирать, куда годится!

— Власти сильно притесняют?

Задавая вопрос, гость как следует не подумал и сделал ошибку. Сразу понял это по восклицанию Крыжова:

— Что вы — будто с луны свалились или из другого государства приехали! Простых вещей не знаете!

Саша вздрогнул. Без всякой задней мысли «слуга» попал в точку. Сболтни он такое при опасных свидетелях, неосторожность обойдется дорого. И «пионер» сразу дал себе зарок быть осмотрительнее. А Крыжов пояснял:

— Власти к нам еще меньше касательства имеют, чем мы к ним. Это другие всякие разрешения на молитвенный дом выправляют, по праздникам ихним проповеди за советскую державу голосят. А наша вера тайная, никому о ней неизвестно и никаким властям подчиняться мы не желаем.

— Правильно, — похвалил Калмыков. — Вы про петицию знаете?

Летом 1949 года руководящая организация иеговистов в Советском Союзе — «краевой комитет», по указанию из Бруклина, в частности, послушно выполняя волю «слуги» всемирного центра иеговистов, ближайшего помощника «президента Кнорра», направила в Москву делегацию. Она состояла из особо доверенных «слуг» — неких Пятохи и Бабийчука.

— Слышал, — ответил Крыжов. — Толку-то с нее никакого не было.

Пятоха и Бабийчук побывали в Совете по делам религиозных культов, вручили «петицию». И «петиция», и все беседы иеговистов оказались крайне провокационными. Они требовали того, что шло вразрез с Конституцией СССР, а в конце концов просто уклонились от прямого разговора.

— Не мы в том виноваты, враги наши разговаривать с нами не хотели, — сказал «пионер».

Крыжов хмыкнул. Спорить не стал, хотя догадывался о том, чего не понимал Саша. Вернувшись восвояси, делегаты на тайном совещании, которое созвал «краевой комитет» во Львове, изобразили дело так, будто в отказе разрешить секте легальную деятельность виноваты советские государственные органы. Это было нужно, чтобы обмануть рядовых «свидетелей Иеговы».

«В заключении был и долго был, наверно, — подумал Крыжов о «брате». — Все порядки вольные позабывал. Парень, оказывается, жох».

— Хотели — не хотели, а вера наша тайная, такой и быть должна, — подвел итог Крыжов. — Болтать мы непривычны.

Гость кивнул:

— Как в «Указаниях возвестителям царства» говорится... Читали?

Жирный лоб Крыжова пересекла глубокая морщина.

— Вроде нет... Я вообще насчет ученого слаб...

— Не читали! — искренне удивился Саша. — Да ведь это одна из главных книг.

— Так вот и не читал, — равнодушно пожал плечами «слуга».

«Организационные указания для возвестителей царства» относятся к важнейшим организационно-тактическим документам иеговистов. Изданы они в Бруклине, в Советский Союз переправлены нелегально, возможно, через польское зональное бюро и бернский отдел «Международного объединения исследователей Библии».

— Это не годится, теократические документы надо знать, — строго сказал Калмыков. — А в «Указаниях» написано, что если случится что-нибудь передавать или получать, делать это надо только наедине, тогда при аресте или на следствии свидетелей не будет. Если один брат расскажет, учат «Указания», а другие не признаются, то враги без свидетелей ни в чем уличить их не смогут.

Строгий тон гостя, заявление его, что он хорошо знаком с важнейшей иеговистской литературой (сам Крыжов к «теократической науке» чувствовал полнейшее равнодушие) лишний раз подтвердили Крыжову, что перед ним не простой «брат», таиться от него смысла нет. «Слуга» добродушно ответил:

— Такое мы и без книг сообразить можем, дураки нынче перевелись. Прежде, чем кому довериться, десять раз проверим-перепроверим, в десяти водах промоем.

Он не хвастался. Только строжайшая конспирация, глубокая тайна давали возможность до поры до времени существовать подпольной секте. Недаром член «краевого комитета» Мария Веретельник отмечала в личных записях: «Братья получили указания, как дальше вести работу, чтобы она была

успешной. Для этого необходимо больше подполья, больше конспирации, больше тайны, используя в работе наиболее верных людей».

— Разговор — разговором, а кушать не забывайте, — сказал Крыжов, заметив, что тарелка гостя опустела. — Позвольте мясца еще.

Неожиданный посетитель с каждой минутой внушал иеговистскому «слуге» все большее доверие. Еще сильнее, чем пароль и отличное знание тайных документов, укрепляла это доверие уверенность, что «брат» удрал из мест заключения. Подобное прошлое было для Крыжова лучшей рекомендацией.

Саша тоже чувствовал взаимную симпатию, возникшую между ним и Крыжовым, радовался ей, старался углубить ее, показаться перед единоверцем в лучшем виде. Ответил:

— Хоть и сыт, а все у вас такое аппетитное, что не смею отказаться.

— И слава богу. Кушайте.

С минуту молчали. Наконец, гость аккуратно положил на тарелку нож и вилку, поблагодарил за угощение.

— На здоровье, — отозвался хозяин.

— Теперь — вот, — сказал Калмыков.

Полез под пиджак, вытащил два журнала.

— Возьмите, «Башня стражи», самые новые. Прочтите и верным людям прочесть дайте.

Крыжов посерьезнел. Да, конечно, очень и очень не простая птица залетела под крыжовскую кровлю. Знает парень иеговистские свчаи-обычаи не хуже, а то и лучше самого «слуги».

Снизу вверх посмотрел на Сашу. Негромко сказал:

— Слушаюсь!.. Давненько у нас этого не бывало... Хотя и сами, что можем, делаем... Простите, я сейчас...

Взял журналы, вышел с ними в коридор. Отсутствовал минут пять: хоронил нелегальщину в потайное убежище.

Вернувшись, сел на прежнее место. Постукивал пальцами по столу, думал о чем-то своем. После долгой паузы сказал:

— Мы еще ничего, бог милует пока, «пятидесятникам» труднее... Я ведь от них к «свидетелям Иеговы» перешел.

— Долго у них состояли? — Саша не хотел того, однако, помимо воли, в голосе его прозвучали суровые нотки. Ему не понравилось, что «слуга» — из переменивших веру. «Но ведь он мог ошибаться и потом понять ошибку, — успокоил себя Саша. — Не надо быть слишком строгим... Об этом еще брат Сокольский говорил... И Рамори-сан...»

Впрочем, Крыжов или не заметил или не придавал значения командирскому тону Саши. Ответил на вопрос неопределенно:

— Достаточно пробыл... Порядка там нету, с ними каши не сваришь.

— Я знаю... — «Пионер» быстро спохватился. — Мне рассказывали, что до сих пор в Нью-Йорке журнал «пятидесятников» на русском языке издается. «Странник» — его название. Другой литературы тоже много выходит. В Америке, в Танжере и Маниле радиопрограммы специальные передаются — «беседы» для «пятидесятников» в Советском Союзе...

— Может и передают, — равнодушно пожал плечами Крыжов. — Только кто их слушает, беседы эти, когда в вере разброд пошел...

— Их вера ложная, — убежденно сказал Калмыков, — от того и разброд. А наша — истинная, у нас такого не будет... Но тайну хранить надо. Сказано: «Уклоняйся от людей, которые хотят выведать о делах других».

Крыжов отхлебнул квасу, опять скривился — то ли от напитка, то ли от горьких мыслей.

— Какая, я извиняюсь, у дураков тайна, когда вот недавно в газетке пропечатали, что в селе каком-то пятидесятник свою восьмимесячную дочку топором зарубил. Ему пресвитер ихний приказал. Обещал: воскреснет она и дочерью Иисуса сделается... Такое разве в тайне сохранишь! Соседи узнали, ну и — началось.

По тону «свидетеля Иеговы» было непонятно, кого жалеет он: несчастную девочку или изуверов-убийц, попавшихся на кровавом деле.

На Сашу его рассказ произвел тяжелое впечатление.

— Да это!.. Это! — Он не находил слов.

— Что там! Не одно, так другое, у каждого свое, — махнул рукой Крыжов.

Саша многозначительный жест Крыжова не понял. А для члена «краевого бюро» все было ясно без слов.

Помолчали.

— В одном письме своем брат Кнорр сравнивает наших братьев и сестер в Советском Союзе со стадом овец, которое окружила стая волков, — негромко сказал Саша.

Крыжов смотрел куда-то в сторону, ничем не отозвался на слова собеседника. Потом показал на бутылку с квасом:

— Хотите?

— Не откажусь.

— Прошу.

Саша сказал:

— Еще дело есть. Помогите подходящее жилье найти.

— А ты где остановился? — спросил Крыжов.

Все формальности между ним и гостем кончились, «слуга» обратился к нему «на ты».

— У одного... Постоянно там нельзя.

— Ко мне — и не рассчитывай, — твердо сказал Крыжов. — Такие дела — сам понимаешь.

Саша сознавал, что Крыжов поступает правильно, нельзя главе сектантов приютить у себя неясного человека, может быть, нелегала. Осторожность «слуги» оправдана. Да и сам Калмыков не согласился бы жить здесь, чтобы в случае чего не скомпрометировать единоверца.

— Конечно, — подтвердил Саша. — Вообще и видаться даже нам на людях лишний раз нечего.

Крыжов немного подумал, хлопнул себя по лбу:

— Тьфу, черт! Как из ума вышибло. Об Люське забыл! Конечно, к Люське! Она тем промышляет, что комнату сдает.

— К ней, так к ней, — равнодушно согласился Саша. — Лишь бы безопасно.

Последние его слова насторожили Крыжова. Он, как тогда у ворот, пристально уставился на гостя и с расстановкой проговорил:

— А документ у тебя есть?

— Есть, — с легкой запинкой ответил Калмыков.

Крохотной паузы в его ответе оказалось достаточно. «Ясное дело! — окончательно решил Крыжов. — Я его сразу раскусил... Ну, что ж, пускай. Даже лучше — сговорчивее будет в случае чего...»

— Бежал? — в упор спросил Крыжов. — От врагов наших?

— Не то чтобы бежал... — замялся гость. Такое мнение о нем Калмыкова вполне устраивало.

— ...А искать — ищут, — с ухмылкой закончил начатую им фразу «слуга». — Понятно. Чистый документ надо?

— Надо, брат.

— Трудно, ох, трудно, — вздохнул Крыжов. — Поговорю все же. Познакомлю тебя с другом своим, Макруша ему фамилие, братом Мироном звать-величать. Большого ума человек, министерская голова по прежним временам... Для нынешних, правда, не совсем годится. Может, все вместе что и придумаем... А пока у Люськи живи на правах родственника... Погодь, я ее покличу, она, наверно, на кухне — целый день с сестрой Евстигнеюшкой чаи гоняют... Сестра Евстигнеюшка!

Шаркая стоптанными башмаками, явилась Евстигнеюшка.

— Люська у нас?

— Где же ей еще быть!

— Зови.

Люська, несмотря на свое легкомысленное имя, оказалась еще старше Евстигнеюшки. Одета во все черное, черный по-монашески низко опущенный платок обрамляет круглое морщинистое личико; глаза бойкие, с хмельнинкой.

— Здравствуй, Люська.

— Будь здоров, мальчиша. — Она всех знакомых мужчин звала «мальчишами». Саша заметил, что в обращении Люськи со «службой» нет характерного для сектантов подобострастия, да и Крыжов говорил с ней обычным, а не елейно-ханжеским голосом, не называл «сестра».

— И ты здравствуй, — повернулась Люська к Калмыкову.

Саша вежливо ответил.

— Что, Люська, возьмешь молодого человека на постой? — спросил Крыжов.

— С харчем? Без? — деловито осведомилась старушка.

— С харчем.

— Могу. Три раза в день харч.

— Вот и сговорились, — удовлетворенно сказал Крыжов и глянул на Сашу, спрашивая его согласия. Тот кивнул.

— А цена? — спросил Крыжов.

— С паспортом? Без?

— Говори и так и этак.

— С паспортом — червонец, без — четвертной.

— Чего ты — в два раза дороже! Возьми не двадцать пять, возьми хоть пятнадцать, — даже рассердился Крыжов.

— За риск, мальчиша, за риск, — не теряя хладнокровия, объяснила Люська. — При моей биографии, сам знаешь, как риску бояться надо. Насиделась за свой век в тюрьме, больше не манит.

Крыжов поморщился. Спросил Сашу:

— Согласен?

— Согласен.

— Бери барахлишко свое и переезжай. Почтовый переулок, дом пять, во дворе флигелек — сразу увидишь. Да и я тебя увижу, я скоро на хазу топаю. — Проговорив все это бойкой скороговоркой, Люська вышла из комнаты. Следом зашла Евстигнеевка.

— Кто такая? — удивился Саша повадкам старушки, блатным словам, что не скупясь вставляла она в свою речь.

— Не из наших она, — поморщился Крыжов, видно манер Люськи не одобрял. — Однако Макруше... помогает.

— А что у нее за «биография»?

— Ты про «Тачечника» слыхал? — ответил вопросом на вопрос. — Нет? Знаменитый налетчик в свое время был. А это его супруга, так сказать, «Люська-чума» по прозвищу. Ну, не жена, какие у бандитов жены, а вроде. Спутница жизни. Она по ресторанам богатых гостей примечала, к ним подсаживалась, к

себе вела. На дороге, конечно, «Тачечник». Разговор короткий: «Стой! Руки в гору! Гони сармак!». Промышляли-промышляли и задумали на свою беду комиссионный магазин ограбить. Не вышло. При аресте вооруженное сопротивление оказали, «Тачечник» двоих милиционеров шлепнул, она начальника ихнего тяжело ранила...

— Вот так старушка! — вырвалось у Саши.

— Она не старая, ей под пятьдесят. А тогда немногим за двадцать было... Ну, значит, «Тачечника» расстреляли, ей — предельный по тому времени срок, десять лет. Вышла, опять с кем-то спуталась, опять «дело», опять тюрьма... Почти всю жизнь по тюрьмам...

— А сейчас?

— Сейчас?.. Что ж, брату Миرونу помогает, — уклончиво ответил Крыжов. — Пьет сильно, каждый день к вечеру себя не помнит. И яд с собой носит. «Чем, — говорит, — в тюрьму, так на тот свет лучше...» К братьям и сестрам не принадлежит, хотя надежная.

Крыжов замолчал. Напоминание о тюрьме вызвало у него невеселые думы.

— Вот так-то.

Молчал и Калмыков. На душе у него стало смутно. Поднялся:

— Пойду я.

— Куда тебе идти, вечера нынче длинные, успеешь.

Он был прав, деваться Саше некуда, но хотелось побыть в одиночестве: и с Крыжовым беседовать больше не о чем, и Шая, который вернулся уже, наверно, с кладбища к себе в нору, был противен.

— Да нет, пойду.

Крыжов настаивать не стал. Мало ли какие могут быть дела. Нельзя расспрашивать.

— Как хочешь... Пока отдохни, осмотришься за эти дни — времени хватит, а там поглядим...

— Прощай.

Пес во дворе захрипел, залаял, загремел кольцом. Черно-розовая морда дышала ненавистью. Саша вышел за ворота, медленно зашагал к трамвайной остановке, а собачий лай все несея вслед...

Как предсказывала Люська, флигелек ее Калмыков увидел сразу: небольшой, старый, прилепившийся прокопченной стеной к брандмауеру.

Хотя было по-осеннему прохладно, Люська сидела на крылечке у двери, мурлыкала себе под нос, тихонько покачивалась в такт песне. Глазки ее блестели еще веселее, чем тогда, у Крыжова. Саша вспомнил слова «слуги», что к вечеру отставная бандитка обязательно напивается.

— Ага, прихрюл, — сказала Люська, увидев постояльца. — За сколько вперед уплатишь?

— Ну... дней за десять. А вообще я надолго.

— Гони двести пятьдесят, — сразу догадалась, что постоялец «без документа».

Вошли в дом. Саша покорно протянул деньги. Люська взяла, поплевала на них для почина, сунула в карман.

Через сени попали в коридор с двумя дверьми. Люська отворила правую.

— Здесь и живи.

Пыльная, давно небеленная комната выглядела неуютно. Кроме дощатого, ничем не прикрытого стола, колченогого стула и железной койки с продавленным матрацом, в ней не было ничего. На обсиженном мухами шнуре висела тусклая лампочка. Угрюмое, волчье жилье потайных людей.

— Нравится? — равнодушно спросила Люська и без всякого интереса к ответу добавила:

— Переспать есть где, а еще тебе чего...

— Выход отсюда один? — осведомился Калмыков.

Люська угадала его мысли.

— Хае этой, мальчиша, по нашей с тобой житухе цены нет. Ты сейчас ничего не знаешь, а прижмет — узнаешь и мне спасибо скажешь.

Не добавив больше ни слова, не попрощавшись, вышла.

Саша лег на скрипучую койку, задумался.

Итак, можно подвести первые итоги. Они утешительны. Удалось благополучно пробраться на советскую территорию, так же благополучно приехать в Приморск, связаться с местной организацией. Крыжов произвел на Сашу хорошее впечатление. Правда, окружение его немного странное — Евстигненьшка, Люська... Но рано делать выводы. Дальше будет видно, не на месяц он сюда приехал и не на два...

Лежа в темноте, Калмыков не мог удержаться от мечтаний.

Он представлял себе, что станет ближайшим помощником Крыжова. Вместе будут составлять проповеди, писать «рефераты», вместе посещать «братьев» и «сестер», рассказывая о вере, а вечера — проводить в тихой, ласковой беседе. Конечно, Крыжов не один, у него есть товарищи по мыслям, собратья по духу. Саша тоже сблизится с ними, они заживут, делаясь самым сокровенным, ничего не утаивая друг от друга. Их кружок загорится светлым огоньком во мраке безбожия, и на этот огонек придет все больше и больше ищущих благочестия. Саша и его друзья ни перед кем не закроют двери, каждый гость для них желанен. Политике они не дадут места — только слово божие, покой, добро. Брат Прохор, без сомнения, одобрит его планы, вместе с Сашей горячо возьмется за дело — доброе, славное дело бога. Как счастлив Саша, что может следовать велениям Иеговы!..

Помолившись, Калмыков заснул крепким, спокойным сном молодого, здорового и уверенного в себе человека.

Глава седьмая

ЛЮДИ С ДВОЙНЫМ ДНОМ

При втором визите Евстигнеюшка уже не расспрашивала: «К кому?», «Зачем?», «Не из санитарной ли комиссии?» Однако прежде, чем впустить, раза два зорко оглядела Сашу с головы до ног. Бесцеремонный осмотр покорибл молодого человека, и все-таки приходилось признать, что Евстигнеюшка — верный страж Крыжовских интересов.

Крыжов любезно встретил гостя на крыльце. Провел в ту комнату, где сидели несколько дней назад.

— Прочел литературу? — спросил Саша после первых приветствий и ничего не значащих фраз.

— Прочел.

— Ну и?..

— Что ж, правильно пишут, по-божески пишут. — Глаза-копейки смотрели без всякого выражения. Вдруг они беспокойно забегали:

— Сестра Евстигнеюшка! — позвал «слуга».

— Компания есть, — объяснил Саше. — Выпить можно. — Искренне пожаловался: — Вот я в одиночку пить не приучен. Другой раз так выпить хочется, а компании нет... Сестра-а!

— Слышу! Слышу! — откликнулась она из коридора.

— Принеси-ка нам сюда, — сделал обратный жест явившейся на зов Евстигнеюшке, — закуськи принеси... и коньячку.

Станным взглядом, в котором смешивались робость и нахальный вызов, поглядел на Сашу. Дело в том, что иеговистская религия строго-настрого запрещает употреблять вино. Пьянство — тяжчайший грех для иеговиста. Однако сектантская верхушка в очень узком кругу, среди совсем своих, далеко не всегда придерживается этого правила. И Крыжов шел напролом, раскрываясь перед «братом», которого считал посвященным во все тайны дел и быта «свидетелей Иеговы».

Калмыкова его признание ошеломило. «Как же так?! — с болью и удивлением подумал Саша. — Ведь это грех!». Посмотрел в глаза Крыжову. Тот твердо встретил взгляд «брата».

— Я понимаю, все понимаю, — после паузы заговорил Крыжов. — Только в жизни мы раз живем и жизнь у нас тяжелая. Ты молодой еще, а я на веку такое испытал...

Тоскливые нотки в его голосе тронули Сашу. «Имею ли я право судить других? — спросил он сам себя. — Пьянство — грех, но гордыня перед братьями, осуждение слабых — грех еще больший. Не судить мне его надо, а убеждать, внушить стремление к лучшему».

— Я, что же, я ничего, — неуверенно сказал Саша. — Только нельзя ведь, вера не велит.

— Ничего, таким, как мы с тобой, можно, — твердо возразил Крыжов, поняв, что «брат» уступает. Весь этот разговор имел большое значение для Крыжова. Если гость смягчился раз, будет податлив и дальше. Крыжов становился настойчивее. — Закуска готова, попробуем коньячку.

Крыжов взглядом подгонял Евстигнеюшку. Как только она подала и вышла, торопливо наполнил рюмки. Рука его дрожала, стекло стучалось о стекло, однако ни капли коньяку мимо не пролил.

— По первой, — сказал Крыжов, — за благополучный приезд и спокойное проживание в нашем городе... Или куда дальше проследовать собираешься? — добавил, вроде невзначай. Конспирация — конспирацией, а все-таки узнать больше о необычном госте хотелось, ой, как хотелось!

— Там видно будет... Поживу пока, — неопределенно ответил Калмыков.

— Ясно! Поехали! — привычным движением выплеснул коньяк в рот. Удовлетворенно почмокал пухлыми губами, обмакнул в сахар прозрачный ломтик лимона.

Саша неумело откупорил бутылку с нарзаном, налил в стакан, выпил. Крыжов насмешливо наблюдал за ним:

— Что, видно давно пробовать не доводилось?

Саша понял намек — Крыжов твердо уверен, что гость бежал из заключения. Пусть, разубеждать не стоит. На вопрос Крыжова не ответил. «Слуга» понял молчание, как подтверждение своей догадки.

— Да, насчет этого там, — подчеркнул «там», — не сладко... Да и насчет всего прочего тоже. Ну, по следующей.

После первой же рюмки руки Крыжова перестали дрожать. Точным тренированным движением налил «под поясок».

— Чтoб живы-здоровы были.

Выпил, пошлепал губами. Зажевал новый лимонный ломтик — другой закуски не признавал.

Саша незаметно отодвинул рюмку. Съел что-то. Спросил, возвращаясь к началу беседы:

— Так прочел литературу?

— Прочел, принял, как говорится, к сведению и руководству... Давай выпьем.

— Спасибо, с меня хватит.

— Твое дело, неволить не могу. А я, если не возражаешь, дерябну.

Саша промолчал.

Крыжов налил, выпил. Глаза его совсем потускнели, пухлое лицо покрыл нездоровый пятнистый румянец.

«Как бы он не охмелел, — подумал Калмыков. — Нет, я его заставлю с бутылкой распрощаться».

Вслух спросил:

— А хранишь литературу где?

— Не сомневайся, надежных мест много, — ухмыльнулся Крыжов. — Вот, глянь.

Вышел в коридор, принес старую, лоснившуюся от грязи табуретку. Показал Саше.

— Табуретка, как табуретка, — определил Калмыков.

— Верно, — хвастливо ответил «слуга», видимо, довольный собственной изобретательностью. — А теперь — вот.

Перевернул табуретку, выдвинул из под сиденья дощечку. Показался небольшой тайник. В нем лежали журналы, которые дал Саша.

— Неплохо, — похвалил Калмыков. — Надежно.

— Надежно-то надежно, — на лицо «слуги» набежала тень. — До поры-времени, конечно.

Вынес табуретку обратно в коридор, вернулся, присел к столу.

— Я не случайно пришел, — сказал Саша после паузы. — Работает радио?

— Работает, чего ему делается.

Калмыков подошел к приемнику, включил. Бережно двигал ручку настройки коротких волн, поглядывая на часы. В большом полированном ящике сухо потрескивало. Хозяин с любопытством наблюдал за Сашей.

Из приемника понеслась музыка — торжественная, тягучая. После двух-трехминутного оркестрового вступления, заговорил отлично поставленный мужской голос:

— Сестры и братья во всем мире! Слушайте слово бога...

Голос ворковал, извивался, лез в душу. Четкое соблюдение знаков препинания, ударений, показывало, что обладатель голоса приложил немало усилий, изучая трудный русский язык. Акцента почти не чувствовалось.

Калмыков слушал внимательно. Подражая ему, «слуга» не отрывал желтых глаз от светящейся шкалы.

Когда мужской голос замолк, Саша взял Крыжова за руку:

— Сейчас обо мне будет. Слушай.

«Незнакомый брат! — проникновенно, с подкупающей печалью заговорила женщина-диктор. — Стих пятый из двадцать четвертой главы Евангелия от Матфея гласит: «Ибо многие придут под именем моим и будут говорить: «Я Христос» и многих прельстят...» Не забывай об этом, брат. Но помни и другое, что так же важно в жизни твоей...»

— Вот, — Калмыков крепче сжал руку «слуги».

«Знай, что не надо благами мирскими дорожить, думать надо о дне, который наступит, — «И настанет день...» — вспомнил Крыжов первую половину пароля, — готовься к нему, жди его!»

«Слуга» с почтением, сквозь которое пробивался даже легкий страх, посмотрел на Сашу.

— Это как понимать надо?

Полностью раскрываться Калмыков не хотел.

— По всякому... — уклончиво ответил он, отпуская руку Крыжова. — Помнишь евангельское правило: если пришел путник, накорми, приюти, не спрашивай ни о чем.

Крыжов «евангельское правило» знал и без Саши. Ему самому дважды доводилось снабжать деньгами связных — «путников», которые являлись неизвестно откуда и уходили неизвестно куда. На условном языке сектантов-подпольщиков их называют «слугами внутренними», в отличие, от «слуг внешних», которые занимаются налаживанием связи с границей. «Слуги внутренние» передают поручения, литературу, а особенно — отчеты, которые регулярно составляет каждый «слуга» своему сектантскому начальству. Брали отчеты и у Крыжова.

— Правильно ты говоришь, брат, — ответил Крыжов Саше. — Давай выпьем.

Калмыков выключил замолкший приемник, подходя к столу, строго сказал:

— Два раза в неделю передачи. Будем слушать регулярно, что надо — запишем. Другим братьям и сестрам про эти передачи скажи.

— Скажем, — согласился Крыжов и подумал: «Деловой, напористый». — За твоё здоровье, за нашу удачу, — протянул наполненную рюмку.

«Нельзя обижать его», — решил Саша. Неумело чокнувшись, поставил рюмку на место.

— Одни мы, и надо нам друг за друга держаться! Надо! — продолжал Крыжов. — Помогать друг другу...

— А главное, чтобы вера наша ширилась, — дружелюбно добавил Калмыков, которого настроение «брата» тронуло... — У меня планы такие. Прежде всего, хороших людей подобрать, пусть сперва не много их, но чтобы...

— А я тебя порадуя, — перебил Крыжов.

— Чем?

— Документ есть.

— Да ну! — искренне обрадовался Калмыков. — Замечательно, спасибо тебе, брат. А чистый?

— Настоящий, самый что ни на есть настоящий, — тоном маэстро, принимающего знаки восхищения его талантом, ответил Крыжов. — Впрочем, ты больше не меня благодари — Макрушу. Он устроил... Погоди, принесу.

Вышел в соседнюю комнату, вернулся с паспортом.

Небрежно бросил на стол перед Сашей:

— Вот.

Саша раскрыл паспорт. Прочел:

— Карпенко Геннадий Константинович... Год рождения тысяча девятьсот тридцать второй... Место рождения город Первомайск... Все для меня подходит.

С фотографии на Калмыкова глядел лобастый, большеглазый парень в нарядно-расшитой украинской сорочке.

— Карточку заменить придется, — сказал Крыжов.

— Не беспокойся, — обнадежил «пионер». — Сумею.

Желтые глаза моргнули. «Ох и парень! — мысленно воскликнул Крыжов. — Огонь и воду прошел!».

— А чей паспорт? — спросил Калмыков, кладя его в карман.

— Так... Одного, — уклончиво ответил Крыжов.

Саша нахмурился.

— Кого именно?

— Тебе не все ли равно?

— Нет! — отрезал Калмыков. — Я должен знать. Бывают такие документы, что лучше совсем без них, чем с ними.

Крыжов помолчал, посопел. Потом воскликнул с сердцем:

— Да что я в самом деле! От такого, как ты, какие секреты! Прости — жизнь паршивая, всех боишься, никому не веришь. Идем!

Через переднюю вывел гостя во двор. Подошли к запертому огромным замком гаражу. Крыжов вытащил из кармана бренчащую связку, как тогда, при первой встрече, не глядя, сразу нашел нужный ключ, отомкнул замок.

Чуть приоткрыв дверь, протиснул Калмыкова вперед, сам вошел следом. В кромешной темноте уверенной рукой нащупал выключатель, щелкнул.

Вспыхнувшая лампочка осветила гараж: потрепанный черный «оппель-капитан», по углам рваные протекторы, канистры, бачки — всякое автомобильное барахло. Противно пахло бензином.

Крыжов подошел к автомашине, рывком отворил дверцу:

— Глянь.

Саша невольно сделал шаг назад. Холодная рука сжала сердце. Такого ужаса он не испытывал, даже прыгая с парашютом.

На заднем диване автомобиля сидел человек. Выпрямившись. Держа руки на коленях. Глаза его, стеклянные, как у мертвеца, уставились в одну точку. Лишь нечастые помаргивания век свидетельствовали, что он жив — он не сделал ни одного движения, никак не отозвался на появление Крыжова и Саши.

— Господи! — наконец, вымолвил Саша. Горло его сжимала судорога, колени противно дрожали. — Кто это?

— Паспорта твоего хозяин.

Совладав с собой. Калмыков пристальнее взгляделся в незнакомца. Да, действительно, его фотографию Саша только что видел. Но теперь черты лица высоколобого ясноглазого парня изменились, будто их вылепил скульптор с больным, извращенным воображением. Лоб пересекли морщины, в больших глазах не выражалось никакой мысли. Лицо заросло клочковатой неопрятной щетиной, сквозь которую виднелась дряблая, землистая кожа. Лиловые губы плотно сжаты.

— Рассмотрел? — спросил Крыжов.

Не дожидаясь ответа, захлопнул дверцу. Чуть подталкивая под бок, заставил ошеломленного Сашу выйти.

Выключил электричество, плотно прикрыл дверь, навесил замок-пудовик.

— А как же?.. — растерянно проговорил Саша. — Он там... В темноте...

— Ему все равно, — коротко ответил Крыжов.

Когда вернулись в столовую, Калмыков, не ожидая приглашения, налил себе коньяку. Жуткое чувство отзывалось дрожью в глубине груди.

— Правильно, самая пора выпить, — обрадовался Крыжов.

Саша спохватился, рюмку не взял.

— Откуда он? Почему так сидит?

«Слуга» нахмурился.

— Ежели правду говорить, скверная история, и как бы она нам еще боком не вышла... Приказали типографию оборудовать... Во дворе одном под сараем погреб тайно выкопали, сверху укрыли надежно — не заметишь... А кто в типографии той работать будет? Ходил тут один — старик не старик, лет под пятьдесят и сына с собой водил. Брат Мирон дознался, что они наборщики из типографии местной. Начал их обрабатывать — больше сына, Генку. Книги священные Генка читал, с Макрушей разговаривал, а тот... умеет. Время пришло, брат Мирон Генке в армии служить запретил, документ липовый достал... Да, а перед этим они из казенной типографии к нам шрифт по букровке носили и прочее, что могли...

— Опасно! — нахмурился Калмыков.

— Еще бы... Однако ни разу не попались... Вот и стал Генка печатником нашим. Сидел под сараем, ночью иногда воздухом подышать подымался, но с опаской. Листовки набирал, оттиски делал. Мы их потом кому почтой рассылали, кому так читать давали — перед выборами было, агитировали, чтобы народ голосовать не шел... Брат Мирон все организовал, я, по правде сказать, в таких штуках не очень разбираюсь. Да... Фонарь «Летучая мышь» у него, у Генки, бидон с бензином и звонок. На случай если с обыском или с арестом — в доме пуговку нажмут, у Генки звонок зазвонит. Тогда должен Генка типографию бензином облить и поджечь, а сам, как может, из-под сарая выбираться...

Долгий рассказ утомил Крыжова. Наполнив рюмку, выпил. Посасывая лимон, будничным тоном продолжал:

— Сам понимаешь, какая жизнь... А обратно хода нету — документ фальшивый, из армии дезертир, антисоветских листовок печатник: брат Мирон сам по своему заранее все обдумал, судьбу Генкину решил... Только одного не учли мы — рассудка человеческого. Хоронился Генка при фонаре, без света

дневного, хоронился, потом замолчал, работать перестал. День молчал, два, три — что, думаем, такое? Неделю молчит, тут уж дело ясное. Вот беда-то! Посовещались мы, ночью его из типографии тихонечко вывели, в машину посадили, сюда привезли. Стемнеет — к психбольнице поедem, у дверей оставим. Нельзя иначе, не век же его держать... Тем более — никого у Генки нету, отец помер. Так что за паспорт тебе бояться нечего. Надежный. Из психбольницы Генке теперь не выйти.

Саша невольно представил молодого, полного сил и здоровья человека... Неужели богу нужны такие жертвы?.. Хотелось прогнать горькое чувство, подумал привычными словами: «Мученик за веру».

Тоскливо сказал:

— Эх, наделали вы дел! Живого человека загубили.

Крыжов вздохнул.

— Разве я не понимаю! Все понимаю. Так кто знать мог, что он, Генка то-есть, слабаком таким окажется.

«Пионер» не выдержал, гневно глянул на собеседника.

— Надо было знать! Все знать, все предусмотреть. Ты что делаешь, ты врагам нашим козырь в руки даешь: вот, мол, какие — душегубы. Человека не вернешь!

— Так случайно вышло! Не хотели! Да и причем мы? Приказано типографию наладить? Приказано. Работать в ней должен кто-то? Должен. Не Генка, так другой пошел бы...

«Слуга» говорил правду. Он только выполнял распоряжение свыше.

Калмыков замолчал, опустил голову.

По своему поняв его молчание, Крыжов сказал:

— Думаешь, опасно его здесь держать? Конечно, лучше бы куда подальше, только нет места такого — надежного. А ежели кто лишний заявится, разговор таков: кто я? Пастырь, духовный утешитель. Могли ко мне душой хворого привести? Могли. Бывает такое... Вот и весь сказ — что брат Генка, что Люба, одинаково за помощью ко мне...

— Какая Люба? — вздрогнул Саша. Неужели в этом доме есть еще...

Крыжов ухмыльнулся, — он и думать забыл о загубленной судьбе Генки.

— Вот другой тебе секрет выдал. Сперва утаить хотел, потом думаю: ведь узнаешь, парень дошлый, от тебя ничего не скроется, далеко пойдешь...

Добавил с мрачным юмором:

— Ежели, как говорится, милиционер не остановит.

Калмыков ответил просто, без всякой рисовки:

— За веру пострадать готов... Ну, так что же за Люба?

Крыжов понял, что «пионер» действительно не тревожится за свое будущее. «Рисковый парень, — уважительно подумал Крыжов. — С таким не пропадешь, рискован всегда везет. Делать дела можно. Правильно будет, что ему про Любу расскажу... И без меня в субботу увидел бы сам, смекнул...»

— Затеял я дело одно, — таинственно сказал Крыжов, глядя в упор безглазыми глазами-копейками. — Ба-а-ль-шое дело может выйти, жирный интерес нам с него получится.

Крыжов встал, пригласил жестом следовать за собой, как бы отталкивая Сашу. Сперва походка «слуги» была неровной, но с каждым шагом становилась тверже, будто он по желанию прогонял хмель. Сказывалась не сила воли, а давняя привычка: Крыжов почти всегда находился «под градусом», и Калмыков даже не заметил, в каком состоянии «брат».

Из прихожей прошли в тесный коридорчик — в темноте Калмыков больно ударился коленом о какую-то кадку. Оттуда попали в закуток, тоже заставленный всяким барахлом, и очутились перед плотно прикрытой дверью. Крыжов постучал.

— Войдите! — раздался негромкий очень чистый голос.

Крыжов, за ним Саша вошли в комнату — белую, приятную. Форточка была открыта, с улицы тянуло прохладой.

— Здравствуйте, — сказал тот же голос.

Возле окна, на белой кровати, укрытая по грудь легким одеялом полулежала, полусидела, откинувшись на огромную подушку, девушка лет восемнадцати. Глянув на ее лицо, Саша почувствовал странное волнение, какого не было с ним еще никогда в жизни. Показалось, что он давным-давно знает это лицо в пушистой рамке светлых волос, что он и раньше видел дерзкие темные брови вразлет над голубыми глазами, задорно вздернутый нос, пухлые губы, сейчас бледные, как после недавней болезни. Бледными были и щеки ее, в низком вырезе рубашки Саша увидел выпирающие худые ключицы.

— Здравствуй, голубица моя, — сказал Крыжов отвратительно-елейным тоном. — Здравствуй, услада. Как-то себя чувствуешь?

— Хорошо, родной, очень хорошо! — весело ответила девушка. Блестящие глаза ее свидетельствовали, что говорит она чистую правду. — Позволь встать мне, прошу тебя. — Она сделала забавно-умоляющую гримаску. — Позволь, а!

— Рано, услада, рано, не настал час. Когда наступит, скажу тебе «иди!» и ты пойдешь. Куда хочешь пойдешь.

— Правда? Какое счастье! Я верю — пойду и буду, как все.

У нее даже щеки от волнения порозовели.

— Вот так, — сказал Крыжов. — А сейчас потерпи, услада. Терпи, бога для.

— Потерплю, потерплю. Столько лет терпела, недолго осталось... Ах, скорее бы!.. Скорее!

На лицо ее набежала тень, и Саша сразу понял, как много значит для этой девушки надежда, с каким нетерпением ждет она обещанного Крыжовым «куда хочешь пойдешь». Саше вдруг захотелось, очень захотелось ей помочь. Но как? Что у нее за болезнь? Господи, почему караешь ее, молодую, ясную!

Отвечая своим восторженным и наивным мыслям, вздохнул, переступил с ноги на ногу.

Крыжов вспомнил о его существовании.

— Вот. Любонька, вот, услада, молодой человек, единовец наш. Тоже богу служит, к правде стремится.

Она вынула из под одеяла и протянула Саше худую руку:

— Хорошо как! Меня Любой звать. А вас?

— Брат Геннадий... Гена.

Рука ее была ласковая и теплая.

— Гена... Я вас так и буду звать — Гена. Вы приходите ко мне, а то одной скучно... Хотя уже скоро... Скоро я тоже ходить буду, он обещал. Правда?

— Правда, услада, правда, — елеинным тоном откликнулся «слуга» и тронул Калмыкова за плечо. — Пойдем, ее разговорами разговаривать нельзя, пусть лежит, о боге думает, с болезнью борется. Вот молитвой, о боге думой болезнь и осилит. Прощай, услада.

— Прощайте!

Когда выходили, Саша обернулся. Встретился взглядом с Любой. И ему и ей показалось, что они стали друзьями.

— Приходите же, — еще раз робко попросила Люба.

— Приду обязательно!

Вернувшись в столовую, «слуга» без лишних слов наполнил рюмку, вопросительно взглянул на Сашу. Тот отказался. Крыжов пожал плечами, плеснул коньяк себе в рот, закусил лимоном.

— Кто... она? — спросил Саша, не в силах дожидаться, когда Крыжов кончит жевать и сам начнет разговор о Любе.

— Дело, брат, такое, что ой-ой, — заговорил Крыжов. — Тут ба-альшие тысячи сварганить можно.

Помолчал, обдумывая, как лучше пояснить.

— Болеет она. В четырнадцать лет на коньках каталась и упала, сперва — ничего, потом хуже и хуже, ноги отнялись.

— А что за болезнь?

— Не знаю. — Отвечая, Крыжов старательно посыпал ломтик лимона сахаром, сунул в рот. — Не интересовался, мне ни к чему... Лежала в больнице два раза: в первый — как неизлечимую выписали, потом — снова лечить взялись. Только я тетке ее — отца-матери нет, немцы убили — сказал, чтобы из больницы девушку забрали. Хватит! Молитвой лечить будем, скорее-то хворь пройдет. Окончательно выздоровеет при всем честном народе. — Саше показалось, что Крыжов как-то гнусно подмигнул. — Понятно?

— Не совсем...

— Какой ты! Тебе разжуй и в рот положи. Чего тут непонятного?.. Начнем моление, она выйдет, к господу обратится и... выздоровеет, — сказал и опять вроде моргнул. Чего бы ради? «Нет, наверно, я ошибся, — подумал Саша. — Может у него привычка такая? Тик нервный?»

— Бог ей поможет, — согласился Саша. — Я верю.

— И я... верю. Куда ж нам без бога-то! Без бога пропадем. А люди увидят, что произошло — другим расскажут. Все узнают: вера наша правильная, в самой лютой беде — болезни, помогает, здоровье вернуть способна... и к нам пойдут. Вот и заживем — тужить не будем. Точно я придумал?.. На глазах у всех выздоровеет, — повторил Крыжов и хвастливо добавил: — Без дела не сидим.

— Пстой, пстой! — перебил Калмыков. — Не пойму я как-то... Что это ты, брат, затеваешь? Зачем?

Крыжов ответил не сразу. Когда заговорил, глаза-копейки смотрели в сторону, мимо собеседника.

— То есть, как зачем?

— Да так, — недоумевал Саша. — Ведь собираемся мы, чтобы книги религиозные читать, о боге беседовать...

«Слуга» сердито поморщился.

— Одно другому не помеха. Неужели тебе живую душу не жалко! Вдруг помолится Люба и молитва болезнь поборет? Ежели по-ученому, подъем духовный начнется, воспарение души, одним словом.

Крыжов знал, как подействовать на Сашу. Последний довод был решающим.

— Пожалуй, — согласился Калмыков. Подумал: «Это ведь безбожники отрицают превосходство духа над телом. Религия допускает возможность непонятного... И в библии сказано...»

Как хотелось ему, чтобы действительно Люба напрягла все свои духовные силы и выздоровела! Иди речь о совершенно постороннем человеке, Саша настойчивее возражал бы Крыжову, а сейчас... сам хотел исполнения слов «слуги»...

— Верить надо, — поучительно проговорил Крыжов. — Не рассуждая верить, рассуждать мы много привыкли... А ежели Люба выздороветь может, надо, чтобы все об этом знали. Такое — лучше чтений и проповедей всяких... Мы по-простому, в книгах-то не больно разбираемся, больше нутром, душой берем.

Опять он прав, возразить нечего, надо, чтобы случай с Любой стал известен всей общине. В «теократических» вопросах — религиозной теории, Крыжов слаб, но не «пионеру», окончившему курс специальной школы, осуждать его.

И Калмыков промолчал.

— Вот так! — поставил точку Крыжов, видя, что собеседнику нечего ответить. — В субботу собираемся, в субботу все и обтяпаем.

Словцо «обтяпаем», непонятное отношение «слуги» к предстоящему Любе испытанию больно кольнули Сашу. Постарался отогнать странное чувство.

— Поможет ей молитва, поможет! — всем сердцем произнес Калмыков.

— Как же иначе, — с ухмылкой подтвердил Крыжов.

Саша вдруг вспомнил табуретку с двойным дном. Придет же на ум!.. Чего ради?.. Хоть и согласился он с Крыжовым, на душе стало смутно.

Поднялся.

— Пошел я. До субботы.

— В субботу к вечеру, — еще раз напомнил Крыжов. — До Луговой улицы семнадцатым трамваем ехать. — Осклабился. — Сперва, как всегда, будет, а потом... — вдруг широко и грязно улыбнулся. — Потом такое увидишь... Только опять слишком строгим не будь.

Калмыков глянул недоуменно.

— Про что ты?

— Поймешь, поймешь. — Грязная ухмылка не сходила с бабьей физиономии Крыжова. — По правилам оно, может, и не того, только каждому правилу свое исключение есть... И человек слаб.

— Ну и что? — почему-то смутившись, спросил Саша.

— А ежели слаб, то бранить его за слабость не гоже, — продолжал «слуга» непонятные намеки. — Лады, лады, сам все увидишь... До субботы!

— До субботы.

Планы их не сбылись. Через Люську Крыжов дал знать, что очередное собрание откладывается — не время, не безопасно. Лишь несколько недель спустя пришло известие: пора.

«Братья» и «сестры» были предупреждены, в строгой тайне готовились к молению.

Глава восьмая

«...И ХИТРЫ, КАК ЗМЕИ»

Внешне место сборищ иеговистов ничем не отличалось от других таких же неказистых домишек на окраинной улице Приморска. Забор вокруг него был, пожалуй, повыше и посolidнее, чем у других, — в полтора человеческих роста, без единой щелочки. Стоял дом в центре правильного четырехугольника, фасадом к улице, тыльной стороной на голый, унылый пустырь, за которым поблескивал лиман с низкими, просоленными берегами. Городской шум почти не долетал сюда; было неуютно, невесело, слишком пасмурно зимой и слишком пыльно летом.

За забор вела небольшая калитка, открывающаяся только известным людям. Вошедшего встречал рослый седобородый старик — такие служат швейцарами в шикарных ресторанах. Приветствовал гостя любезным «Добро пожаловать». Дом принадлежал седобородому. Когда-то это была развалюха, вот-вот готовая обрушиться от древности. Крыжов познакомился с ее хозяином после войны, в тюрьме. Встретились снова через несколько лет, отбыв срок. Иеговистский «слуга» дал денег, халупу привели в более или менее приличный вид, пристроили к ней большую комнату, участок обнесли забором.

На сборищах своих иеговисты читают и обсуждают статьи журнала «Башня стражи», «теократическую» литературу. Такой кружок по изучению «божественного» называется «студией». Особое место занимают «рефераты» — нечто вроде изложенных письменно рассуждений «брата» или «сестры».

Постоянно использовать под «студию» один и тот же дом Крыжов, конечно, не собирался — из соображений конспирации. «Слуга килки» прекрасно понимал, что шила в мешке не утаишь. Рано или поздно, а соседи приметят непонятные сборища в доме за высоким забором. Тогда придется сматывать удочки — и побыстрее. Сектантский «слуга» загодя старался найти новое место сборищ, но сделать это оказалось нелегко. Желających проводить в доме своем нелегальные собрания не было. А жилье тех единоверцев, на кого Крыжов мог вполне положиться, для «студии» не годилось. Волей-неволей, а пока, до наступления совсем уж тревожных времен, иеговисты пользовались гостеприимством седобородого, впрочем, хорошо оплаченного. Сам хозяин дома «теократическими» делами не интересовался, на сборищах сектантских не бывал.

Так Крыжов, по мере сил и разума, претворял в жизнь наказ главнейшего начальника своего «президента Кнорра»: «Будьте кротки, как голуби, и хитры, как змеи»... Точнее — вторую часть наказа, поскольку голубиной кротостью ни сам Крыжов, ни большинство единоверцев его не отличались.

Калмыков сперва приехал па Луговую днем, чтобы потом не искать и не расспрашивать. В назначенный час шел уверенно, как будто бывал здесь много раз.

Не дойдя квартала до дома, где собиралась «студия», Калмыков увидел бедно одетого мужчину лет без малого тридцати. Он сидел на лавочке возле чьей-то калитки. Бесцельно, рассеянно глядел в пространство. Однако, приближаясь к неизвестному, Саша все отчетливее ощущал на себе его пристальный, упорный взгляд.

Сердце «пионера» замерло, через мгновение забилось с небывалой силой. «Неужели?! — громом ударила тревожная мысль. — Сейчас! Когда я еще ничего не успел сделать!». Он напрягся, готовый бежать. «Сюда, в переулок, затем в строящийся дом, оттуда к сараям...»

И вдруг неизвестный чуть заметно кивнул Калмыкову, отвел взгляд в сторону. Саша перевел дух, пошел медленнее, чувствуя, как дрожат ноги. Он понял, это — «сторожевой», он охраняет нелегальное собрание, готов в случае необходимости забить тревогу.

Теперь Калмыков постарался внимательнее разглядеть «брата», но заметил только худое небритое лицо, блестящие глаза...

Седобородый привратник встретил Калмыкова обычным ласковым «Пожалуйста». Голос его переполняло радушие, седая борода рассыпалась по груди символом мирной старости. Глядя на него, не верилось, что много лет назад он был сотрудником кровавой белогвардейской контрразведки Освага, в период оккупации открыл «дом свиданий» для фашистских офицеров, сравнительно недавно вернулся из тюрьмы.

Любезной улыбкой ответил на приветствие убоженного сединами мерзавца, Саша пересек двор и вошел в дом.

Здесь было жарко, пахло немывыми человеческими телами и керосином от чадающей в углу лампы-семилинейки. Окна были плотно занавешены и от того казалось еще душнее.

Вдоль стен на лавках сидело с дюжину «свидетелей Иеговы». Невесело, но в задорном плясовом темпе они пели:

Скоро к нам Христос придет,

Нам спасенье принесет.

Он своей душой прославит

Тех, кто сердцем не лукавит!..

Калмыков скромно примостился в уголке и начал подтягивать хору.

Керосиновый чад першил в горле, бил в нос запах неопрятных людей. Дребезжащие голоса молящихся резали слух.

Калмыков старался не обращать на это внимания. «Простая» обстановка, в которой собирались сектанты, показалась ему особенно трогательной, напомнила легенды о древних христианах Рима, чьи моления происходили тайно, под землей или в убогих пастушьих хижинах.

Молодой фанатик обратился к богу — горячо, искренне, от всей души. Просил помощи, бодрости, силы, чтобы выполнить возложенное.

Помолившись, восторженный, начал приглядываться к «братьям» и «сестрам», с которыми отныне будет жить одной жизнью.

Как ни старался подбодрить себя Калмыков, но впечатление от единоверцев складывалось неважное. Ни среди мужчин, ни среди женщин не увидел свежего, молодого, приятного лица. Старческие, отупевшие физиономии. Тусклые или блестящие лихорадочным возбуждением глаза. Уродства. Не нужно

быть особенным психологом, чтобы догадаться: собрались здесь оставшиеся за бортом жизни, неудачники, психически неуравновешенные, а может и ненормальные, прибитые горем... Всмотревшись пристальнее, Саша заметил в дальнем углу четырех молодых, а точнее, не столько молодых, сколько молодящихся женщин. Одеты одна к одной — с вульгарной претензией на моду. Самая высокая, полная брюнетка, почувствовав на себе взгляд Калмыкова, посмотрела на него, улыбнулась, толкнула локтем подругу. Та тоже улыбнулась и поглядела на молодого человека. Саша отвел глаза. Ему их внимание было неприятно.

«Нет! — мысленно говорил Калмыков. — Не то! Все это не те, которые должны быть в наших рядах. Старые, больные, убогие, не опора — обуза. Крыжов не умеет вербовать. Я сам займусь этим, мы привлечем сильных духом и телом, полных веры в бога и готовности претерпеть за него. Таких обязан я отыскать и отыщу...»

Пение прекратилось. За дверью, что была напротив входной, слышался шум.

Первым вошел Крыжов. Шагал медленно, торжественно, не оглядываясь по сторонам. Низко поклонился, здороваясь с единоверцами, и направился к оставленному для него месту на скамье. Все это выглядело очень впечатляюще. Моментами бабья физиономия «слуги» казалась даже благообразной, в ней мелькало что-то, что внушало если не уважение, то страх.

Вслед за Крыжовым вкатили кресло-коляску. В ней полусидела, полулежала Люба. На лице девушки не было ни кровинки, глаза сделались глубокими-глубокими. О волнении ее говорила и закушенная нижняя губа, и быстро поднимающаяся грудь, и пальцы, которые нервно перебирали ткань белого платья. Саше она показалась сегодня еще более привлекательной, чем при первой встрече. Но было в Любиной красоте что-то нездоровое, жалкое.

Катили коляску двое: один пожилой, среднего роста, с узким лбом, редкими волосами, непонятным взглядом. В профиль похож на щуку. Другой — молод, дюж, длиннорук и длинноног, короткие волосы мыском спускаются чуть ли не до переносицы, в глазах — веселая дурость.

При появлении торжественной процессии в молельной воцарилась полная тишина.

— Любезные и любимые братья и сестры, — проникновенным голосом начал Крыжов.

Саша подумал, что «слуга килки» несомненно обладает определенными актерскими данными. Крыжов за выпивкой и Крыжов здесь, перед верующими, были два разных человека. Голос «слуги» приобрел бархатистость, где нужно — звучность, осанка сделалась величественной, даже глаза-копейки вроде увеличились до размеров гривенника и поблескивали, как гривенники.

Спутники Крыжова тоже держались уверенно, властно, с привычной строгостью поглядывали на рядовых сектантов: волевые, знающие свою цель, «пастыри» прочно держат «килку» в руках.

Прежде чем перейти к обычной «беседе», Крыжов решил напомнить «братьям» и «сестрам» об их главной обязанности.

— Сестра Мария три раза не была на наших собраниях. Хорошо ли это? Допустимо ли пренебрегать жизнью своею духовною?!

— Сынок... у меня... болеет, — сказала сидящая рядом с Сашей женщина так тихо, что кроме ближних соседей ее никто не услышал. — Очень болеет.

— Вот, что пишется в «Башне стражи», — продолжил «слуга», не услышав ее слов или не придав им значения. Достал журнал, начал читать: — «Если ты чувствуешь духовную слабость, проверь себя. По всей вероятности ты не посещаешь регулярно собраний. Следовательно, ты лишен общения со своими братьями. Когда кто-либо начинает пропускать собрания, то он удаляется от организации Иеговы, и здесь как раз тот пункт, с которого он начинает быть слабым. Данное лицо теряет свое духовное убеждение, доходит до того, что его вера становится слабой и отмирает, и он скользит из нового в старый мир...»

Женщина, у которой болен сын, покорно опустила голову.

«Может, по отношению к ней это слишком строго, — думал Саша, растроганный ее грустным видом, — но, глядя на нее, учатся другие. Нельзя, чтобы они теряли веру».

— Теряет веру! — многозначительно повторил Крыжов, как бы произнося вслух мысли Калмыкова. — Вот до чего дойти можно!.. Вы поняли, братья и сестры?!

После паузы закончил:

— Сестра Мария перепишет из журнала трактат, который я ей укажу.

«Правильно! — мысленно одобрил Калмыков. — Прочнее запомнит, что там написано».

— Может и не одна переписывать, может сыну тоже дать, — сказал Крыжов.

Такого рода наказания иеговистские «слуги» накладывают на «братьев» и «сестер» особенно охотно. Человек, переписывающий «трактаты» из бруклинского журнала, не только лучше усваивает их содержание, но и становится соучастником размножения, распространения антисоветской литературы — преступает закон. Знакомя детей с «трактатами», родители отравляют их религиозным ядом.

Наказав «ослушницу», Крыжов начал «беседу». Темой ее избрал различие между «духом» и «плотью».

— Что есть дух и что есть плоть? — ораторствовал он. — Каковы наши стремления духовные и каковы телесные? Первые приближают к богу, вторые отвращают от него. О чем думаешь ты, приверженный плоти? О предметах суетных и скоропреходящих, каковы есть и славы жажда, и блага житейские, и прочее внимания недостойное. И напрасно ты другом своим считаешь того, кто побуждает тебя о плоти заботиться, не он друг твой, но — враг лютей...

«Молодец, — опять одобрил «пионер», от которого не укрылся тайный смысл речений «человека с двойным дном». — Они поймут, что нас надо слушать, нам верить».

— А что есть дух?! Дух есть высшая благодать, которая может снизойти на тебя, пусть ты сир, убог, людьми презрен. Дух есть сила невидимая, которая ведет нас по многотрудной жизненной тропе...

Крыжов увлекся, вошел в роль. Он долго сыпал темные слова, то снижая голос до жуткого мистического шепота, то срываясь на крик, от которого вздрагивали слушатели. Калмыкову сперва не понравилось актерство, но он не мог не видеть, как внимательны «братья» и «сестры», как напряженно ловят каждое слово «слуги». Несомненно, Крыжов пользуется влиянием, он умелый проповедник, хотя бы ради этого можно простить некоторые дурные привычки. Надо не ссориться с ним, не бранить, а спокойно убеждать, воспитывать.

— А способен ли дух наш совладать с телом? — вопрошал Крыжов. — Верю, способен! Помните вы, как боль лютую, страх и холод и жар велением духа своего побороть могли — у каждого хоть раз в жизни

такое бывало. Книги мудрые рассказывают, что настоящая вера не только телом слабым, но и горами огромными двигала...

Тут Крыжов быстрым движением, неожиданным для его оплывающей, вялой фигуры, вскочил, повернулся к коляске, в которой сидела Люба.

— Девушка эта, что скоро сестрой нашей будет, больна много лет. Медицина от нее отказалась, тело ее немощно, однако дух силен. Не сразу пришла она к вере истинной, а теперь сильна ее вера и поможет ей совладать с болезнью. Прошу тебя, сестра моя, встань!

Крыжов сделал несколько быстрых, широких шагов. Вот он уже возле коляски, склонился над девушкой, глядит ей прямо в большие бездонные зрачки. Заговорил ласково, вкрадчиво:

— Встань и иди! Как брат прошу тебя, с именем бога собери силы свои, попробуй, не бойся.

Наступила гробовая тишина. Лишь из чьей-то груди с хрипом вырывалось дыхание.

Щеки Любы сделались совсем белыми.

Опираясь о подлокотники кресла, девушка поднялась. Руки ее дрожали. Казалось, ей не хватит сил оторвать тело от сиденья. Молодой сектант, что стоял за коляской, хотел помочь Любе. Крыжов повелительным жестом удержал его.

Люба встала.

Медленно, неуверенно шагнула.

Тишина как бы сгустилась до предела. Стало трудно дышать. Треснул фитиль в лампе, и ничтожный звук заставил всех вздрогнуть.

Люба сделала второй шаг.

Третий.

— Иду! Иду! Слава тебе, господь! — диким голосом вскрикнула Люба.

— А-а! — такой же истерический крик отозвался ей. Пожилая женщина в темном платье упала на пол. Тело ее корчилось, на губах выступила пена. Головой она билась о затоптанный пол.

Несчастной эпилептичке никто не помогал. Все смотрели на Любу, Крыжова.

«Слуга» положил девушке руку на лоб.

— Господь дал тебе счастье, — веско сказал Крыжов. — Помни это и во всем будь покорна господу...

Он сделал паузу. В тишине хрипела и мычала припадочная. Голова ее с глухим стуком ударялась о доски пола.

«Нехорошо! — подумал Калмыков. — Причем здесь больная? Нельзя таких пускать на божественные собрания».

Как бы прочитав его мысли, Крыжов покосился в сторону длиннорукого сектанта. Тот мгновенно понял. Грубо схватил женщину в охапку, выволок за дверь. Тотчас вернулся, брезгливо обтирая руки о штаны.

— Помните, — заговорил после паузы Крыжов, обращаясь ко всем «братьям» и «сестрам», — не чудо увидели вы, а проявление истинной веры. Наша религия не идет против науки, как говорят враги наши, а дополняет ее. Вы видели сами, что дух сильнее плоти и покорил плоть. У безбожника главное — мирские побуждения. Дух его ничтожен и слаб...

— Вера — вот путь к счастью, — все так же веско закончил Крыжов. — Верьте, покоряйтесь пастырям своим и обретете благо. — Важно повернулся к Любе. — А ты, родимая, будь здорова и счастлива, пока вера не иссякнет в тебе.

— Спасибо, благодарю тебя, — дрожащими губами проговорила Люба. Сделала еще шаг и тут силы оставили ее. Медленно, как подрубленное деревцо, начала падать.

Саша вскочил, подхватил девушку. Тонкое тело ее била дрожь. Белобрысый сектант, стоявший все время позади коляски, тоже хотел схватить Любу. Калмыков оттолкнул его локтем.

— Сомлела. Снеси на улицу, там машина, — быстро шепнул Саше Крыжов. — И возвращайся.

Люба показалась совсем легкой, почти невесомой. Она лежала у Саши на руках спокойно, закрыв глаза. Прядка волос девушки щекотала Сашину щеку. Он вдруг услышал, как бьется ее сердце. Стало хорошо и стыдно.

Выбежав с Любой на руках, Саша пересек двор. По ту сторону калитки действительно стоял автомобиль, в нем Калмыков увидел Евстигнеюшку. Саша понял, что Крыжов предусмотрел возможный неблагоприятный для Любы исход «выздоровления» и позаботился, чтобы отправить девушку домой.

В тот момент, когда Калмыков со своей ношей был у автомобиля, Люба открыла глаза. Увидев себя на руках у Саши, вспыхнула.

— Ничего, ничего, — быстро заговорил он, поняв ее состояние. — Приедешь домой, отдохнешь.

— Да, — как-то сразу успокоилась Люба. — Спасибо... тебе.

Ни он, ни она даже не заметили, что обращаются друг к другу «на ты». Для них сейчас это было вполне естественно.

Саша помог девушке усесться поудобнее.

— Деньги есть с шофером расплатиться? — спросил Саша Евстигнеюшку.

— Сродственник это. Племяш.

Стукнула дверца. Прорычал мотор. Красный огонек исчез за поворотом.

Подождав, пока машина скрылась из вида, Калмыков вернулся в дом. Воздух здесь стал густым от духоты, лампа радужным пятном маячила в чадном тумане.

Моление кончалось. Пожилой сектант со щучьим профилем вполголоса читал «реферат», написанный кем-то из «братьев». Читал монотонно, не повышая и не понижая голоса. Остальные внимательно слушали.

Крыжов сидел в углу, чуть в стороне от всех, устало привалившись к спинке стула. Глаза его были закрыты и только вздрагивающие веки показывали, что «слуга» не спит.

Эпилептичка, успевшая справиться с припадком, вернулась в комнату. Сесть почему-то не захотела, хотя ноги еле держали ее. Лицо серое, губы искусаны до крови.

Но вот чтец замолк.

Наступила тишина.

— Идите с миром, братья и сестры, — устало произнес Крыжов. — Помните о том, что сподобилось увидеть сегодня. Всем поведайте...

Тихо, не говоря ни слова, сектанты покидали дом. Они выходили по одному, парами, небольшими группами, чтобы не обращать на себя внимания. За воротами сворачивали в разные стороны, ускоряли шаг, стремясь незаметно нырнуть в темноту окраинных улиц, ближних пустырей.

Четверо молодух как бы случайно очутились позади; когда последний сектант вышел, вернулись обратно. Здесь оставались Крыжов, Саша и те двое, что вкатили коляску Любы.

— Вот они, красоточки наши, вот они, канареечки, — высоким фальцетом проверещал белобрысый.

— Цыть! — оборвал его сотоварищ. Впился острыми глазками в Сашу. Молодой человек был не робкого десятка, однако под этим взглядом поежился. И не только взгляд — вся сухопарая фигура, безбородое лицо, быстрые и точные движения сектанта выдавали в нем человека решительного, жестокого. Он был полной противоположностью пьянице-Крыжову и дурашливого вида белобрысому.

— Кто таков? — обернулся он к Крыжову. — Почему здесь?

Голос его был резок и повелителен.

— Свой, — быстро ответил Крыжов. В тоне его сквозили подчиненность, откровенный страх. — Я ж тебе говорил...

— А, ладно. — Острые глазки оторвались от Сашиного лица, вильнули в сторону. Сектант протянул сухую, костистую руку, похожую на птичью лапу. — Макруша мое фамилие.

Рука его выскользнула из Сашиной прежде, чем молодой человек успел ее как следует пожать.

— А мое — Буцан, — проверещал белобрысый. — Тебя как звать-величать-то?

Саша назвался по чужому паспорту. Никто никогда не должен знать о «пионере» больше, чем нужно.

— Вот и познакомились... А теперь, — Буцан подмигнул в сторону молодух, стоявших у стенки, — красоточки-канареечки ждут.

Крыжов пошлепал губами, будто закусывая. Пояснил Саше:

— Ежели по правилам судить, то... Однако... сами пришли, мы против желания никого не неволим...

— Сами! Сами! — проверещал Буцан.

Макруша покосился в его сторону. Очевидно, верещание, восторженно-дурашливое настроение Буцана и еще что-то было Макруше не по нутру.

— Ты вот что, — сказал Макруша, зло глядя на Буцана. — Ты шутики-прибаутки брось. Не таясь скажу, большая на тебя опаска есть, как бы болтать не начал.

Буцан пренебрежительно усмехнулся. Дурашливость как смыло с лица его, стало оно хитрым и упрямым.

— Умный ты человек, а выходит дурак. Что я — только этот секрет знаю?! О ком болтать буду? О себе самом — себе во вред?

— Чудной ты, — вмешался и Крыжов. — Где видано, чтобы брат на брата свидетельствовал!

Макруша и сам понял, что сказал не то: вся сектантская бражка одной веревочкой стянута, утаить друг о друге ничего не может. Буцана надо прогнать совсем или доверять ему до конца.

— Ты тоже опаски не имей, — закончил Крыжов, обращаясь к Саше. — Я ее, — сделал ударение на «ее», чтобы Саша понял о ком речь, — оставить хотел, да нельзя нынче, сомлела... Ничего, наше от нас не уйдет, мы не таковские! — весело засмеялся.

«О чем он? — не сразу догадался Саша, — Неужели про Любу?»

Додумать до конца не дал Макруша. Нетерпеливо проговорил:

— Начинать, так начинать! Чего зря время теряем. Давай, сестра Катерина.

Крыжов повернулся к Саше, опять пояснил:

— У нас не просто... чтобы без закона-порядка, а по-особому. В соответствии, как у них, сестра Катерина рассказала было...

— С чем в соответствии?

Ответа на вопрос свой Саша не получил.

Грудастая Катерина куда-то вышла. Быстро вернулась со стопкой аккуратно отглаженного белья. Опять вышла, принесла несколько бутылок.

В стопке оказалось не белье, а длинные белые балахоны вроде полотняных ночных рубашек. Их было восемь — по числу присутствующих. Катерина дала балахон каждому и каждой, одновременно поднося стакан. Взял балахон и Саша. Выпил. Питье отдавало сургучом и каким-то неестественным запахом, обожгло гортань. Начала мягко кружиться голова.

Повернувшись лицом к стене, Саша натянул на себя поверх одежды балахон. Странное состояние овладело Калмыковым. Он не понимал, что делает, и покорно делал то же, что и все, ждал чего-то — неясного и странного. Наверно, действовало вино, расслабленность воли после недавних переживаний, странная обстановка: рядом слышалось сопение мужчин, из дальнего угла доносилось хихиканье, возбуждающий шорох женских платьев.

Поправив хорошенько балахон, Калмыков оглянулся. В углу лежали сброшенные мужские одежды. Оказывается, товарищи Саши сперва разделись до белья, а потом облачились в балахоны. Так же поступили молодухи. Снова выпили: по очереди, из одного стакана. Затем Катерина, исполняющая обязанности не то распорядительницы, не то экономки, выдала по свече. Женщины встали в круг, мужчины последовали их примеру.

Рядом с Сашей очутилась полная брюнетка, с которой он переглядывался давеча. Большое лицо ее, мясистые губы, крупный нос, красные щеки показались Калмыкову после двух стаканов вина даже

миловидными. Портили впечатление выщипанные, а затем нарисованные брови. Заметив, что молодой человек на нее смотрит, она улыбнулась — откровенно зазывающе. Будто нечаянно притронулась к Саше, толкнула жирным, горячим бедром. Пахло от нее сладкими дешевыми духами.

Катерина потушила лампу. В большой комнате затрепетали неяркие желтые огни свечей.

Катерина задвигалась первой, переступая на месте, притоптывая босыми пятками о пол:

Свищу, хлыщу,

Христа ищу!

— Гу! Гу! Гу! Гу! — невнятно забормотали женщины, а за ними и мужчины, в такт ее речи и движениям.

«Что это?! Зачем?! — Саша никак не мог объяснить себе, что происходит. — Ведь это!..» Вдруг пришел на ум стадион Янки-Стадиум, толпа, собравшаяся со всего света на «Божественной воли международное собрание». Отмахнулся от непонятно почему возникшего воспоминания. Воля размякла, он был весь во власти темноты, непонятного ожидания.

Свищу, хлыщу,

Христа ищу!

Громче выкрикивала Катерина и вдруг подхватила — понеслась по комнате, подпрыгивая, корчась в безобразном танце.

— Ой, дух! Ой, свят! — взвизгнула другая и тоже начала дергаться, извиваться.

— Свищу, хлыщу, — забормотала соседка Саши и он с ужасом почувствовал, что начинает вторить ее бессмысленным, безобразным движениям.

А Крыжов мчался за Катериной, подпрыгивая, как она, бормоча несуразное. Догнал, схватил, потушил ее и свою свечу. В комнате стало темнее. Они взялись рука за руку и прыгали вдвоем.

— Гу! Гу! Гу! Гу! — монотонно бормотали мужчины. Равномерное бормотание подчеркивало истерические взвизги женщин, взвинчивало нервы.

— Гу! Гу! Гу! Гу!

— Свищу, хлыщу!

«Мы будем во всем подобны братьям, живущим за железной завесой...» — огненной надписью промелькнули в памяти слова Кнорра.

— Ой, дух! Ой, свят!

«Дьявол! Вижу дьявола!» — кричала иеговистка на Янки-Стадиуме.

— Свищу...

Комната плыла, кружилась. Мгновениями сознание уходило, Саша переставал понимать, где он — в настоящем или недавнем прошлом «Международного собрания».

— Ой, дух!..

Буцан вырвал у женщины свечу, потушил. Свою бросил на пол.

Макруша и третья женщина потушили свечи. Теперь со свечами остались Калмыков и высокая, полная. Они стояли друг против друга в колеблющемся световом круге. Сразу за ними начиналась угрюмая темнота, в которой мелькали белые балахоны, извивались, коржились отвратительно и бесстыдно.

— Свищу, хлыщу, — бормотала женщина. Губы ее кривились, в зрачках отражалось пламя. Наконец, рванула к себе Сашину свечу, отшвырнула вместе со своей прочь. Свеча шлепнулась об пол. Наступила такая темнота, что у Калмыкова поплыли перед глазами радужные круги. В полном мраке она обхватила Сашу за шею. На своих губах он почувствовал ее — мокрые и мясистые. Приторно запахло духами.

Не в силах сдержать отвращение, Саша толкнул женщину. Тотчас же, без всяких промедлений и колебаний, в ответ ему влепили две пощечины — по одной в каждую щеку. Удары наносила сильная, уверенная рука — у Калмыкова зазвенело в ушах, мгновенно испарился хмель.

Путаясь в незнакомой одежде, сорвал с себя балахон. По стене добрался до двери, выбежал во двор. Остаться дальше в доме не мог, тошнило от омерзения. Впрочем, Сашиного отсутствия никто не заметил.

Калитка оказалась запертой, но ключ торчал в замке. Саша отомкнул ее, вышел на улицу. Остановился, прислонившись к столбу, — опустошенный, без чувств и мыслей. С наслаждением вдыхал ночной воздух — такой чистый, свежий после чадной духоты. Немного успокоившись, зашагал быстрыми шагами — все равно куда, лишь бы подальше от дома, на который не хотелось даже смотреть. Щеки еще горели от ударов, но зла не было, только — брезгливость.

Время приближалось к полуночи. Изредка попадался навстречу случайный прохожий. Калмыков брел и брел, оставляя позади квартал за кварталом.

Постепенно физическое утомление, ночная прохлада действовали на взбудораженные нервы. Саша как бы очнулся, осмотрелся, чтобы понять, куда забрел в своей невеселой прогулке.

Он был на бульваре. Внизу раскинулся ночной порт, за портом — необозримое пространство, очерченное лишь горизонтом. Почувствовав усталость, Калмыков сел на скамью. Гуляющих не было. Парочки, которые забыли обо всем на свете, мостились в темных уголках. Саша был рад своему одиночеству, сейчас ему никого не хотелось видеть.

В порту прогрохотала лебедка. Голос ее был бодрый, уверенный, неугомонный. Калмыков подумал, что управляет ею, наверно, очень сильный и очень веселый человек... Встретить бы такого, суметь привлечь, сделать своим единомышленником... А ведь Крыжов — единомышленник, его проповеди благоговейно слушают «братья» и «сестры». Крыжов — ценный человек, доверенный сектант, не рядовой — «слуга килки» и член краевого бюро.

Портовые огни медленно проплывали над землей. Подмигивали друг другу, переговаривались. Задиристо прогудел пароход. Но Калмыков ничего не слышал и не видел, старался не думать о происшедшем...

Залитый огнями порт, переключка судов и паровозов, голоса лебедек, бодрая ночная прохлада — все так отличалось от омерзительной обстановки недавно пережитого! Образ Любы невольно появился перед мысленным взором Саши — образ славной, чистой, искренне верующей девушки. Какая

неизмеримая пропасть между нею и участницами развратного представления! Саша подумал, что никогда не в силах будет даже рассказать Любе о происшедшем сегодня и сам постарается поскорее забыть все: уродливо кривляющиеся фигуры в белых балахонах, удушливый полумрак, мокрые губы на своих губах. Он даже вздрогнул от физического отвращения, от чувства телесной нечистоты. Невольно, сам того не замечая, потер губы тыльной стороной руки, как бы стирая поцелуй «сестры по вере».

Нет, все это надо забыть — прочно, навсегда. А Крыжова он заставит прекратить бесовские игрища. Разврат несет гибель, разврат несовместим с учением «свидетелей Иеговы». Калмыков вспомнил экивоки, подходцы Крыжова — «человек слаб», «сладенького каждому хочется», «строгим не будь» — и ожесточился еще больше. Уступить нельзя. Он завтра же круто поговорит со «службой килки» и его дружками, подчинит их своей воле... Только так...

Поднялся со скамьи, отправился «домой».

Двор был пустынен и темен — рабочие люди давным давно улеглись спать. А в подслеповатом окне флигелька, где жили Люська и Саша, сквозь газетину, повешенную вместо занавески, пробивался свет.

Ключом, который дала хозяйка, Калмыков отпер дверь, вошел в коридор. Здесь было темней, чем на улице. Устойчиво пахло пылью и старыми ботинками.

Из комнаты доносился голос Люськи. Она пела. Пела протяжно, старательно, с хулиганскими подвываниями, временами переходя на мрачный речитатив. Под стать манере исполнения была мелодия — разухабистая, дикая, рожденная в блатных «малинах», заплеванных кабаках и подвалах, где ноет и плачет шпана о погубленной судьбине.

Не плачь, подруженька, ты девица гулящая,

Не мучь ты душу, объятую тоской.

Ведь все равно наша жизнь с тобой пропащая

И доля женская, ты проклята судьбой...

Прикрывая за собой входную дверь, Саша чуть стукнул ею. Пение тотчас оборвалось. Звонкий и решительный, совсем не старушечий голос строго спросил: ,

— Кто?

Дверь Люськиной комнаты распахнулась. Хозяйка стояла на пороге. Свет падал на нее сзади, оставляя лицо в тени. Однако во всем облике бывшей подруги «Тачечника» сохранилось такое, что Калмыков подумал: «А ведь она, действительно, отстреливалась от милиционеров».

— А, ты, — не сказала — облегченно выдохнула Люська и сразу обмякла, сгорбилась.

Не произнесла больше ни слова, повернулась, пошла к столу.

Саша увидел, что старуха совершенно пьяна, пошатывается. На столе стояла початая бутылка водки, откупоренная банка консервов, краюха хлеба, стакан, высыпанная горкой на бумагу серая соль.

— Иди, выпей, сядь со мной, выпей, — пробормотала Люська, с трудом добравшись до стула и плюхнувшись на него.

— Спасибо, не хочу, — ответил Саша, удивленный и расстроенный зрелищем одинокой ночной попойки.

Старуха подняла на него бойкие, когда-то без сомнения красивые и выразительные глаза.

— Не хочешь? — хмуро сказала Люська.

Помолчала и взорвалась хмельным гневом:

— Брезгуешь, фрайер?! Стыдишься со старухой пить? А ты знаешь, сука, что тридцать лет назад моргни я, ты бы доски целовал, — костистым пальцем ткнула в пол, — по которым я хожу?!

Такого Саша никак не ожидал, смутился:

— Я не брезгую. Просто не хочу. Не пью я.

Люська не слушала. Пьяное бешенство овладело ею.

— Врешь, фрайер, все вы врете... Жизнь моя, искалеченная! У людей семья, у людей внуки, а я как была «Люська-чума», так и осталась. У людей меня бы Анной Павловной звали... Где моя жизнь, скажи, ты... непьющий?! По тюрьмам растрочена, мимо меня прошла... А я папочкина и мамочкина дочка, папочка на заводе работал, мне гостинцы носил... И мамочка меня в кроватке целовала...

Налила стакан водки, залпом выпила. Обмакнула хлеб в соль, пожевала беззубыми деснами.

Продолжала бормотать, но уже тише. Кляла «Тачечника» и всех бывших друзей своих, вспоминала какого-то «гражданина начальника», который еще в тридцать шестом предлагал ей «завязать» — оставить преступный мир, да она не послушалась, снова к ворам пошла... В речи ее не было никакой связи, воспоминания возникали сами по себе, и вообще старуха находилась в состоянии, близком к белой горячке.

Про Калмыкова она забыла. Обращалась к бутылке, очевидно, постоянной своей собеседнице.

Тихонько, стараясь не шуметь, не скрипнуть половицей, Саша сделал шаг назад, затворил за собой дверь. Люська на это не отозвалась, не заметила исчезновения жильца.

По-прежнему неслышно Саша вошел в свою комнату. Свет зажигать не хотелось. Разделся в темноте, лег на койку. Содержимое старого матраса сбилось волнами, которые давили на ребра. Заснуть сразу не удалось. Лежал, думал. Из комнаты Люськи опять донеслось пение. Люська пела о том, как «девица гулящая» познакомилась с «мальчиком хорошеньким» и что из этого вышло...

Глава девятая

БУКЕТ РОЗ

Подходя к воротам Крыжовского дома, Саша увидел женщину лет тридцати пяти, которая тащила за руку отчаянно брыкающегося мальчугана.

— Не пойду! — басом ревел он. — Лучше из дома сбегу!

Бледная, сжав тонкие губы, женщина волочила его за собой. Ноги мальчика чертили в придорожной пыли длинные параллельные полосы.

— Не хочу дураком быть! Сбегу-у!

Саша не мог равнодушно выносить детские слезы. Спросил:

— Что такое? Чего кричишь?

Женщина, которая тащила мальчика, остановилась. Как после тяжелой работы, утерла пот со лба. Сашу поразили глаза ее — медленные, вылинявшие. Она подозрительно посмотрела на Сашу, потом взор ее смягчился. Калмыков тоже узнал ее — несчастная эпилептичка, у которой начался припадок в сектантском доме в памятный вечер, когда Люба впервые за много дней встала на ноги.

— Я не могу, — голос ее был под стать глазам — бесцветный, отсутствующий. — Не могу я. В школу желает. Заладил одно: «Не хочу дураком быть, хочу учиться».

Мальчик посмотрел на Сашу. Увидел в незнакомом дяде что-то такое, отчего сразу проникся доверием. Не басом, а дискантом, глотая слезы, проговорил:

— Ну зачем они, скажите им! Три класса я кончил на пятерки одни, книгу хорошую подарили, Инна Николаевна перед всеми меня хвалила, а теперь...

Помолчал, обдумывая, можно ли доверить тайну, и решил: можно.

— Я моряком быть хочу, а Инна Николаевна говорит, что математику знать надо, физику тоже... Только мы физику еще не проходили...

Стараясь быть откровенным до конца, признался:

— И математику не проходили... Арифметику пока...

— А почему из школы забрать хотите? — спросил Саша.

Женщина смотрела мимо него, будто разговаривала сама с собой. Калмыков тоже отвел от нее взгляд.

— Брат Прохор приказал ребят из школы брать, там их, говорит, безбожию учат.

— Врет он все, — забасил мальчик. — И читать, и писать, и арифметику...

— Погоди! — оборвал его Саша. Спросил: — Как же так?.. Божественному их учить, конечно, надо, правильно, только и без арифметики не обойдешься...

— Вот, — в голосе женщины мелькнуло теплое чувство: видно, она сама сомневалась в решении взять сына из школы. — Я его к брату Прохору веду, пусть поговорит... Одна с ним, мужа тем летом убило... В грузовике ехали, авария случилась. Мы с Пашкой живые, а его... убило. Как так — я живая, а его убило?!

Калмыкову сделалось не по себе.

— Знаете что — идите домой. С братом Прохором я за вас побеседую... По-другому надо, нельзя парня неучем оставлять.

Не дожидаясь согласия матери, Пашка рванулся и побежал прочь от постылого дома. Женщина побрела вслед, даже не попрощавшись с Сашей, не поблагодарив его, будто и не встретилась здесь ни с кем...

Когда Саша вошел к Крыжову, сектантская троица была в полном сборе. «Пионер» не стал тратить времени на предисловия. Глянул Крыжову в глаза и отчеканил:

— Ты вот что! Хлыстовщину брось, чтобы это—в последний раз.

Крыжов, впрочем, не без оснований, считал себя сердцеведом. Казалось ему, характер Калмыкова, как на ладони. Привлекая Сашу к участию в развратном представлении, Крыжов надеялся «приручить» нового единоверца, сделать его податливее. «Слуга килки» не мог не знать, что такого рода «развлечения» совершенно не согласуются со взглядами на мораль «свидетелей Иеговы»; станет известно сектантскому начальству, Крыжова и дружков его ждет изрядный нагоняй. Сохранить в тайне от Саши «забаву» не удастся. И когда совещались, принять или не принять предложение молодых, избрали самый простой способ — втянуть в компанию Калмыкова, тем заручаясь его молчанием и поддержкой. А поддержка была необходима, потому что каждый понимал: поступают «не по совести». Надеялись, что, в крайнем случае, Калмыков покипитится немного, разыграет из себя святошу — на том и кончится... Так получилось с выпивкой, молча смирился, терпел.

Однако сейчас Крыжов сразу понял, что до конца своего «брата» не разгадал, простым разговором не обойдешься. Посреди комнаты, упорно и строго глядя на «слугу килки», стоял не тихого вида и скромной наружности молодой человек, каким привыкли видеть Калмыкова. Во взгляде его, напрягшейся фигуре, сжатых кулаках чувствовалась сила, воля, даже жестокость.

— В последний раз! — негромко, с ударением на каждом слове повторил Калмыков.

Для Крыжова было достаточно.

Когда-то «советский» мещанин, потом — гитлеровский прислужник, потом — сектант-«пятидесятник», ныне «свидетель Иеговы», Прохор Крыжов в бога верил, искренне мечтал «спастись». Не одного тунеядства ради принял он тревожный пост «слуги килки». Из всех иеговистов Приморска один Макруша не признавал ни бога ни черта, вступил в секту, повинувшись лютой ненависти к советской власти. «Братья» его всегда оставались богобоязненными. Однако религиозность не мешала ни им, ни вообще «духовным пастырям» испокон века!.. «тешить плоть». «Человек слаб», «Не погресишь — не покаешься, не покаешься — не спасешься» — такие и подобные присловья всегда к услугам ханжей-сластолюбцев. Крыжов надеялся, что прибегнет к ним и Саша. Но ошибся. Настаивать на своем «слуга килки» не смел, понимая в глубине души, что виноват.

Буцан, менее сообразительный, а может, менее трусливый, повел себя иначе.

— Чево за хлыстовщина? — возразил он с обычной придурковатой усмешкой. — Ты нас словами не пугай.

Хлысты — изуверская секта, которая прекратила существование давным-давно. Сборища хлыстов заканчивались обычно «радениями», на которых царил самый безудержный разврат. Это и имел в виду Саша, попрекая «братьев».

— Брат Прохор тебе сказал: мы понимаем, что это не по порядку, а ежели все по порядку...

— Нет! — перебил Саша Буцана. — Все будем делать по порядку, как вера велит. Мы не шарлатаны, не обманщики...

— Ты кто таков, нам не ведомо, а мы как хотим, так живем, и никто нам не указ. Мы девок не неволили, они сами к нам пришли.

— Хочешь сам по себе жить, — голос Калмыкова был внешне спокоен, но даже толстокожий Буцан понял, что таится за этим спокойствием, — проваливай на все четыре стороны. У нас тебе делать нечего.

Буцан запнулся. В этот момент Саша получил поддержку от того, от кого меньше всего ожидал.

Макруша резко поднялся с кресла, на котором до сих пор сидел молча, небрежно наблюдая за «баталией». Роль свидетеля ему, видно, прискучила.

— Вот что, други любезные! Хватит воду в ступе толочь. Он, — кивком указал на Сашу, — прав. Я тебе, брат Прохор, сразу сказал: нельзя! Не для пьянок-гулянок собрались мы, для другого... Мы беседы говорим, рефераты читаем, а Катька с Ленкой лишнее болтнут и выходишь ты не пастырь духовный — козел похотливый... Врагам на радость.

Каждое слово Макруши произносилось непререкаемым тоном. Калмыков еще больше укрепился в догадке, что подлинный глава «килки» в Приморске Макруша. Есть у него, очевидно, веские причины оставаться в тени, выдвигать на первый план Крыжова, заправляя всем исподтишка.

Вмешательство Макруши окончательно решило спор.

— Ишь... праведники, — угрюмо пробормотал Буцан, отвернувшись.

— Желают эти... женщины к нам ходить, к вере истинной приобщаться, мы никого не гоним. Нет — обойдемся без них, — сказал Калмыков.

Крыжов не ответил. Саша понял, что противодействовать он не будет.

«Вот и хорошо, — подумал Калмыков, смягчаясь. — Я даже слишком строго обошелся с ним вначале. Душа правильная у него, он просто заблуждается... И у кого он мог бы брать пример достойного поведения?.. Вокруг...» — Оборвал сам себя, не желая признаться, что ни Буцан, ни Макруша, ни кто другой из «братьев» и «сестер» не могут служить образцом верующего.

— Теперь еще одно дело, — как можно деликатнее заговорил Саша, после долгой недоброй паузы, которой завершилась стычка. — Шел я сюда и...

Рассказал о встрече с маленьким Пашкой и его матерью.

Как только что не ждал Калмыков от Макруши поддержки, так сейчас неожиданными явились для него и Макрушины слова:

— Завел это, значит, я! И ты, друг любезный, не встревай...

— Что ты! — по простоте душевной начал объяснять Саша. — Ведь ни арифметике, ни чему другому учить ребят мы не сможем, а только теократических знаний человеку недостаточно...

— Тебе-то что за дело? — грубо перебил Макруша.

— Как — что за дело?

— Да так! Чего тебе беспокоиться, что этим... байстрюкам советским... «знаний недостаточно», — передразнил с издевкой.

— Причем тут советские — не советские! Дети они, вся жизнь впереди, ломать нельзя, как-то по-другому придумать надо.

Макруша задышал тяжело, с присвистом. Глаза его — два шила — уткнулись Калмыкову в переносицу. Буцан и Крыжов невольно подались назад от стола, за которым все четверо сидели.

— Ломать нельзя, значит? — не торопясь проговорил Макруша. Фонтан ядовитой злости бурлил в нем, вот-вот готовый взметнуться. — Беречь надо!.. А мою жизнь они, — сделав ударение на последнем слове, махнул рукой — жест был емкий, охватывающий весь город, всю округу, все государство, всех людей, — берегли? Мою жизнь не сломали?! Отвечай!

— Причем тут твоя жизнь? Что ей дети сделали? — На воспитанника «колледжа свободы», не привыкшего пугаться, злоба Макруши особенного впечатления не произвела. — Не о тебе речь, а о детях.

— Плевать мне на детей! — взорвался Макруша. Он забыл о сдержанности, выплескивал всю дрянь, что скопилась на душе. — Завтра всех атомной бомбой побьет — не пожалею. У моего отца скобяной магазин был, дом — полная чаша. Умер отец, я магазин взял, дело расширил, живи, радуйся... Так нет! Налогами задушили, все отняли! Жизнь беречь! Меня жизнь понесла, закрутила. Официантом в пивнушке был, утиль-сырье в палатке принимал, завхозом служил...

— Хлебные дела, — с придурковатой усмешечкой вставил Буцан.

— Для меня хлебные, не для них. — Синие губы Макруши ядовито искривились. — Я свое не забывал, отнятый магазин с лихвой возместил. — Вроде утихнув, разъярился опять. — Думаешь один я такой?! — Острые глаза впились в Сашу. — Его, — кивнул в сторону Буцана, — всю фамилию раскулачили, родился в ссылке...

— Ан врешь! — с обидой перебил Буцан. — Папаша мой вернулся, в колхозе работает, братаны вернулись, Мишка — член правления даже. Только не по пути мне с ними... Работа дураков любит, а я не дурак...

— Он, — Макруша не обратил внимания на слова Буцана, говорил о Крыжове. — Он в тюрьме два раза сидел... А ты сам, — острые глазки постарались проникнуть в мысли Саши, — думаешь не понимаем, кто таков? Тебя советской власти помогать прислали? О вырождаках ихних заботиться?

«Крыжов ему все рассказал и он догадался, — подумал Саша. — Что ж, может, так лучше».

— Видишь ли, — неторопливо начал молодой человек. — Задачи у нас религиозные, и...

— Пошел ты... — перебил Макруша. — Правильная поговорка: дураков не сеют, они сами рождаются. Поэтому, мы с советской властью дружить должны?

— Не дружить, конечно...

— Да?! — Макруша хотел засмеяться, но с непривычки раскашлялся. — А инструктивное письмо центра нашего, что сам же привез, читал? Читал, спрашиваю?

— Ну, читал, — сердито ответил Калмыков. Бранный тон Макруши начал его раздражать.

— Значит, не понял ничего, если читал, — пренебрежительно бросил Макруша. — Советы — враг наш, вот! И мы им враги... Час близок — сказано. Армагеддон грянет! Война — огненная война. Вот о чем помнить надо... Больше неграмотных — для Советов работников меньше. В армию наши не пойдут — солдат они не досчитаются. В кино ходить перестанут — про советскую жизнь меньше знать будут, тому, что мы рассказываем, больше поверят... Понял, друг любезный?! И нечего из себя детского защитника строить! Знай да помни!

Калмыков не ответил.

— Ты того! — поучающе заговорил Крыжов, пользуясь молчанием Саши. — Ты брату Мирону внимай, у него ума палата... С Советами мириться нельзя, больно много против них на душе накопилось. Правильно брат говорит, в письме, что ты привез, как?.. «Если мы пойдем на копро... компро... тьфу, черт, еле выговоришь! — на компромисс с целью признания и оставления подпольной работы, мы погибли».

— Ну, помнишь? — добавил Макруша. — Инструкция из центра — подлинная.

Саша опять промолчал. Не находил возражений и оттого сердился сильнее.

— Инструкция все предусмотреть не может, — наконец сказал Калмыков, понимая, что говорит не то, что надо... А что надо?..

— Тебе и толкуют, — ответил за Макрушу Крыжов, в то время, когда тот с уничтожающей усмешкой глядел на «пионера». — Своей головой думай.

Раздражение, гнев искали и не находили выхода в душе Калмыкова. Надо быть справедливым, брат Мирон прав, ближе к истине, высказывает свои мысли более откровенно. Чего ради беспокоиться о детях еретиков?! Глупо! И смешно — подумаешь, гуманист!.. То-есть, он, конечно, гуманист, как все верующие, но в данном случае гуманизм не нужен. Самая большая забота о детях — учить их истинной вере... Прав брат Прохор — в инструкции сказано точно. Саша обязан подчиняться ей, поступать, как она велит. Спорить с братом Макрушей нечего...

А образ маленького Пашки не выходил из памяти...

Почувствовал усталость. Продолжать беседу не хотелось. И не было настроения оставаться дальше в Крыжовском доме. Низкий потолок нависал, не хватало воздуха для дыхания.

— Я пойду, — с запинкой сказал Саша.

— Пойди, пойди, подумай, — ядовито посоветовал Макруша.

Калмыков ненавидел его в эту минуту, а еще больше, пожалуй, себя. Ненавидел за пришедшую растерянность, за сумятицу в мыслях, за то, что не сумел возразить в споре. Ни «старшие» или «теократические» книги никогда не ставили перед ним простого вопроса: а кто же те «еретики», на которых должен обрушиться армагеддон? Кому несет смерть призываемая иеговистами война?.. Статья журнала «Башня стражи» говорит: «Русский народ находится под страхом... Как наивысший пункт этого переходного времени наступит битва армагеддон. Это будет величайшим внушающим страх событием всех времен, прошедшего или будущего». «...Для всех... И для маленького Пашки тоже... Чем же виноват он?..» «Я моряком быть хочу», — сказал Пашка...

Незаметно для себя Калмыков забрел в парк. Сел на скамье у обрыва, под которым плескались волны. Раньше ему почти не приходилось видеть море. Ныне, живя в приморском городе, Калмыков обнаружил, что может часами глядеть в морскую даль — всегда одинаковую и всегда изменчивую. Море стало для него советчиком, другом, которому он поверял свои мысли... А кому мог поверить еще?.. Почему-то вспомнил, что Люба даже не знает его настоящего имени, для нее он — «Геннадий»... И прошлого Саши не знает, мыслей, чувств... Один, по-прежнему всегда один... «Там», в чужих городах, это было понятно. А здесь? Где город твой, искатель истины?! Кто ждет тебя, в чьем сердце приют твой?!

Гортанно покрикивали чайки. Взлетая над водой к небу, из белых становились розовыми. Ребятишки, которым не хватило летнего дня. чтобы накупаться всласть, визжали и барахтались у берега. Саша наблюдал за их веселой возней, за бегом волн на горизонте, за рыбачьим сейнером, который огибал мол, за чайкой. Он как бы впитывал в себя огромный мир — лазоревый и золотой... Мир, который должен быть чужд и враждебен ему, — так требовала вера. Она закрывала золото солнца, лазурь моря, теплоту ласки, извечный трепет любви. Она понимала мир, как преддверие холода могилы....

Но об этом Калмыков еще не думал.

Посидев у моря, почувствовал себя бодрее. Горькие мысли уже не так бередили душу, заставил себя забыть о них... хотя бы на время.

Возвращаясь «домой», вспомнил, что Люська наказала купить соли.

Народу в магазине было много, пришлось минут десять постоять в очереди. Когда наступил Сашин черед подойти к прилавку, в магазин вбежал, почти ворвался молодой человек.

— Товарищ продавец, — с трудом переводя дух, проговорил он. — Корицы нет ли? Вот морока — от роду ее не ел, а теперь ищущу-ищу, в третий магазин...

— У нас имеется. Только ее не едят, а для вкуса кладут.

— Все одно. Дай пятьдесят граммов.

— В очередь становитесь.

Торопливый покупатель сокрушенно оглядел очередь. Сдвинув кепку на лоб, почесал затылок.

— Давайте, я вам возьму, — предложил Саша, которого тронул его расстроенный вид.

Молодой человек просиял:

— Я сам попросить хотел, да посоветился. Возьми, пожалуйста! Выручи. Тороплюсь так, что и сказать нельзя.

— Пожалуйста! Мне нетрудно.

Из магазина вышли вместе.

— Уважил ты меня, — говорил молодой человек. Глаза его блестели, весь он был как-то «не в себе». — Другом ты моим стал. Это большое дело — выручить. Так дружба и начинается...

Саша не понимал его восторженности, пригляделся к нему пристальнее. Заговорил инстинкт преследуемого: не враг ли? Среднего роста, плотный, широко расставленные глаза внимательны, дружелюбны. Не похоже, чтобы у него были какие-то тайные цели. Пожалуй — просто общительная натура, любит поболтать.

— Вот, я тебе скажу, в нужный момент всегда хорошего человека найдешь, — продолжал новый Сашин знакомый. Одет он был в простенький, даже очень простенький костюм. Скромная суконная пара казалась торжественным нарядом — так безукоризненно заострились складки брюк, так отлично вычищен и проутюжен пиджак. И еще на одну особенность обратил внимание Саша — на руки. Хорошей формы, большие, надежные. Таких рук не было ни у кого из встреченных Сашей за всю жизнь, начиная от «брата» Сокольского и кончая Буцаном.

— А почему корица понадобилась? — продолжал молодой человек. — Торт там какой-то или другое что состряпали, я и разобраться не успел, что именно, глядь туда-сюда, нема корицы. Ну, тут, конечно, ко мне: иди и без корицы не возвращайся. Я, было, доказываю — к чему, сойдет и так, а мне — нет, не сойдет. Она сама сказала: «Достань, Петро, прошу». А?

Остановился, как бы вспомнив что-то, поглядел восторженными глазами.

— Постой, что это я болтаю? Ты не думай, я не пьяный, нет. Водки в жизни в рот не брал, вино — иногда, по праздникам. Я, брат, — сделал паузу и выдохнул, — женюсь!

— Вот оно что! — засмеялся Саша. — Поздравляю.

— А ты женат-то?

— Нет.

Сказал, а сердце защемило невеселое чувство. Никогда он, Саша, не будет полон такой вот земной, человеческой радости — неумейной, плещущей через край.

— Тогда, друг, ничего ты не понимаешь. Женись поскорее. Мы с Ксаной с детства дружим, в соседних дворах жили, ее отец и мой в одном полку на войне погибли... С детства, понял? «Жених и невеста — кислое тесто» — пацаны нас дразнили. Выходит, по ихнему вышло, а?! Звать-то тебя как? — спросил вдруг, без всякого перехода.

— Геннадий.

— А меня Петро. Знакомы будем.

Пожали друг другу руки. Ладонь у Петра была шершавая, грубая, пожатие — откровенное.

— Слушай, Гена, — так же восторженно проговорил Петро. — Пошли на свадьбу ко мне. Ну, пойдем, а? Больно человек ты хороший, выручил меня!

Петро находился в таком состоянии, когда всем и каждому хочется удружить, сделать приятное. Предложение его отвечало планам Калмыкова — завязывать знакомства среди населения.

— Удобно ли? Ты меня не знаешь, и никто там не знает...

— А торт с корицей знают?! Приведу тебя и скажу: вот из-за него вы торт полноценный едите... Это шучу я, а вообще — удобно. Свои все — ребята, девчата, Иван Парфентьевич — батин друг, ну, конечно, ее мама и моя... Пойдем, прошу!

— Если удобно, я с удовольствием.

По дороге Петро говорил без умолку: работает слесарем на автосборочном, разряд небольшой, в общем-то трудновато, но ничего, прошлым годом в заочный техникум поступил, нынче на второй курс... Круглый отличник, во!.. С Ксаной в одной бригаде, после семилетки вместе на завод, только Ксана в техникуме учиться не захотела, вечернюю школу кончить собирается, потом — в институт... Поженились бы раньше, да жилплощади не было, недавно завод комнату дал... Ксана выбелила, я где надо подшпаклевал, подкрасил, ничего, хорошая получилась комнатка... По моим заслугам и такой много — разве ж я не понимаю: без году неделя на заводе, ничем особенным себя не показал пока... По-человечески подошли, душевно... Сам я не просил, Ксана не просила, ребята из бригады вопрос подняли...

«Какое дело рабочим до другого рабочего? — подумал Калмыков. — Неужели они действительно живут, как товарищи?».

Чтобы не остаться в долгу, рассказал о себе: «легенду», заранее заготовленную и вызубренную историю, которой надо придерживаться при любых обстоятельствах.

Петро слушал внимательно, понимающе кивал. Радость не сделала его эгоистичным, счастье не оградило от остального мира, «простой» рабочий обладал чутким и отзывчивым сердцем.

Проходили мимо цветочного киоска. Неловко являться на свадьбу без подарка. Саша купил большой букет роз. По краям букета расположились цветы, чуть отливающие искрящимся лимонным оттенком; за ними — почти кремовые, как девичьи щеки, тронутые первым весенним загаром; а в центре букета — белые, того белого цвета подвенечных роз, который не повторяется больше нигде. Продавщица обильно обрызгала цветы, и на лепестках, на овальных маленьких листьях радужно переливались большие плотные капли.

Впервые в жизни Саша покупал цветы. Вдыхая торжественный, может, чуть слишком патетичный аромат их, почему-то подумал о Любе. Как хорошо, если бы она была с ним, — шли вместе к друзьям на праздник. О том, что есть у него потайная скрытая цель — завести знакомство, не хотелось думать.

— Сейчас, за углом дом наш, — не переставал говорить Петро. — Вот им корица ихняя, порядок полный, боевое задание выполнено.

Поднялись на третий этаж. Дверь отворилась сразу, как только Петро постучал.

Комната, действительно, была маленькая и казалась еще меньше из-за многолюдья — собралось человек пятнадцать-семнадцать. Но выглядела комнатка весело, молодо, душевно: наверно, от ярко-белых стен, огромного чисто вымытого окна, от гула звонких голосов и взрывов смеха. Все гости были сверстниками Саши и Петра. Исключение составляли две пожилые женщины и рослый мужчина в темном пиджаке с тремя рядами орденских планок.

Петро подвел гостя к невесте. Круглолицая, с зазорно вздернутым носиком, пушистыми глазами, она пожала Саше руку прямо, откровенно, как Петро. Ни капли не удивилась, что пригласил жених на свадьбу совершенно незнакомого. Очевидно, такого рода поступки в характере и Ксаны. Рука у нее тоже шершавая, но маленькая, чуть ли не раза в два меньше, чем у Петра.

Потом гостя представили матерям жениха и невесты, пожилому мужчине — Ивану Парфентьевичу.

— С остальными сам познакомишься, — сказал Петро, — все равно всех не упомнишь... Лена!

Девушка в пестром платье оглянулась.

— Вот, Лена, приятель мой новый. Сегодня весь вечер вместе будете и за стол вместе сядете. Ладно?

— Хорошо! — зазорно засмеялась, тряхнув волосами. — Танцевать умеете?

— Нет, — улыбнулся Саша. Сразу взятый ею дружеский, без тени кокетства тон подкупал. Было с Леной легко и просто.

— Она выучит, танцорка заядлая, — сказал Петро отходя.

Болтая о том, о сем с Леной, отвечая на ее смешливые реплики и сам рассказывая забавное, Саша повнимательнее приглядывался к окружающему и сердце его все больше заполняло обаяние маленькой белой комнаты.

А свадьба шла своим обычаем. К дому подъехала вереница специально вызванных такси. Невеста в белом платье, с фатой, дружки и подружки ее сели в первую машину, жених — во вторую, гости разместились по остальным. Свадебный поезд двинулся в фотографию. Сашу и Лену втиснули в «победу» с еще двумя девушками. Всю дорогу спутницы Саши говорили не умолкая — спорили насчет преимуществ капроновых чулок перед нейлоновыми (соглашения, какие лучше, не достигли); обсудили трудность экзаменов по сопротивлению материалов — двоим из них предстояло держать; договорились о заметке в стенгазету насчет инструментальщика, которого никогда нет на месте...

Ехали долго.

Перед объективом жених и невеста сделались серьезными, задумчивыми. Петро не выдержал, засмеялся и оттого снимок наверно, получился очень хороший...

Когда вернулись обратно, центр комнаты занимали составленные «покоем» столы. Они были разные — один выше, другой ниже, и это почему-то тронуло Сашу. Угощение — такое же скромное, как мебель и сервировка. Аппетитные помидоры возле горок соли. Баклажаны — «синие» их зовут на юге, но вовсе не синие, а цвета перекаленной стали. Маринованный перец. Розовое сало. Мясо с картошкой, обильно политое коричневым соусом. Соленая, жареная, вяленая скумбрия. Золотистые, хрустящие на зубах бычки и глосики.

Как было условлено, Саша сел рядом с Леной. Она расстелила рушник на колени ему и себе, поправила, чтобы лежал ловчее. Простой поступок девушки побудил Сашу с благодарностью глянуть на нее. Ведь о Саше никто никогда не заботился...

...И многое за этот вечер он видел, чувствовал, понимал впервые в жизни...

Подняли тост за молодых.

Выпил и Саша. Вино—освежающее, совсем не хмельное. Оно было разлито по бутылкам без этикеток — простое вино колхозных степных виноградников. Петро и Ксана чокались со всеми. Протянул и Саша свою стопку к стопке невесты. Взгляд ее был веселый и задумчивый в одно и то же время, будто знала она известное ей одной. А Петро зазорно подмигнул Саше, но и в его глазах уловил Саша вместе с радостью хорошее раздумье.

— Горько! — крикнул кто-то.

Она неловко подставила щеку. Он так же неловко поцеловал ее, попав в висок. На виске Ксаны остался влажный след губ Петра.

Наступила минутная пауза.

— Хлопцы, девчата, и вы, мамо, и вы, Оксана Григорьевна, и вы, Иван Парфентьевич! Спасибо, что пришли на праздник наш, желаю счастья в жизни и труде вашем, а еще дозвоьте мне поднять тост за родную Советскую власть, за мир во всем мире, чтобы всем людям честно жилось и горя не зналось...

— Правильно, Петро, — голос у Ивана Парфентьевича оказался глубокий и звучный, как у певца. — Верное слово!

Одобрительные восклицания слышались со всех сторон.

Подняли рюмки, стопки, стаканы — у кого что. Выпили в торжественном молчании.

Рука Калмыкова дрогнула. Он воровато оглянулся — не заметил ли кто его мгновенной растерянности, заторопился выпить. Вот и приходится преступать закон, запрещающий вино! Почему же он осуждает Крыжова?! И еще «пионер» подумал о том, что пьет за Советскую власть, и мысль показалась дикой... Но более чудовищным было считать себя врагом открытых, веселых людей, которые с дорогой душой позвали его на праздник. А он был врагом — нечего скрывать, обманывать самого себя. Ведь все здесь, конечно, настоящие безбожники, может, даже коммунисты — партийные. Они отвергают Сашину веру и всякую духовную жизнь вообще. Они хотят, чтобы безбожие разошлось по миру...

Светлое настроение, которое держалось сегодня весь вечер, ушло. Оно больше не возвратится. Вспомнились Крыжов, Макруша, Грандаевский — господи, какая тоска!.. Но ведь они — свои, единомышленники!..

— Что с тобой? — изумилась Лена, увидев выражение его лица.

И это тоже было впервые: впервые разговаривали с ним участливым, сестринским тоном, впервые интересовался кто-то его состоянием.

— Ничего,— благодарно ответил Саша. — Голова немного болит.

— Подойди к окну.

Букет роз, принесенный Сашей, поставили на подоконник. Цветы ничуть не завяли, а будто сделались еще пышнее, еще наряднее. Аромат их смешивался с приятной ночной свежестью.

Задумавшись, Калмыков стоял у окна. Над городом еще была ночь. Но где-то далеко-далеко, в той стороне, где море, небосвод сделался прозрачнее, появились на нем два тоненьких, нежных облачка.

Это начинался рассвет.

Глава десятая

ПРИГРАНИЧНАЯ СХВАТКА

Темной туманной ночью группа нарушителей пыталась перейти советскую границу, высадившись на пустынном морском берегу. Но берег только казался пустынным. Пограничники дали возможность преступникам выбраться из резиновой шлюпки на сушу, выгрузить снаряжение, затем окликнули их, потребовали сдаться. В ответ загрели выстрелы. Началась схватка. Пограничников было только двое. Враги видели это по вспышкам выстрелов из автоматов и пытались броситься в атаку, надеясь прорваться к недалекому лесу, который подступал почти вплотную к прибрежным песчаным дюнам.

Обстановка сложилась так, что сержант Васильчук решил пойти на помощь товарищам, оставив свой участок без надзора. Вместе с напарником рядовым Сайфуддиновым, сержант кинулся туда, где стрекотали автоматы. Подмога с заставы явилась быстро. Васильчук и Сайфуддинов вернулись к себе минут через пятнадцать...

Пятнадцати минут хватило, чтобы разведчик, ради которого была затеяна вся кутерьма, благополучно пересек береговую черту, не оставив на гальке никаких следов, и углубился в лес.

Скоро ему опять повезло: наткнулся на узкоколейную железную дорогу, минуту-две спустя услышал недалекое пыхтение паровичка. Показалась «кукушка» — рабочий поезд. Она ехала медленно, солидно. Недолго думая, он ухватился за поручни одного из вагонов, поднялся на площадку. Часа через два был на железнодорожной станции, где кончалась узкоколейка и ходили обычные поезда, а к исходу ночи мчался на курьерском в глубь страны.

Менее удачливые сообщники шпиона, опустошив все автоматные диски и не причинив пограничникам никакого вреда, сдались — путь к отступлению им был отрезан. На допросе они сообщили, что вначале группу составляли пятеро. В последний момент один струсил, отказался высаживаться.

Они не лгали, так оно и было. Но они не знали, что случилось минуту спустя, после того, как их резиновая шлюпка отошла от катера, который привез нарушителей границы.

Четверо были приманкой, жертвами, которых заранее обрекли на провал. Их хозяева понимали, что высадка группы никак не пройдет мимо внимания пограничников. И когда четверо отплыли на шлюпке, пятый, одев акваланг, неслышно направился к берегу. Добравшись до цели, долго ждал, пока не послышалась стрельба. Тогда, рассчитывая, что наблюдение за этим участком ослаблено, выскочил из воды на сушу. Благодаря столь сложному маневру, переход границы удался.

Человек, совершивший этот переход, был профессиональным шпионом. Родился в Южной Америке, в семье русских эмигрантов. Отец его когда-то служил секретным агентом жандармского корпуса последнего «императора всея Руси», мать происходила из рода потомственных ростовских спекулянтов. От отца он унаследовал склонность к интригам и отвращение к честному труду, от матери — восточную внешность: смуглый цвет лица, черные глаза чуть навывкате, часто приобретающие сентиментальное выражение, прямые черные волосы, щеки, всегда сизые, сколько ни скобли их бритвой.

Внешность подсказала маску, которую он надел, отправляясь в советскую страну: служащий из города Орджоникидзе Темирсолтан Дзакоев — щегольские тонкие усики, манера отлично одеваться, легкие гортанные интонации в голосе. Были у него «паспорт», «справка с места работы» и другие «документы» — все в одинаковой мере фальшивые.

В Советский Союз Дзакоев пробрался с точным и определенным заданием: найти доступ на завод, собрать о нем как можно больше сведений.

Переходом границы Дзакоев был доволен, за исключением одного обстоятельства, для него очень важного. Торопясь уйти подальше от берега, он сбился в темноте с тропинки, упал в неглубокий, скрытый кустарником овраг. Ловкий, как кошка, Дзакоев не пострадал от падения, даже не поцарапался. Обеспокоило и встревожило его другое: сунув руку в карман, с ужасом убедился, что потерял пистолет. Несколько минут с лихорадочной поспешностью — ведь за ним могли гнаться! — шарил вокруг. Наткнулся на сухие ветки и прелые листья, рискнул посветить фонариком, но тщетно — оружие так и не нашлось. А мешкать недопустимо. Дзакоев не знал, что произошло на морском берегу после того, как он скрылся. Каждую секунду его могли настигнуть. Волей-неволей пришлось прекратить поиски и удирать.

Дзакоев остался без оружия. Для него это было трагедией: появилась непредвиденная опасность, которая лишала душевного равновесия, напоминала о себе каждую минуту, каждый час, каждый день. С пистолетом в руках он рассчитывал постоять за себя, надеялся на благополучный исход даже в самом серьезном и опасном положении, без оружия испытывал растерянность и даже страх.

А для страха вскоре появились веские основания...

Первую остановку он сделал далеко от города, в котором предстояло выполнить задание. Здесь собирался передохнуть, привести себя в порядок, собраться с мыслями.

Хотя документы Дзакоева изготавливали по особому заказу лучшие мастера, идти в гостиницу, где потребуют паспорт, он не рискнул. Побрел на окраину, толкнулся в дверь приятного четырехоконного домишки. «Постояльца примете?» — спросил вышедшего на стук старика. Ответив: «Сейчас, милоч, погоди маленько», старик ушел — наверно, посоветоваться.

У старика, которого звали Федором Васильевичем, Дзакоев прожил три дня. На четвертый хозяин попросил: «Ты, милоч, паспорт в прописку сдай. Нельзя иначе — закон». «Конечно, у меня сегодня решается, останусь или уеду. Если останусь, завтра прописывай...»

Утром Дзакоев сидел в купе скорого поезда. Он направлялся в один из промышленных городов. Здесь, на Колхозной улице, в доме номер 135, помещается портняжная, в которой работает некий Горбенко. Дзакоев должен подойти к нему и сказать: «Я хотел бы сшить куртку из вельвета». Горбенко спросит: «Из коричневого или синего?». Ответ: «Из синего». Заключительная фраза пароля: «Простите, я сейчас узнаю, есть ли у нас синий вельвет».

Для первого раза Дзакоев заходить внутрь не стал, а только прошел мимо мастерской, оглядев ее незаметно и зорко. Сквозь широкое окно увидел несколько манекенов, одетых с присущим манекенам щегольством; прилавок, на котором лежали рулоны пестрых тканей; миловидную блондинку — прижав плечиком к уху телефонную трубку, она что то записывала на клочке бумаги.

Осторожность никогда не мешает, — это незыблемое правило не раз избавляло Дзакоева от бед. Он направился к ближайшему телефону-автомату.

Номер телефона «пошивочного ателье» узнал в справочной. Когда Дзакоев позвонил в портняжную, слышались частые гудки — занято. Обождав, набрал нужный номер снова.

— Пошивочное, — прошепелявил в трубке бойкий девичий голосок.

— Попросите Горбенко.

— А Горбенко у нас не ра... — что называется «с налета» выпалила девица и вдруг голосок ее оборвался, как бы налетев на невидимое препятствие. Секунду спустя, заговорила совсем другим тоном. — Обождите, я позову его... Кто спрашивает?

— Заказчик, — ответил Дзакоев. — Не беспокойтесь, я лучше зайду сам, — и повесил трубку.

Ясно! Горбенко арестован. Дура-девка проболталась, хотя ее, конечно, строго-настрого предупредили, чтобы не отвечала на вопросы о Горбенко, старалась узнать, кто им интересуется... Оплотность девицы спасла Дзакоева... Если бы явился в «пошивочную», там бы сразу задержали... Но звонком он подал контрразведке вести о себе... Надо немедленно скрыться...

А куда?..

Об этом он подумает после. Сейчас главное — не дать возможности нащупать свой след. Конечно, девица уже сообщила о телефонном звонке, могло быть и так, что сотрудник госбезопасности дежурит в ателье, — слышал разговор о Горбенко. Дзакоев знал, с кем имеет дело, не сомневался, что меры по его розыску будут приняты быстрые, энергичные и решительные. Надо немедленно оставить город, пока не начали вести наблюдение за вокзалами.

В пути Дзакоев подвел итог происшедшему и наметил план дальнейших действий. Других явок у него нет. От города, в который его послали, следует держаться подальше. Опыт шпиона подсказывал, что сейчас слишком «горячо», следует до поры до времени затаиться. Может, даже подумать о возвращении за кордон... Лучшее всего для этой цели годится один из морских южных портов...

Так Дзакоев попал в Приморск.

И тут ему подвернулась очень удачная встреча. Сойдя с поезда. Дзакоев неторопливо шагнул по улице, раздумывая, как быть дальше. Внешне выглядел спокойным, беспечным — хорошо одетый, даже фатоватый, средних лет, любитель женского пола, лишней рюмки коньяку в приятной компании... Но травленный волк не дремал, всегда был готов к сопротивлению или бегству, сторожко озирался.

Характерная внешность, походка вперевалочку мужчины, что шел впереди, привлекла внимание Дзакоева. Он уже видел когда-то и где-то такую квадратную голову, широкое в бедрах туловище, короткие руки. Дзакоев чуть прибавил шагу, посмотрел сбоку. И сразу узнал: Крыжов, был помощником бургомистра в захваченном гитлеровцами городке, куда Дзакоев попал со своей военной частью. Тогда палач-доброволец и верный слуга «нового режима» не раз встречались по общим служебным делам, даже выпивали вместе — на банкете в честь дня рождения «фюрера»... Конечно, Крыжов этого не забыл...

Не колеблясь, Дзакоев нагнал сзади Крыжова, взял под руку:

— Здравствуйте, господин Крыжов.

Резким движением Крыжов вырвал руку. С разбега остановился, в упор посмотрел на человека, обратившегося с неожиданным приветствием. Тусклые глаза-копейки блеснули страхом, потом, на

мгновение, страх сменила злоба. Крыжов тотчас упрятал ее далеко-далеко — копеечные глаза опять сделались тусклыми.

— Нонче, уважаемый, господ нету.

Показав этой репликой, что он слышал сказанное Дзакоевым, Крыжов повернулся и неторопливой перевалочкой зашагал дальше.

«Нет, так быстро ты от меня не отделаешься», — мысленно воскликнул Дзакоев.

— Как называть прикажешь? Не «товарищем» же?.. Хотя были товарищами.

— Что было, то сплыло, — пробубнил Крыжов, не останавливаясь. — Занимались бы своими делами, уважаемый.

«Дипломатия» шпиону надоела. Он привык говорить и действовать по-другому.

Дзакоев снова схватил Крыжова за локоть и прошипел бешеным голосом:

— Брось дурака строить! Не узнал, что ли? Помнишь в... ске?!

— Я много чего помню. Ежели все...

— Перестань! Я тебе зла не желаю. Пойдем поговорим.

— А чего говорить? Мне с вами говорить нечего...

Крыжов бормотал свое, но по тону Дзакоев чувствовал, что поладить со старым знакомым удастся. Раскрываться до конца нельзя — ни перед кем нельзя раскрываться! — но кое-что дать ему понять нужно. Крыжов не опасен. Если бы он изменился за эти годы, то вел бы себя по-другому. Дзакоева он узнал, как ни хитрит, как ни петляет...

Крыжов не знал и не мог знать, что представляет собой сейчас бывший доброволец гитлеровского карательного батальона. Но кровавое прошлое тянуло след свой в сегодняшний день. Как Дзакоев в Крыжове, так и Крыжов в Дзакоеве, разгадал «своего». Нутром почуял антисоветчик-сектант подобного себе ненавистника советской власти. «Гнать его нужды нет, — мысленно рассуждал Крыжов. — Погляжу, с Макрушей обмозгуем, может, к делу какому и определим...»

— Старое быльем поросло, воротить нечего, — вслух продолжал Крыжов. — Ежели вспоминать хочешь, то дороги у нас разные — тебе направо, мне налево или наоборот.

— Вот теперь дело! — Дзакоев так же быстро успокоился, как вспылil. — Лишняя болтовня без пользы.

Увидел через улицу ресторанчик.

— Присядем?

— Можно. С хорошим человеком я всегда...

Полчаса спустя каждый из встретившихся старых знакомых знал о другом ровно столько, сколько тот счел нужным сообщить. Для Дзакоева Крыжов «решил в вере укрепиться, о боге думать, а суетная жисть — тьфу! и ничего боле». Дзакоев поведал о себе: прошлое перечеркнуто начисто, устроился бухгалтером, нашлись завистники, «дело пришить» хотели, уехал.

Это были, так сказать, внешние рассказы, от которых особая правдоподобность и не требовалась. Дзакоев понял: бывший помбургомистра взглядами своими вряд ли особенно изменился, не выдаст. Крыжов без особого труда разглядел Дзакоева: «Каким был, таким остался, — думал Крыжов. — Парнюга отпетый, что хочешь сделает».

Знай Крыжов, что перед ним иностранный разведчик, он вряд ли отнесся бы к нему спокойно. «Слуга килки» не мог идти на рискованное знакомство, хотя, конечно, не поступил бы с вражеским агентом, как подобает патриоту. Недаром «свидетели Иеговы» всячески подчеркивают свою «свободу от политики», заявляют о себе, как о гражданах «государства Иеговы». Но и на действенную помощь иеговиста шпион не надеялся. Совсем иное — маска обычного прохвоста. Такие «свидетелю Иеговы» по сердцу.

И Крыжов повел Дзакоева к себе.

Как всегда, стол был заставлен закусками, бутылками с коньяком и водкой. Не поверил бы глазам своим рядовой сектант, увидя «святых пастырей» в такой обстановке. Но рядовым сюда доступа не было...

Буцан смачно жевал кусок колбасы. Слыша его причавкивание, Макруша морщился. Сам он ел и пил очень мало.

Калмыков отсутствовал. Последнее время он все реже появлялся у «братьев», сидел дома. Настроение его характеризовалось одним словом: тоска. Лютая тоска, при которой ничего не хотелось делать, никуда не хотелось идти, ни с кем не хотелось разговаривать... ничего не хотелось! Обычно энергичный и деятельный, Саша все чаще чувствовал непонятную апатию. Временами казался себе больным, хотя и знал, что совершенно здоров.

Войдя, Дзакоев обвел всех быстрым взглядом, поздоровался с каждым за руку.

— Дзакоев, — представил Крыжов. — Когда-то вместе со мной работал.

— Кассиром, — добавил Дзакоев.

— Был кассиром, стал без денежек, — в своей обычной придурковатой манере ляпнул Буцан.

Макруша посмотрел на него, «как рублем подарил».

— Нет, зачем же, — спокойно ответил Дзакоев, ни мало не обидевшись глупому замечанию. — Деньги у меня есть.

Повернулся спиной к сидящим за столом. Пошарил за пазухой. После долгих манипуляций извлек из под рубашки и бросил на стол пачечку банкнот. Спокойно пояснил:

— Мой вклад в дело общины.

Дзакоев сразу понял, с кем имеет дело и как надо воздействовать на новых знакомых. Лучшим образом зарекомендовать себя он не смог бы никакими молитвами. Глаза Крыжова подернулись умильной влагой. У Буцана отвисла челюсть, он громко проглотил слюну. Даже Макруша приподнял голову и с одобрительным любопытством посверлил Дзакоева острыми глазками.

— Хорошо, одобряю, весьма одобряю, — наконец выговорил Крыжов, впадая в обычный при посторонних елейный тон. — Пойдут деньги на божье дело.

— Нет, — так же спокойно, как говорил до сих пор, возразил Дзакоев. Черные выпуклые глаза его блеснули, поочередно обводя каждого из сидевших за столом. — Деньги пойдут на вполне земные дела. Какие — увидим.

Макруша еще более внимательно посмотрел на гостя. Взгляд, лицо Макруши выражали полное одобрение.

Зато на физиономию Крыжова сразу набежала тень. Он с испугом глядел на старого друга, с вожделением — на деньги. Жирный лоб Крыжова пересекла морщина. Он боролся с собой. Жадность победила. Дзакоеву не ответил. Потянулся к бутылке, налил себе коньяку.

Макруша, все так же пристально глядя на Дзакоева, проговорил:

— Ты, парень, мне, вроде, приглянулся.

— Посмотрим, — многозначительно ответил Дзакоев. — Если ты мне приглянешься, — счастливый будешь.

Присел рядом с Макрушей. Без церемоний наполнил две рюмки водкой, одну протянул Макруше.

Чокнулись, глядя друг другу в глаза.

Будь здесь Калмыков, он бы, конечно, очень удивился тому, как быстро нашел этот незнакомец общий язык со «свидетелями Иеговы». Ведь у самого Саши до сих пор настоящей духовной близости ни с кем из «братьев» не налаживалось несмотря на все его старания.

Крыжов взял деньги, вышел из комнаты. Отсутствовал долго. Вернувшись, сразу сказал, предотвращая нежелательные для себя вопросы о применении денег:

— Делу время — потехе час. Обсудим, как «крестить» будем. Буцан, место нашел?

— Нашел.

— Докладай.

Буцан начал «докладать». К «крещению» все было готово.

Глава одиннадцатая

ОКРЕЩЕННЫЕ

Истерически – нервный подъем во время моления привел Любу к общему упадку сил. Но сегодня она опять впала в возбужденное состояние. Говорила громко, быстро, с каким-то даже восторгом. Войдя к ней в комнату, Саша прежде всего увидел огромные лихорадочно блестящие глаза. Девушка протянула Саше руку, здороваясь.

Рука была горячая.

— Скоро ли? — спросила Люба.

— Да.

— Вот и слава богу... Я всю ночь не спала.

— Почему?

— Думала.

— О чем?

Ответила не сразу. Взгляд ее стал спокойнее.

— Обо всем.

— И обо мне? — вдруг спросил Саша и покраснел. Слова сказались сами собой и еще не успели умолкнуть в глухой тишине комнаты, как он испугался своей храбрости.

Испуг был напрасным. Люба поглядела долгим-долгим взглядом. Глаза ее стали осмысленными, лихорадочный блеск приугас.

— Ведь у нас впереди вся жизнь, — как будто уклонилась она от Сашиного вопроса, но сказала «у нас», и в тоне речи содержался ответ, понятый Сашей.

«Жизнь!.. Она проходит и пройдет», — сказал Дэвид там, на другом конце земли. Тогда эти слова показались Калмыкову весомыми, мудрыми.

Проходит и пройдет!.. Можно ли утешить угрюмой безысходностью молодое сердце, ждущее счастья?! Люба верит в жизнь, в будущее, в радость. И разве недостойна Люба радости?! Почему же надо разбить ее ласковую веру словами угрюмыми и злыми? Почему надо заставить ее забыть о красоте бытия, принудить молодую девушку готовиться к холоду могилы?! Трудны пути твои, господи! Люба ждет, надеется, так мала и так огромна надежда ее... и Сашина тоже!

— Вся жизнь... — негромко повторил Калмыков слова Любы. Мягко сказал: — Жизнью управляет бог. Без воли его волос не упадет с нашей головы.

— Я понимаю. — Большие глаза блеснули, и Саша пожалел, что начал этот разговор. — Все понимаю... Но почему же — я? Почему такое испытание послано мне?! Я ведь никогда никому не сделала ничего плохого.

Мысль эта часто приходила ей на ум, а последнее время не оставляла совсем.

В больнице одна из пациенток, тупая и сентиментальная баба, подслушав разговор врачей о Любе, прибежала к девушке и начала жалеть ее. Так Люба узнала, что болезнь ее неизлечима, до конца жизни придется не расставаться с госпитальной койкой. За время долгой болезни подруги Любы забыли о ней (первое время приходили проводить из школы, потом все реже, реже, реже...), девушка осталась одна, в отчаянии, без хорошего советчика. И тогда она поддалась уговорам тетки «принять бога». Остальное сделал Крыжов.

— Болезнь — за грехи, — сказала Люба, глядя на Сашу большими блестящими глазами. — Правда?

— Не только. Бог может наказать нас, может послать нам испытание.

— Я понимаю. — В тоне голоса ее было столько святой веры в каждое слово Саши, что у него защемило сердце. На какую-то долю секунды утешение, сказанное Любе, показалось ему беспрдельно фальшивым, он сам — неискренним ханжой. Неискренним? Неправда! Он верит в то, что говорит Любе!

Но больше ничего ответить ей Саша не мог.

Калмыков молчал. Свою судьбу он давно вручил богу. Он готовился высадиться на морском берегу, рискуя получить пулю пограничника. Он прыгал с парашютом в пустую, холодную ночь. Он скрывался от закона. Он рисковал всем: жизнью, молодостью, здоровьем, счастьем — и не жалел. Но это были его жизнь, его молодость, его счастье! Он шел сам, а не посылал других из уютного кабинета в доме «Башни стражи».

Но вот надо думать о жизни, молодости, счастье Любы. Нужно ответить на вопрос ее — вопрос в ней! Что мог «пионер» сказать? Что мог сделать — сделать сам, не уповая на помощь бога?.. «Если волос не упадет с головы без божьей воли, значит, человек беспомощен, жизнь его — мираж», — подумал Саша... Греховной была эта мысль.

А Люба уже говорила о другом, не задавала вопросов, и с горечью почувствовал он радость в сердце своем оттого, что не надо отвечать ей.

— Брат, — Саша не сразу сообразил, что речь идет о Крыжове, — обещал, что после «крещения» я буду совсем здорова... Скорее бы, я так волнуюсь!

— Не надо волноваться, — возразил Саша. — Тебе покой нужен.

Советуя, не знал, что покоя-то Любе и нет. Крыжов все время направлял к ней многочисленных посетительниц — «поговорить с исцеленной»; они как можно шире рекламировали ее «выздоровление». Выжившие из ума старушки, обманутые или просто скудные разумом, откровенные мошенницы круглый день толклись возле Любиной кровати, ахали, охали, прославляли святость Крыжова. Подобная обстановка не могла не действовать на впечатлительную девушку. Мистически-восторженное настроение завладевало ею. Она теряла сон, аппетит и... здоровье, хотя внешне казалось, что чувствует она себя хорошо — сказывался нервный подъем.

С Сашей каждый раз Люба становилась спокойнее.

Одинокая, окруженная людьми чужими и неприятными, — хотя сама себя она старалась убедить в обратном, — Люба с первого же знакомства потянулась к молодому сектанту, который был так отзывчив, разговаривал с нею ласково, по-дружески, без унижительного сочувствия. Люба выросла в обычной

советской обстановке и до болезни своей никогда даже не слышала о иеговистах, никогда не задумывалась о боге. И теперь, несмотря на все старания свои привыкнуть к новым мыслям, новым взглядам, новому обществу, она, может быть, не давая себе в том отчета, чувствовала дикость своего положения, убожество тех, кто окружал ее. Но сознаться себе в этом — значило, оставить надежду на выздоровление. С мыслью о боге была связана мысль о здоровье, отвергнуть ее Люба страшилась. «Гена Карпенко» был для нее дорог тем, что в нем она увидела ту же надежду, которой жила сама. Он резко отличался от окружения Любы, а верил, как все «свидетели Иеговы». Конечно, сказался в отношении к новому знакомому и болезненный характер девушки — неуравновешенный, ущемленный недугом. Люба не могла не выделить Калмыкова среди остальных членов секты и — выделила.

В его присутствии речь ее делалась ровнее, прекращалось лихорадочно-восторженное состояние.

Стоило Саше уйти, являлась очередная сектантка-истеричка и на девушку опять наваливалась религиозная одурь...

Наконец, Крыжов решил, что Люба достаточно подготовлена к поступку, который окончательно свяжет ее с сектой. Любу должны «крестить». После «крещения» она уже не будет принадлежать себе.

Вместе с Любой должны были «крестить» и рабочего Федора Елизаровича Прасола, которого Крыжов и Макруша знали давно. Место для церемонии выбрали далеко за городом, на пустынном морском берегу. Буцан заранее подыскал укромную бухточку, укрытую со всех сторон скалами...

Буцан и прервал сегодняшнюю невеселую беседу Любы с Сашей. Просунув голову в дверь, сказал, что пора ехать.

Перед самым отъездом произошла непредвиденная задержка, которая чуть не сорвала все планы.

Любу и с ней Евстигнеюшку «слуга килки» собрался без хлопот довести до места на своей машине. Макруша, Буцан, Саша, Прасол должны выйти из дома чуть позже, затем взять такси.

Когда машина Крыжова уже стояла у крыльца и пассажирки, выйдя из дома, заняли свои места в автомобиле, на улице показалась пара. Мужчина лет за сорок — высокого роста, худой, в скромном сером костюме. Женщина чуть моложе, одета без претензии на моду, губы слегка подкрашены, в глазах странно соединяются суровость и добродушие.

Первым заметил их из окна дома Макруша. Обернувшись, тоном приказа бросил Саше и Прасолу:

— Не выходите. Посмотрим, кто такие сюда идут.

Калмыков и Макруша стали у окна — сбоку. Макруша приоткрыл форточку — теперь весь разговор перед домом отчетливо слышен в комнате.

— Здесь, — сказал мужчина, подойдя со своей спутницей к особняку Крыжова. — Загородная, тридцать восемь.

Достал записную книжку, раскрыл и прочел:

— Да, тридцать восемь.

Крыжов, который хлопотал возле автомобиля, прекратил свое занятие и уставился на пришельцев. Руки держал за спиной, и Саша видел, как нервно переплетаются его пальцы.

— Здравствуйте, кто здесь хозяин? — Мужчина посмотрел на Крыжова, потом перевел взгляд внутрь автомобиля, где виднелись непонятные силуэты в скрывающих фигуру одеждах, надвинутых на лоб темных платках.

— Ну, я хозяин, — после паузы ответил Крыжов не особенно вежливо, но и не совсем грубо.

— У вас находится Любовь Кравченко? — задал новый вопрос мужчина.

Крыжов опять ответил не сразу. Смерил их медленным взглядом с ног до головы, подумал-подумал и спросил:

— А вы, я извиняюсь, кто такие будете?

— Я инженер Маринюк, работал с отцом Любы Кравченко. А это, — показал на спутницу, — врач Васильковская.

— Чего ж вам тут надобно?

— Люба Кравченко не кончила курс лечения, вы ее забрали из клиники...

— Насчет «забрали» полегче, гражданин. Никого мы не забирали...

Васильковская тронула Маринюка за рукав, жестом попросив умолкнуть. Заговорила сама:

— Я лечила Любу...

Крыжов убрал руки из-за спины, уперся ими в бока. Он все больше успокаивался и одновременно обретал наглость.

— За заботу о Любе спасибочко вам, доктор, — «богоспасаемым» голосом начал иеговист. — Только не стоит больше утруждаться, теперь духовный врач ее пользуется, к благу направляет...

— Духовные врачи не при чем, — строго оборвала Васильковская. — Девушке необходимо систематическое...

— Нет уж, позвольте мне знать, что при чем, а что не при чем. Тело наше от духовного естества полностью зависит, и ежели душа покойна, благостна, то и телесные недуги ущемляются.

Васильковская поняла, что ее откровенно дурачат, и взорвалась:

— Перестаньте нести ахинею! Где Люба?

— Здесь я. — В пылу спора ни Крыжов, ни Васильковская не заметили, как Люба опустила стекло и выглянула из машины. — Напрасно вы меня ищете, Ирина Григорьевна.

Суровое выражение, не сходившее с лица Васильковской во время разговора с Крыжовым, сразу исчезло. Она воскликнула:

— Люба! Если бы ты знала, как тебя трудно было разыскать.

Девушка тоже сердечно улыбнулась.

Васильковская по-своему поняла улыбку:

— Вот теперь все хорошо. Поедем со мной.

— Нет! — сразу посерьезнела Люба. Резко мотнула головой. — Не хочу.

Васильковская, не ожидая подобного ответа, растерялась:

— Позволь, как... не хочешь? Почему?..

Макруша и Калмыков, которые по-прежнему стояли у окна, напряженно следя за разговором, не упустили ни слова.

— Черт! — пробормотал Макруша. — Напрасно она тары-бары начала...

— Так надо, Ирина Григорьевна, сказала Люба.

Васильковская шагнула к машине. Люба отстранилась от окна, как бы боясь прикосновения Ирины Григорьевны. Васильковская заметила, ближе не подошла.

— Люба, ведь тебе надо лечиться. Ты можешь быть здоровой, жить полноценной жизнью, приносить пользу людям.

— Не уговаривайте меня, я избрала более высокий путь, чем служение людям. Я буду служить богу! — Невольно в голосе Любы мелькнули ханжеские нотки, похожие на елейный голосок Крыжова.

Увидев, как вздрагивают в нервном тике губы девушки, как загорелись в глазах ее мутные фанатические огоньки, Маринюк не выдержал:

— Люба! Опомнись! Губить себя, поддаться проходимцам!..

— Вы, гражданин, давайте, не оскорбляйте! — тотчас окрысился Крыжов.

Насторожилась и Люба. Лицо ее, до этого приветливое, исказила уродливая гримаса злобы. Саша, который из своего тайного убежища наблюдал за ней, невольно отвернулся.

— Отстаньте от меня! — хрипло, с дребезжащими нотками выкрикнула Люба. Если минуту раньше в тоне ее было что-то от Крыжова, то теперь голос ее напоминал голос Люськи. — Не шпионьте. Я знаю, что делаю!

— Эх, вы! — с сердцем сказала Васильковская. — Разве можно так?

Маринюк покраснел.

В комнате, где стоял Калмыков и остальные, скрипнула дверь. Оглянувшись, Саша увидел, что Макруши здесь нет. Несколько секунд спустя он появился на крыльце. Неторопливо сошел по ступеням. Остановился перед Маринюком и Васильковской.

— Вот что, други любезные. Послушали мы вас, да пора и честь знать. Убирайтесь по добру по здорову. Чтоб и духом не пахло!

— Но... — пыталась возразить Васильковская.

— Никаких «но»! — отрезал Макруша. — Люба Кравченко человек самостоятельный, опять же совершеннолетний и паспорт имеет. Вы сами слышали, что никто ее неволить не собирается, как ей совесть велит, так и поступает. Слышали? Ну!

Васильковская промолчала. Маринюк не сдержался:

— Вы не имеете права!

— Насчет правов, гражданин, прекратите, — встал рядом с Макрушей Крыжов. — Это вы нарушаете — приходите, куда не звали, фулиганите. Кравченко вас сюда не звала.

— Люба! — Васильковская сделала еще попытку обратиться к девушке. Та не ответила, скрылась за поднятым стеклом автомобиля. Даже отличить ее стало трудно от одинаково с ней одетой в темное Евстигнеюшки.

Маринюк сжал кулаки, гневно посмотрел на Макрушу:

— Вы!.. Вы!.. — не находил слов.

— Чего — я? — Лиловые губы Макруши кривились в ядовитой ухмылке. — Чего? Проваливай отсюда, перестань тень на плетень наводить.

— А вы кто такие? Почему от ее имени говорите?! — настаивал инженер.

— Вы, гражданин хороший, не пугайте, — с грязной ухмылкой своей возразил Крыжов. — Вы сами все слышали — Любовь Кравченко по своей воле живет и по своей натуре действует. Вы для нее, я извиняюсь, пришей кобыле хвост. Она вас знать не желает, мы — тем более, гражданин хороший...

Васильковская первой поняла: благодаря Любе, победа на стороне сектантов.

— Пойдемте, Николай Дмитриевич. Сейчас нам здесь делать нечего.

Формально к сектантам не придерешься. Люба — совершеннолетняя, сама отвечает за свои поступки, никто не может указать ей, с кем водиться, кого избегать. Не силой, а добрым словом, убеждением надо подействовать на девушку, вырвать ее из лап мракобесов.

— Идемте, — повторила Васильковская.

— Золотые слова, — осклабился Крыжов. — Давно бы...

— Рано радуетесь, — глухо сказал Маринюк. — Мы куда надо обратимся, не позволим человека губить.

— Обращайтесь! Обращайтесь! — Макруша истекал злобой. — Только такого закона нет, чтобы силой от религии отнять.

— Хватит, Николай Дмитриевич, вы же видите, что разговор с ними бесполезен.

Васильковская и Маринюк ушли.

Поза, взгляды Макруши вслед уходящим были подчеркнута самодовольны, полны наглого удовлетворения. Саше невольно сделалось противно и даже на мгновение как-то стыдно, что он разделяет Макрушину радость. Удивился этому ощущению, оправдывая Макрушу, подумал: «Они считают себя друзьями Любы, а на самом деле приносят ей зло, хотят отвратить от бога».

— Поехали! — коротко приказал Макруша, когда Васильковская и Маринюк скрылись за углом улицы. Теперь в Макрушином голосе явно звучала тревога. Опытный во всякого рода проделках, он чуял опасность. Конечно, врач и инженер не станут молчать, за ними заговорит общественность, газета. Огласки сектанты боялись пуще всего, только темнота тайны покровительствовала им... Однако отступать

поздно... «Обойдется, — мысленно успокаивал себя Макруша. — А все же... скверно! Принес их черт, все испортили!»

— Давай, заводи! — добавил вслух.

Крыжов сел в машину, включил мотор.

Несколько минут спустя покинули дом остальные. До поселка, как условлено, добрались на такси. Оттуда к выбранной Буцаном бухточке зашагали пешком, разными дорогами, разбившись по парам. Саше в попутчики достался Прасол.

Шли молча. Саша углубился в свои мысли. Думал о Любе, беспокоился за ее судьбу. Она нездорова, ее лихорадит. Принесло же незванных и неожиданных посетителей!.. Но Люба молодец, не поддалась... И не поддастся. Она, как Саша, выбрала свой путь и пойдет им до конца... До какого конца?.. Что ждет Сашу завтра?.. Нет, не надо об этом думать!.. Хорошо, что ее будут крестить именно сейчас. Ведь крещение — приближение к богу... Завтра она выздоровеет. Если эти явятся снова, им придется убраться с позором — Люба в их заботах и лечении нуждаться не будет...

От надежды на скорое выздоровление Любы сразу повеселел.

Громко сказал:

— Вот мы и пришли. Здесь «крещение» будет.

Прасол, всю дорогу не произнесший ни слова, молча кивнул.

Погода стояла скверная, хмурая. С моря дул невеселый ветер, гнал по небу низкие ватные тучи. Море было таким же серым, как небо. Волны выкатывались на берег медленно, неохотно, дробно постукивая галькой.

За последнее время у Саши вдруг появилась манера неожиданно переноситься мыслями в прошлое, вспоминая когда-то случившийся эпизод, иногда совсем незначительный. От этого он иногда казался сам себе стариком, который больше увлечен минувшим, чем настоящим. Вот и сейчас, на морском берегу, перед «крещением» Саша, неизвестно почему, странным, непонятым переходом мыслей вдруг вспомнил штурмана «Каги мару», который говорил, что такие, как Калмыков, мешают русским и японцам жить в мире.

Когда все собрались, Евстигнеюшка побыстрее увела Любу за скалу. Раздев донага, натянула на нее белый балахон, которым пользовалась одна из молодых, что «веселились» в доме Крыжова. Прасол разделся сам, тоже напялил балахон. Прасолу было около сорока, но выглядел он старше — морщинистое, грустное лицо, сильные руки рабочего, задумчивый взгляд.

Люба вышла из-за скалы в сопровождении неотлучной Евстигнеюшки. Девушка осторожно ступала босыми ногами по камням. Щеки Любы то вспыхивали, то бледнели. Резкий ветер трепал полы балахона.

По знаку «слуги» Люба и Прасол стали рядом. Прасол поддерживал девушку под локоть — стоять ей было трудно. Одинакового роста, они почти не отличались фигурами в бесформенной одежде.

Крыжов выступил вперед. «Крестящиеся» повернулись к нему лицом. Крыжов начал напутственную речь. По изуверскому обряду, «крещение» водой символизирует полный отказ «свидетеля Иеговы» от собственной воли во имя высшей воли бога. Погружение в воду означает смерть личных желаний, чувств, мыслей. Выходя из воды, человек как бы поднимается к новой жизни, в которой будет исполнять веления

Иеговы. Бытие новообращенного сектанта, имущество его, планы и мечты отныне принадлежат только богу Иегове. А приказы бога осуществляют «старшие», им надо подчиняться слепо, безоговорочно.

Крыжов говорил с профессиональным экстазом, умело играя голосом, наизусть цитируя целые абзацы трактата «Бог верен» — одной из главных иеговистских книг.

— Кто вы? — заглушая шум волн, спрашивал Крыжов и сам же отвечал. — Помните, как сказано в священной книге: «Обыкновенные люди, которых Иегова избрал представлять его сегодня, не являются мудрыми, сильными и благородными по плоти, однако они выполняют великое дело, прославляя честь и славу Иеговы. Подобно христианам первого столетия, они так же приносят множеству народов надежду посредством проповедования благой вести о царстве божием»...

Люба и Прасол слушали, стоя на холодном ветру.

Красноречие Крыжова прошло мимо внимания Саши. Сегодня священные слова почему-то не проникали в душу, как обычно. Думал о другом: не простудится ли Люба, не захворает ли еще больше.

С легкой тревогой оглядывался вокруг Макруша. Нетерпеливо ждал конца церемонии. В самом деле — группа на пустынном морском берегу, под ветром, нелепые фигуры в белых одеяниях, ораторствующий Крыжов — такое удивит хоть кого. Заметят посторонние, подойдут глянуть, начнутся расспросы, еще в милицию потащат. Макруша прекрасно знал, что такого рода «религиозные церемонии» строго запрещены законом... Скорее бы подальше отсюда... И вообще события начинали все больше тревожить Макрушу. Он дорого дал бы за то, чтобы не встречаться с инженером и Васильковской, но теперь поздно. Они знают, где Люба, и не успокоятся, пока не возьмут в свои руки дальнейшую судьбу девушки.

— Наши мысли должны быть постоянно обращены на бога и его волю. — Крыжов без запинки, что называется «шпарил» из трактата «Бог верен». — Только таким путем мы будем способны любить его больше всего... Мы должны презреть окружающий нас мир, руководствоваться волей Иеговы, и он приведет нас к истинной правде...

Буцан с обычным тупым видом смотрел прямо перед собой. По лицу его не отгадаешь, о чем думает он... и думает ли вообще?..

Крыжов кончил. Обнял Прасола и Любу за плечи, легонько подтолкнул к воде: «Идите, брат и сестра! Пусть таинство святого крещения осенит вас!». Указывая, куда надо идти, сделал обратный жест, как бы вызывая их на берег.

Волна лизнула Любину ногу. От холода девушка невольно поджала пальцы, чуть вскрикнула. Прасол будто и не чувствовал холода, шагал уверенно, увлекая за собой Любу, крепко поддерживая ее под локоть.

Оставшиеся на берегу запели псалом. Ветер рвал слова, уносил их. Резче других выделялись верещащий тенор Буцана и сиплое контральто Евстигнеюшки.

Волна захлестнула Любу до колен, до бедер, до пояса. Чувствуя, как дрожь охватывает тело, и стараясь перебороть ее, девушка, повинаясь движению Прасола, присела. Балахон вздулся вокруг нее пузырем. Новая волна обдала их с головой. Люба поднялась, хотела выбраться на берег. Прасол, которому Крыжов предварительно растолковал весь обряд крещения, заставил ее окунуться по плечи еще раз. От холода у Любы перехватывало дыхание.

Дрожащие, бледные, выбрались из воды Люба и Прасол. Мокрый балахон облипал тело девушки, она стояла, как обнаженная.

Евстигнеюшка снова выступила на сцену, увела Любу переодеваться.

Прасол быстро сменил балахон на обычную одежду.

— Поздравляю тебя, брат мой! — елейно сказал Крыжов. — Отныне ты среди нас, отныне и ты идешь к спасению...

Калмыков увидел, что Евстигнеюшка встревоженно выглядывает из-за скалы. Быстро подошел к старухе:

— Что случилось?

— Помочь надо, сестре Любе помочь. Сама до машины не доберется.

Люба успела одеться. Лицо ее приобрело желтоватый цвет. Девушку бил озноб.

— Озябла? — сам не зная зачем, ведь видно же, что Любе холодно, спросил Саша.

Любу его слова тронули. Благодарно посмотрев на Сашу, коротко ответила:

— Да...

После паузы призналась:

— Нехорошо мне.

— Домой надо, в постель, — растерянно сказала Евстигнеюшка.

Саша согласился — Любу следует скорее везти домой.

Идти девушка не могла. Как после «исцеления», Саша взял ее на руки и понес. С тревогой подумал, что теперь она кажется еще легче, чем в тот раз. Голова девушки лежала у него на груди, и он чувствовал, что у Любы сильный жар.

Когда Саша усаживал девушку в машину, глаза ее были закрыты. Ему показалось даже, что Люба не совсем понимает, где находится. Заговаривать с ней не стал, чтобы не тревожить.

Машина с женщинами и Крыжовым уехала. Оставшиеся опять разбились на две группы, зашагали в поселок. Прасол и Саша сперва шли молча. Но Калмыков был в приподнятом, взволнованном настроении. Радовался, что Люба «окрестилась», и немного встревожился из-за ее болезненного состояния. Молчание Прасола начало тяготить Сашу. «Он не такой, как другие, — подумал Калмыков, подразумевая под «другими» Крыжовское окружение. — Он — надежный. Надо познакомиться с ним поближе».

Сказал:

— Большой день в жизни вашей сегодня.

— А? — Прасол сперва не понял, тоже погруженный в свои думы. — Да, конечно.

Голос у него негромкий, спокойный...

— А как пришли вы к вере? Как бога познали? — спросил Калмыков. Подумал: «У него, конечно, есть знакомые, друзья. Когда придет время, соберу их в его доме для беседы».

— Бога? Бога я нелегко познал... Через тюрьму... — сперва задумчиво, потом все более увлеченно заговорил Прасол. Видимо, испытывал он потребность поделиться пережитым сейчас, после решительного шага — «крещения», поглядеть на прошлое как бы со стороны, еще раз обдумать его. — Вернее, говорится так — тюрьма. А я сидел в исправительно-трудовой колонии.

— За что, если не секрет? Против власти выступили?

— Чего мне против власти выступать?! Человека изувечил. Хорошего человека, такого, как я, работаю... Вот как оно в жизни случается... Раньше бы мне кто сказал, что я преступником стану, я бы...

Прасол запнулся. Помолчав немного, продолжал рассказывать.

...Федор Прасол жил с женой и тещей в маленьком домике на окраине Приморска. Работал плотником в строительной бригаде, зарабатывал неплохо, был вполне доволен судьбой...

— Вес хорошо, только детишек у нас не было — беда. А я детишек люблю. — Прасол доверчиво посмотрел на Сашу добрыми чуть грустными глазами.

...Однако и тут желание Прасолов исполнилось: на пятый год супружеской жизни жена родила девочку. В радости Федор не знал границ. Когда на дочь выписали метрику, устроил пир горой. Стол ломился от угощений, пили, танцевали. К концу вечера изрядно захмелевший Прасол поспорил с одним из гостей. Слово за слово — началась драка. Хозяин избил гостя, сломал ему три ребра. Похмелье было тяжелым: суд, приговор, исправительно-трудовая колония.

В колонии с Прасолом несколько раз заговаривал пожилой заключенный, некто Фролов, о прошлом своем вспоминавший очень неохотно. Прасол не удивлялся, он и сам хотел бы навсегда забыть о поступке, который привел в тюрьму. Зато Фролов много и обстоятельно рассуждал о боге, грядущей войне «армагеддоне», после которой останутся лишь «праведники», о необходимости «спастись» и тому подобном. Прасол слушал не без интереса, но в общем равнодушно. Его мысли занимали не «армагеддон» и грядущее «спасение», а перспектива хорошей работой загладить прошлое, скорее вернуться к честным людям, к семье...

— Я, конечно, теперь всего и не упомяну, — рассказывал Прасол, поглядывая на Сашу. — На «армагеддон» больше он напирал.

...Сектантский агитатор Прасола приметил. Впоследствии сообщил о нем своим единомышленникам, и те тоже не оставили Федора без внимания. Обстоятельства дальнейшей жизни Прасола помогли им.

Говорят, беда никогда не приходит одна. К несчастью, в жизни Прасола печальная поговорка оправдалась. После ареста зятя умерла теща Прасола — не перенесла старая женщина позора, свалившегося на семью. Жена Федора осталась одна с маленьким ребенком на руках. Уберечь дочку не смогла. Однажды, когда мать отлучилась в магазин за хлебом, оставленная без призора девочка полезла в бочку с дождевой водой, упала туда, захлебнулась...

Дойдя до этого места своего рассказа, Прасол замолк. Лишь после долгой паузы снова начал невеселое повествование.

...За отличную работу и поведение Прасолу скостили «срок». Но возврат под родной кров был тяжелым: осиротевший дом, прибитая горем больная жена. Вдобавок, начались неприятности — не смог устроиться на работу. Явившись на старое место, где до ареста трудился много лет, Прасол натолкнулся на начальника отдела кадров, который откровенно заявил, что бывшего заключенного «к себе» — так любят выражаться начальники подобного рода — не возьмет. Справка о хорошей работе, отличная характеристика, выданная в исправительно-трудовой колонии Прасолу, никакого действия не возымели.

Столкновение с начальником очень подействовало на впечатлительного Прасола. Он опустил руки, идти устраиваться на другое место не хотел, боясь снова получить оскорбительный отказ. Анна продолжала болеть. Последние деньги, полученные при выходе из колонии, кончались...

— Положение мое было — труба, — сказал Прасол.

...Однажды вечером Прасол сидел дома и, подперев голову руками, думал, как быть дальше. В дверь постучали. Вошел чисто одетый, благообразный, полный. Отрекомендовался Крыжовым, «к религии приверженным»...

— Вы меня не знаете, уважаемый Федор Елизарович, — сказал Крыжов, — да это и неважно. А я наслышан о вашем горе и о плотницком умении вашем наслышан. Отремонтируйте мне, бога для, сараюшку, за деньгами не постою, вот сто рублей задатка...

...Крыжов ушел, а Прасол не мог опомниться от удивления. Помощь явилась неожиданно и как раз в тот момент, когда была особенно нужна...

— С тех пор в судьбе моей полный поворот вышел, а все он, все брат Прохор...

— Бога благодарите, — мягко поправил Саша. — Люди — орудие его воли.

— Да, конечно, бог, — повторил Прасол и продолжал рассказывать.

...Через Крыжова Прасол сошелся с компанией «шарашников» — предприимчивых деляг, которые частным порядком нанимались на строительные, малярные, штукатурные, плотницкие и прочие работы, конечно, по ценам, отнюдь не государственным. Нужда в мастеровых не иссякала, обдирали клиентов «шарашники» беспощадно и жили, со своей точки зрения, припеваючи...

— Без работы никогда не сидим, — объяснил Прасол, однако тон его был не радостным, а скорее печальным. — Если в городе халтуры нет, в село отправляемся, там в любом колхозе строить найдется чего, и куш солидный отвалит...

...Хороший плотник и вообще «золотые руки», Прасол сделался в артели не последним человеком, зарабатывая не хуже, если не лучше других...

— Только за весну нынешнюю — жене пальто и себе пальто, новый шкаф, — перечислил он покупки.

...Постепенно поправлялась жена, смягчалась скорбь об ушедших, жизнь, как будто, становилась на нормальные рельсы. И, конечно, всей душой предан был Прасол Крыжову, который вызволил из беды, принес в дом достаток...

— Я брату Прохору — по гроб жизни, — закончил рассказ Прасол. — Сказал он «крестись» — я и окрестился, совесть у меня есть...

«Слуга килки» приобрел верного человека. Со злой усмешкой Калмыков подумал, что помог Крыжову тот самый «сверхбдительный» начальник, который прогнал Прасола. А «креститься» Крыжов предложил Прасолу по требованию Макруши, который, как понял Саша по кое-каким его словам, имел на Прасола далеко идущие виды. И Калмыков мысленно признал, что Макруша поступил правильно: такой, как Прасол, был для иеговистов находкой. «Пожалуй, не только беседы в его доме устраивать можно, — размышлял «пионер», — для связи к братьям в другой город послать — тоже. Надежный человек...»

Пока Прасол рассказывал, дошли до поселка. Тепло попрощались. Прасол, которому Саша тоже, видно, приглянулся, сказал с легкой запинкой:

— Деваху не надо было... в холодную воду...

Саша не ответил. Когда молчание стало неприятным, возразил:

— Нет, ничего, я надеюсь, что все обойдется. Зато наша она теперь, сестра по вере.

— Да, оно, конечно, — вяло откликнулся Прасол.

Крепко пожав друг другу руки, разошлись.

Макруша и Буцан наняли такси и приехали в дом Крыжова намного раньше Саши. Явившись к Крыжову, Саша застал их там; был и Дзакоев. Как обычно, на столе стояли выпивка и закуска, хозяин с устатку уделял внимание и тому и другому. Макруша и Дзакоев были трезвы, по всем признакам встревожены. Макруша сидел на диване, щучье лицо его выглядело еще более пасмурным, чем всегда. Дзакоев ходил из угла в угол мягкими быстрыми шагами. Сильные движения, бесшумная походка, поблескивающие черные глаза делали Дзакоева сейчас особенно похожим на хищного зверя.

Когда Калмыков вошел, никто не обратил на него внимания, один Дзакоев покосился через плечо. Саша хотел спросить, как Люба, но помешал Дзакоев. Еще раз метнувшись из угла в угол, он подскочил к «слуге» и с рычащими подвываниями в голосе сказал:

— Идиот! Не мог подождать со своим дурацким «крещением».

— Но-но, ты полегче, — бесстыжим тоном ответил Крыжов. — Говори, брат, да не заговаривайся.

Ему никто не ответил.

— Вылежится, девки и бабы — они живучие, — проверещал Буцан.

Саша понял: разговор идет о Любе. Часто-часто застучало сердце. Он оставил Любу почти без сознания! Где она?! Как же так — разве не помогло «крещение»?!

— Что случилось? — не помня себя от тревоги, воскликнул Саша.

— Девка, которую сегодня «крестили», в горячке лежит, себя не помнит, — через плечо бросил Дзакоев, опять начавший метаться по комнате. — Не было хлопот, так нажили...

Не дослушав, Саша кинулся в коридор, оттуда в Любину комнату.

Здесь было тихо, душно. Задернутые шторы глушили доносящийся с улицы шум и почти не пропускали дневного света. В комнате стоял неприятный рассеянный полумрак. И в серой неприветливой тишине Саша особенно четко услышал тяжелое, свистящее дыхание девушки. Люба лежала на спине, неестественно закинув голову, закрыв глаза. Лицо ее было розовым, на лбу выступили капли пота, пухлые

губы пересохли. Евстигнеюшка и Люська сидели у изголовья кровати. Было что-то жуткое в двух старушечьих фигурах, как бы стерегущих девушку.

— Воды попить ей дайте, — быстро сказал Саша, почувствовав жажду, которая сжигала Любу.

— Давали и даем, — хмуро ответила Люська. — Огнем горит девка.

Приподняла Любе голову, поднесла к губам стакан с водой.

Не открывая глаз, больная отпила несколько глотков.

— Что с ней?! — выдохнул Саша.

— Горит, — повторила за Люськой Евстигнеюшка.

Люба чуть повернула голову на звук Сашиного голоса. Приоткрыла глаза и снова опустила длинные темные ресницы. Чуть пошевелила губами, как бы принаравливаясь лучше выговорить слово. Отчетливо, ясно сказала:

— Собирайся, мы пойдем к маме.

А потом:

— Двадцать два.

— Что? — не понял Саша.

В недоумении посмотрел на Люську.

— Бредит, не видишь, что ль, — ответила старуха на его удивленный взгляд. — Какого черта вы ее...

Калмыков молча повернулся, вышел из комнаты. Он никогда не ощущал в себе недостатка решительности, но что предпринять сейчас, не знал. Ведь «крещение» — святое. Разве могло оно принести вред?!

В столовой за время его отсутствия ничего не изменилось. Неслышными звериными шагами бегал из угла в угол Дзакоев. Молчал Макруша, и само молчание его источало ядовитую злость. Крыжов успел «хватить» еще одну.

— Что же делать? — спросил Саша, подойдя к Крыжову. — Плохо ей.

«Слуга» поднял ошоловелые пьяные глаза. Несколько мгновений молчал, очевидно, не понимая, о чем речь, совсем забыв про Любу:

— Кому там еще плохо? — Еще помолчал, подумал и елейным тоном, каким разговаривал с рядовыми сектантами, закончил. — Пусть молится, молитва — лучший доктор.

— Она не может молиться, без сознания, — пояснил Саша.

— Бери ее в свою машину, — тоном, не терпящим возражения, распорядился Дзакоев, — вези на старую квартиру. Ты, — обратился к Буцану, — езжай с ними, ее в постель уложи, врача вызови. Дождись, послушай, что он скажет, только тогда сюда возвращайся. Если врач спросит, что с ней было, отвечай — не знаешь. Понял?

— Могу! — заверещал Буцан. — Чего-чего, а насчет делов с девками я очень даже могу...

— Я поеду! — вдруг громко, сам не зная почему, заявил Саша.

— Ты?.. — задумчиво проговорил Дзакоев. — Не надо, риск есть.

«Откуда у него такой хозяйский тон?» — подумал Саша.

— А-а!.. — озлился Буцан. — Значит, моя голова ничего не стоит, а его!.. Не поеду!

— Черт с вами! — махнул рукой Дзакоев, поняв, что теперь Буцана ехать не заставишь. — Давай ты.

Не стал перечить и Крыжов. Проспиртованный мозг его все же понял угрожающую опасность. Ведь в случае смерти Любы пришлось бы держать ответ. Отвезти ее к дверям больницы, а самим исчезнуть, как сделали с безумным Геннадием Карпенко, не удастся...

Макруша даже обрадовался предложению Дзакоева — девку сбить с рук, с ней только хлопоты. Явятся эти, защитники ее, пусть идут к тетке девкиной...

Несколько минут спустя машина Крыжова выезжала со двора. Люба поместилась на заднем сиденье между Сашей и Евстигнеюшкой. Девушка не приходила в сознание, не понимала, куда ее везут и зачем. Время от времени, не открывая глаз, бормотала неясные слова.

Вскоре были у дома, где жила Любина тетка. Саша внес Любу на второй этаж. Евстигнеюшка и едва не потерявшая рассудок от волнения Мария Тимофеевна — пожилая, чертами лица чем-то схожая с Любой, хлопотали вокруг больной. Саша вызвал врача. Тот не заставил себя ждать. Осмотрев Любу, нашел воспаление легких, потребовал немедленно отправить в больницу.

— Что с ней произошло? — спросил доктор.

— Ничего, — хмуро ответил Саша.

Тон его не укрылся от врача.

— Странно, очень странно. Вы бы все-таки сказали. Легче лечить будет.

— Мне нечего говорить, происшествий с ней никаких не было, — все так же хмуро проговорил Саша.
— Ничего вредного для здоровья она не делала.

— Как хотите, — сердито сказал врач. — Как хотите. — Ясно было, что Саше он не верит.

Саша понимал, что своими недомолвками вредит Любе. Но нельзя же рассказать о «крещении». Врач — такой же враг Саше, а теперь Любе, как все вокруг. Раскрываться нельзя ни перед кем — этой жизнью вынужден жить Саша и его близкие... Даже Люба...

И вдруг, в момент разговора с врачом, Саша ужасающе ясно понял, какой вред принесло Любе «крещение».

Мысль была четкой, неоспоримой, и от нее у Саши потемнело в глазах.

Глава двенадцатая

ОТ ДОМА К ДОМУ

Странное чувство временами охватывало Калмыкова.

Он казался себе похожим на человека, который идет рядом с движущимся поездом. Совсем близко, у плеча, постукивают колесами вагоны, обдает горячим ветром. Протяни руку — коснешься шершавой металлической стенки. Но руку протянуть нельзя, близкий поезд бесконечно далек. У пассажиров, проводников своя жизнь, они даже не подозревают о путнике, который рядом, за стеной вагона. Может, случайно кто-то бросит сквозь окно рассеянный взгляд, увидит одинокую фигуру, бредущую вдоль железнодорожного полотна, и сразу забудет о ней.

Отрывистее стучат колеса, туже волны разорванного воздуха — поезд ускоряет ход. Вот прошел он, исчез за поворотом, путник остался, и вокруг холодное солнце, и выпачканные мазутом шпалы, и блестящие параллели рельс, которые сходятся во враждебной дали. Тоска одиночества, взгляд ищет последний дымок паровоза, а дым тает в небесной пустоте...

Почему приходят эти мысли? Ведь как будто бы причин для них нет?

Почти полгода Калмыков в Приморске и нельзя сказать, что время истрачено зря. Он никогда не надеялся на быстрые успехи, понимал — работа предстоит кропотливая. Кое-чего он достиг. Устроился в безопасном месте, прочно вошел в общину. Через Шаю Грандаевского наладится связь с зарубежными братьями, со дня на день надо ожидать первой посылки литературы, инструкций. Поганой метлой вымет Саша развратных молодух, теперь все делается в строгом соответствии с иеговистскими правилами. Появился первый надежный человек — Прасол. Есть Люба...

Вот, пожалуй, мысль о Любе, о «крещении», после которого девушка попала в больницу, лишала Калмыкова душевного равновесия. Именно вслед за «крещением» начался разлад, который становился все сильнее и сильнее. Саша старался не поддаваться, бороться с собой.

Он посетил Любу в больнице. Она не ходила, и его провели в небольшую квадратную палату, где стояли две кровати — Любина и бойкой, несмотря на недуг, девахи, разглядывавшей посетителя с откровенным любопытством. Люба и Маруся успели подружиться, она гоже вступила в разговор между Сашей и Любой. Рассказала, что живет в селе, работает колхозной свинаркой.

— Они ж такие чуднесенькие, — хлопая от удовольствия в ладоши, вспоминала вверенных ее заботам поросят.

С еще большим азартом рассказала про вечера в клубе, про кружок художественной самодеятельности, про Диму-тракториста, к которому явно была равнодушна.

Даже в больнице Маруся не могла оставаться без дела, выучилась вязать, читала, что называется, запоем. Болезнь отступала перед энергичным, веселым человеком — врачи обещали Марусе скорое выздоровление. А рядом с нею, как бы черпая в ее бодрости силы, чувствовала себя лучше и Люба. Не осталось следа от нездорового, лихорадочно-истерического возбуждения, организм креп, а мечты... то и дело уходили от божественного к земным делам, о которых так хорошо говорила Маруся.

Саша радовался улучшению здоровья Любы и делал вид, что не замечает перемен в мыслях ее. Уверял себя — все пройдет, Люба в вере останется прежней.

А покоя в душе не было...

И Калмыков еще энергичнее принялся за дело, которое иеговисты считают для себя главным, именуют его «от дома к дому».

«От дома к дому» — не просто лозунг политических и тактических действий «свидетелей Иеговы». Это хорошо продуманная, четкая программа. Методы ее созданы многолетним опытом сектантских миссионеров, к разработке ее привлекались ученые — специалисты так называемой «практической психологии», к которой с большим уважением относятся в США. «От дома к дому» — значит вести наступательную агитацию, все время вербовать в секту новых членов, проникать в семьи, изучать характер, склонности, обстоятельства жизни намеченной жертвы, терпеливо выжидать момент, когда «слово Иеговы» окажется наиболее доходчивым, «упадет на благоприятную почву». Вот что говорилось в «трактате», написанном одной из видных иеговисток, в прошлом — изменницы Родины, служившей в гестапо. «Посмотрите, сколько народа ходит вечером по проспекту, пробивая пустой воздух,— пишет «свидетельница Иеговы». — Все они должны услышать свидетельство Иеговы. Видите, сколько у нас работы. Придет такое время, когда мы получим возможность забраться на какую-нибудь возвышенность и выступить открыто с проповедью, чтобы многие услышали, но пока это рано. Наши братья за границей это практикуют, но в Советской России пока невозможно. У нас в России нужно применять тактику индивидуальных бесед».

Иеговисты подсчитали, что в четырех евангелиях слова «квартира» и «дом» употреблены 110 раз, почти всегда связаны с проповедованием «священного писания». Поэтому, мол, журнал «Башня стражи» требует от иеговистов идти «от дома к дому», распространяя «благую весть».

Конечно, в случае нужды «свидетели Иеговы» избирают и другие места для своей пропаганды. Евстигнеюшка по наущению Макруши регулярно посещала кладбища. Приметив одинокую женскую фигуру у свежей могилы, подсаживалась, охала, вздыхала, «сочувствовала». Постепенно переводила разговор на «утешение в вере». Иногда ее слушали, иногда — нет, но Евстигнеюшка придерживалась инструкции: «не уходи без изложения «свидетельства», поставь два-три вопроса и так или иначе заинтересуй». Если слова Евстигнеюшки встречались внимательно, старуха приглашала новую знакомую к себе. Здесь за нее брались Макруша и Крыжов. Так была вовлечена в секту мать маленького Пашки, с которой познакомилась Евстигнеюшка на похоронах ее мужа.

Проще и грубее были методы Буцана. Уповал он главным образом на свою физическую силу — не всякий мог с ним совладать. Когда дверь намеченной Буцаном квартиры отворялась, иеговист без приглашения проходил в комнаты, садился на свободный стул, начинал «вещать». Изумление, возмущение, гнев хозяев на него не действовали. Он продолжал свое. Не однажды нарывался Буцан на рослых мужчин, которые попросту выталкивали взащей незванного гостя. Однако это были, так сказать, издержки производства, Буцана не смущавшие. Громкий голос его, манеры юродивого, принимавшиеся темными людьми за признак «святости», иногда производили впечатление. Впрочем, гораздо чаще выведенные из терпения хозяин или хозяйка грозили милицией, дружинниками — тогда «свидетель Иеговы» немедленно исчезал. Контакта с представителями власти Буцан совершенно не переносил... Все же, как-никак, а кое-кого в секту он сумел завербовать, особенным успехом считал вовлечение в общину Валерия Комова — молодого человека, который охранял иеговистское собрание в день первого посещения его Сашей.

Комова сбила с пути несчастная любовь. Был он скромным пареньком, фрезеровщиком высокой квалификации, учился на заочном отделении техникума. Когда за соседний станок встала золотоволосая Ниночка Харитоновна, Валерий сразу понял: эта девушка — его судьба.

А (старая, как мир, история!) Ниночка любила другого, вскоре вышла замуж. С тех пор в душе Валерия что-то надломилось. Реже и реже посещал он занятия в техникуме, пока не забросил учение совсем; чтобы не встречаться с Ниночкой, перешел на другой завод, где установить былую репутацию отличного специалиста не сумел; старых друзей растерял, новых не приобрел. Начал попивать, надеясь в вине найти забвение. Буцан увидел его, чуть пьяного, в сквере на дальней скамье. Подсел. Разговорились. Как бывает иногда, горестный Валерий открыл сердце случайному собеседнику. Буцан постарался закрепить знакомство, втереться в доверие, пообещал молодому человеку «путь к счастью» — религия отвратит его от мыслей о Ниночке.

Полностью Комову пока не доверяли. Постепенно поручалось ему то одно, то другое дело, вроде тайной охраны противозаконного сборища, чтобы погуще замарать его, лишить возможности вернуться в семью честных людей. Виновный перед народом, Комов станет послушным орудием в руках иеговистов. Буцан любил похвастаться «будущим» Комова.

Тоньше других действовали Макруша и обученный им Крыжов. Исподволь, подробно разузнавали о семьях, застигнутых бедой: болезнью, несчастьем, внутренними распрями. Находили общих знакомых, незаметно втирались в такую семью. Мелкими услугами, «душевными беседами» приобретали доверие. От бесед переходили к чтению «теократических» книг, просили переписать «реферат» — мистическую, антисоветскую статейку. Постепенно вовлекали ничего не подозревавшую жертву в свои сети. Прасол и

Люба служили доказательством, что далеко не всегда усилия иеговистских агитаторов оказывались бесплодными.

Что касается Калмыкова, то он большие надежды возлагал на Петра и Ксану. Понимал: они — настоящие.

После свадьбы «пионер» укрепил знакомство с молодоженами, подружился. Встречали его хорошо, рассказывали о себе, своей работе, товарищах. Неведомый мир раскрывался перед Сашей. Его убеждали, что таких, как Петро и Ксана, не существует, они — выдумка, «советская пропаганда». И теперь Калмыков не раз ловил себя на том, что гораздо чаще слушает Петра и Ксану, чем пытается направить беседу по своему.

Впрочем, оправдывал себя — торопиться нечего. Действовать надо с большой, очень большой осторожностью, иначе испортишь все. До поры до времени ограничивался общими рассуждениями, рассказывал случаи из жизни — якобы своей, по которым выходило, что «в мире нашем есть еще немало таинственного».

Слушали его внимательно, порой — спорили, порой — соглашались.

Но вот неделю-две, как Саша приметил, что Петро ходит мрачнее тучи. Решил: долгожданный час наступает, приготовился.

Вскоре надежды оправдались — войдя в комнату, Калмыков увидел, что хозяева серьезно опечалены. Петро отмалчивался, но постепенно дружеское участие Саши подействовало, и он рассказал, что поругался с мастером, а тот мстит, не дает хорошей работы, зарплата уменьшилась.

— В этом месяце еле-еле удалось концы с концами свести, — признался Петро.

— А я говорю — иди в партком! — вставила Ксана.

— Не пойду, там без меня забот хватает.

— А я говорю — иди!!

Как видно, спорили и ссорились они давно.

— Да не волнуйся так, не стоит огорчаться по пустякам, — примиряюще сказал Калмыков.

— Хорошие пустяки, когда заработать не дают, — угрюмо откликнулся Петро.

— Не в деньгах счастье, надо о душе позаботиться.

— Мы в деньгах счастье и не видим, — обидчиво ответила Ксана. — Главное — справедливость.

— А душа причем? Что ты этим сказать хотел? — перевел разговор на другое Петро.

— Душа — высшее в человеке. Устремления его против земного, низменного.

— Почему ж, если земное, то обязательно низменное? — запротестовал Петро.

— А любовь, по-твоему, это тоже земное, низменное? — лукаво спросила Ксана.

Молодой супруг глянул на нее одобрительно.

— Любовь бывает всякая, — возразил Саша. — Выше нет любви, чем духовная. И жизнь, кроме известной нам, есть другая. Душа ее чувствует, к ней стремится.

— Загробный мир, что ли? — не скрывая удивления, спросил Петро.

— Так в него никто, кроме старых бабок, не верит, да и они — не все, — засмеялась Ксана.

— Напрасно так думаешь, — возразил Калмыков. — Не в загробный, а в духовный мир верят многие образованные и умные люди... Хочешь, прочту статью из журнала одного?

— Ишь ты! — заинтересовался Петро. — Давай.

Саша достал припасенный экземпляр «Башни стражи». Начал читать.

Петро и Ксана слушали внимательно.

— Нет! — воскликнул Петро, когда закончилось чтение. — Нет! Неправильно! Самим строить жизнь надо, ни на какого бога не надеяться. Человек гордый, сильный, свободный. Смиряться, жизнь свою в молитвах тратить, ему незачем... Брешет, кто писал...

— Он сам так живет. Потому и другим советует, — обиделся Калмыков, будто упрек во лжи относился и к нему.

— Может быть, — пожал плечами Петро. — Не в том дело. Не верующий, а вера вредна. Страх перед богом человека к земле гнет, рабом делает...

— Почему рабом? Признавая наличие высшей силы, человек обретает настоящую свободу.

— Свобода не есть безответственность, — начал горячиться Петро, а Ксана восхищенно поглядывала на своего избранника. — Человек сам, по-своему землю переделывает и в небо летает.

— Погоди, послушай.

Калмыков снова начал читать:

— «Члены новой земли уже не расколются на вражеские партии вследствие расовых, национальных или религиозных противоречий. Все то, что будет мешать вечному миру и единству, будет искоренено... Люди будут свободны от страха. Не будет никакой надобности в вооруженных силах для сохранения международного мира или даже местной полицейской власти, чтобы подавить преступления и сохранить порядок. Не будет миллионов безработных и бездомных людей. Навсегда окончится голод и засуха вместе с грабежами, ибо никто более не будет испытывать нужду. Земной шар, освобожденный от тех, которые разрушали его, примет новый вид, он будет преобразен в великолепие и красоту райского сада, какую себе представить не в состоянии человеческий разум...» Вот видишь!

Петро улыбнулся.

— Красиво наговорено, аж заслушаешься... Ну-ка, покажи журнал.

Взял «Башню стражи», внимательно перелистал.

— Напечатано, а подписи нет. Чего ему скрывать, если по совести пишет?.. Так и думал, вот адрес, глянь.

Показал Калмыкову страницу, на которой было четко отпечатано: «Бруклин. Нью-Йорк».

— Ну, и что? — как мог равнодушнее спросил Саша.

— Из Америки прислан.

— Пусть, беды не вижу.

— Вот чудак! Подумай, чего ради в Нью-Йорке о нас беспокоились! Не лучше ли им на себя оборотиться — ведь там, а не у нас, безработные, бездомные. Мы сами без них разберемся, какое им до нас дело? Сказано — мирное соревнование двух систем. Соревнование — мы его не боимся... Кто про эти молочные реки с кисельными берегами пишет, тот говорит, что ему подчиняться надо, божьему слуге. А народ наш без бога счастье построил и дальше строить будет. Американские проповедники нам не указ...

Петро даже запыхался от длинной речи. Большие глаза Ксаны сияли.

Простая логика Петра потрясла Калмыкова. В самом деле, откуда у мистера Натана Гомера Кнорра такая деятельная забота о жизни, мыслях и судьбе Петра? Кто звал в Советский Союз сектантского «миссионера»? Что-то не похоже Петро и Ксана на «ищущих света во тьме». Жизнь их богата и красива, а что им может дать «свидетель Иеговы» взамен? Отречение от счастья, от мира, от любви. Молитвы, составленные мистером Кнорром в далеком и чужом Бруклине?.. Разве нужен «духовный наставник» Марусе, которая никогда не теряет бодрости и веры в радость жизни?..

Впервые столкнулся с жизнью сектантский «пионер», и это столкновение отозвалось острой болью. Изоощренные рассуждения «теократической литературы» рухнули под напором простых и бесхитростных слов рабочего парня. Но ведь так думает не только Петро — так думают все в этой стране! Калмыков уже

достаточно разобрался в окружающей обстановке, чтобы понять: единоверцы его — лишь ничтожная группка среди огромного народа... И эта кучка должна перетянуть на свою сторону народ?..

Калмыков понял, что дальше продолжать беседу не может... Да и незачем продолжать... Жизнь мчалась мимо, как быстрый могучий поезд, в котором для Калмыкова места не было.

— Да, — негромко сказал Саша. — Какое им до нас дело?

Дальнейший разговор не клеился. Петро и Ксана переглядывались: их не оставляла одна и та же мысль. Калмыков понял. Сказал, будто раздумывая:

— Непонятно, откуда у Мишки журнал?..

— У какого Мишки? — облегченно воскликнул Петро. Он сам собирался задать такой вопрос «Геннадию».

— В одном доме со мной живет. Мишка Сомов. Он мне журнал дал. «На, говорит, почитай, любопытно». Я у него разузнаю.

— Правильно, разузнай, такое, сам понимаешь, оставлять нельзя. Может, даже органам сообщить следует.

«Вот, — тоскливо подумал Калмыков. — Вот как он рассуждает...» И сразу вспомнил недавний спор с Макрушей. Вспомнил, как говорили Макруша и Крыжов о своей ненависти к Советам... Неужели Петро опять прав?..

Вслух произнес:

— Пожалуй, следует... Пусть разберутся.

Посидев приличия ради еще с полчаса, начал прощаться. Уходил с тяжелым чувством. Больше никогда не вернется он в беленькую комнатку, где было так хорошо и уютно — впервые в жизни...

Возвращался Саша «к себе» от Петра через главную площадь Приморска. Обычно пустынная по вечерам, она сейчас, против обыкновения, была заполнена народом. Саша прикинул: собралось не меньше двух-трех тысяч мужчин, женщин, ребят. Стояли спокойно, лишь порой по толпе, как шквал ветра по морю, прокатывался нестройный гул. Сашу поразили люди — озаренные мягким светом, они соединяли в себе и гордость, и ласку, и удовлетворение, и еще какие-то оттенки теплых, хороших чувств. Чуть не каждую секунду то один, то другой поглядывал на небо.

— Что случилось? — не вытерпел Саша. — Почему?..

Пожилой мужчина в серой шляпе, которая съехала почти на затылок, коротко ответил:

— Спутник.

Глянул на небо, потом — на часы. Добавил:

— Скоро пролетит. Через минуту.

Фонари на площади погасли один за одним — кто-то выключил их, чтобы лучше наблюдать за небом. И оно сразу приблизилось, сделалось доступнее. Огромная масса людей замерла в радостном ожидании.

— Вон! — звонко разнесся над площадью ребячий голос. — Летит! Лети-и-т!

«Ах!», — одной грудью выдохнула толпа. Саше показалось, что зашелестели листья окружающих площадь многолетних тополей. Стало тихо-тихо, только пискнула где-то далеко потревоженная пичуга.

В небе загорелся круглый огонек. Свет его с каждой долей мгновения делался все ярче, ярче, ярче... Он был веселый, ласковый, задорный. Он летел плавно и быстро над Сашиной головой, над площадью, над городом, и город, затаив дыхание, следил за ним миллионом восторженных глаз.

Спутник пролетел. Он был теперь далеко от Приморска, где-то над новыми странами, материками, а площадь не пустела. Незнакомые запросто разговаривали между собой, чувствуя себя друзьями, самые сдержанные не стеснялись выражать свое восхищение.

Саша, все еще глядя вслед исчезнувшей красной точке, почувствовал, что его сильно трясут за плечо. Мужчина в серой шляпе сиял, переполненный радостью.

— Здорово! — кричал он, не отпуская Сашино плечо. — Вот здорово!

— Да! — искренне откликнулся Саша. — Замечательно.

— Наш! Советский! Нашими людьми сделан!

— Да, — уже другим тоном ответил Калмыков. — Да.

Сбросив с плеча чужую руку, пошел прочь...

Когда явился к Крыжову, там ждала новая неприятность. Буцан сообщил, что «Валерка», — имел в виду Комова, — требует Крыжова и что «с Валеркой неблагополучно».

Калмыков несколько раз беседовал с Валерием, симпатизировал молодому человеку. «Божественные» разговоры Валерий поддерживал охотно, задавал вопросы, интересовался. Семена веры, заброшенные в душу его иеговистскими агитаторами, вроде бы давали все более прочные ростки.

— Пусть войдет, — сказал Калмыков, выслушав сообщение Буцана.

— Может, не надо? — покривился «слуга килки».

— Чего не надо? Узнаем, в чем дело? — поддержал Калмыкова Макруша. — Мало ли...

Когда Валерий вошел, Калмыков не мог не подумать о том, каким жалким выглядит «брат». Худой, небрежно и неряшливо одетый, осунувшийся, Комов казался значительно старше своих двадцати пяти лет.

Он остановился посреди комнаты, переводя глаза с одного сектанта на другого. Встретившись с ним взглядом, Калмыков уловил в Валерии что-то новое, решительное, упорное.

Пауза тянулась долго. Крыжов, наконец, не выдержал:

— Что скажешь, брат? — пропел ханжеским голоском.

Комов тряхнул головой — вопрос вывел его из забытья. Негромко ответил:

— Ухожу от вас, брат Прохор... Совсем ухожу.

Краем глаза Калмыков увидел, как стиснул зубы Макруша. Быстро овладел собой, лицо стало безразличным. Спросил:

— Куда уходишь?

— Не знаю... К людям...

— От бога к людям, значит? — уточнил «слуга килки».

— К людям... Люди поймут, не оставят.

— Может, милку свою повстречал? — грязно ухмыльнувшись, вступил в разговор Буцан.

Валерий посмотрел на него. Во взгляде были презрение и жалость. Больше — жалости.

— Милка тут не причем. — Макруша постарался загладить гнусную выходку Буцана. — А знать интересно — почему?

— Долго рассказывать, — вздохнул Валерий. — Только не хочу я жить, как крот, в темноте, в страхе. А мир... он светлый... Я же молодой еще, у меня сил много... было.

— Мир большой, — проникновенно сказал Крыжов, — спастись-то в нем трудно. Мало кто спасется.

— Вот и получается... Вы учите только о себе, о своем спасении думать.

— Мы к тебе по-дружески, — возразил Крыжов.

— Он друзей забывать привык, — вставил Макруша.

Очевидно, Валерий давно недолюбливал его, потому что сразу озлился.

— Ты... божья щука, молчи! Из-за тебя я книги свои лучшие в печку побросал. Чехова — в печку! Бить меня за дикость надо, а ты... хвалил.

— Другие книги узнал ты, свет истинный увидел, — пел Крыжов.

— Истинный! Свет! Друзья мои по техникуму людьми стали. Трудятся, изобретают, мир видят. А я? Что познал я? Душа моя рабьей сделалась. В червяка меня превратить хотите — божьего червяка! Не выйдет, я — советский человек!

— Напрасно сердишься, — спокойно сказал Калмыков. — Гнев застилает тебе разум. Ты пришел к нам, когда нуждался в утешении, и получил его.

Комов опомнился.

— Прости, зря я раскричался... На тебя — особенно зря, я тебе только благодарен. С тобой беседа, все понял.

— Со мной! — ахнул Саша.

— Конечно! Ты мне про библию, восшествие Христа, про армагеддон и прочее рассказывал. Понял я — байки все. Прошло время богов, человек всему хозяин... Тебе тоже советую — уходи скорее. Брось их, мы молодые, нам дорога широкая.

Саша сидел ошеломленный. Так вот как воспринимались «божественные» беседы, которым отдавал он столько энергии! Изложение «основ» и «догматов» подорвало веру! Разве истинная вера слепа?! А что он, Калмыков, знает о современной науке? Современном мире?.. Красный огонек летит среди звезд, и

миллионы людей провожают его горделивыми взорами... «Я моряком стать хочу...» Кто это сказал?.. Ах, да, маленький Пашка...

— Ясно! — Макруша, не скрывая злобы, поглядел на Калмыкова. — Диспуты нам, друг любезный, ни к чему. Ты сейчас вроде не в себе. Иди домой, успокойся, обдумай. Мы еще побеседуем.

— Уйти — уйду. Беседовать мне с вами больше не о чем.

Не простившись ни с кем, Комов вышел. Минуту спустя, хлопнула калитка.

В комнате с низким потолком царило молчание.

— Выпить хочу! — вдруг хрипло произнес Буцан.

— Можно! — радостно откликнулся Крыжов. — Сестра Евстигнеюшка-а!

— К черту твою Евстигнеюшку! Где бутылка? — не спрашивая разрешения хозяина, полез в буфет, достал «столичную», налил полный стакан, не отрываясь, выпил.

— Чего это ты? — удивленно спросил Крыжов, следя за действиями Буцана.

— Так... Закусить дай.

— На полке — мясная консерва.

Буцан пожевал, утер рот тыльной стороной руки. Наклонился к Крыжову. Не отрывая глаз от его лица, спросил:

— Слушай, брат Прохор... мы свои здесь... По совести скажи: бог... есть?

— Есть! — твердо ответил Крыжов.

— И я верю — есть!

Калмыков поймал ехидный и насмешливый взгляд Макруши. Сказал:

— Мы живем для бога.

Буцан опустил голову. Какие мысли метались сейчас за этим низким лбом?! Наверно, и сам Буцан не понимал их. Не привыкший рассуждать и анализировать, лишь смутно тосковал об уходящей молодости своей, о прошлом, где кроме тупой веры, разврата не было ничего; о будущем, в которое даже не хотелось заглядывать.

Горько было на душе и у Калмыкова. Ведь он хочет добра людям — только добра! Почему же они не понимают его? Почему не зажигает других тот огонь, что горит в его сердце?

Где найти друзей, кому открыться?.. С особенной нежностью подумал о Любе. Она поймет, она думает так же, как Саша.

...Петро ждал «Геннадия» долго. Потом отправился к парторгу своего завода, рассказал про непонятного знакомого, про странную беседу с ним. Сообщение Петра дополнило то, что было уже известно в здешнем Управлении госбезопасности об иеговистском эмиссаре. Выследить субъекта, который однажды ночью спустился на парашюте возле местечка Н., оказалось нелегко. И все-таки, шаг за

шагом, сотрудники госбезопасности сумели установить его путь. Искали в нескольких городах, куда он мог отправиться. После рассказа Петра догадки обрели отчетливую форму — он в Приморске...

Петро и Ксана, ничего этого не подозревая, надеялись, что «Геннадий» вернется. Строили планы, как будут беседовать с ним.

Однако дни сменялись днями, а «Геннадий» так и не появлялся...

Глава тринадцатая

НОЧНОЕ УБИЙСТВО

Это был большой, сильный, храбрый человек. Единственным недостатком его оказалась непривычка к опасности. Когда из темноты неизвестный голос прохрипел «Руки вверх!», ефрейтор Сидорин на мгновение опешил.

Мгновения хватило. Сильная рука рванула его за кобур, вытащила пистолет.

Сидорин опомнился. Стараясь действовать хладнокровно, как учил инструктор по борьбе самбо, обернулся. Больше ефрейтор ничего сделать не успел. Его ударили ножом в грудь.

Дзакоев склонился над милиционером. Обшарил карманы. Вынул документы, деньги — рублей двадцать. Прислушался. Стояла глухая, полуночная тишина. Пустынная плохо освещенная улица уходила далеко, теряясь во тьме. Вокруг ни души. С одной стороны — сплошные ряды пакгаузов, которые примыкают один к другому, с другой — длинная, нескончаемая стена, ограждающая территорию порта. Вряд ли кто появится в этом глухом углу до утра. Недаром Дзакоев тщательно разработал план добычи оружия. Он понимал, что идет на риск, совершая убийство ради пистолета, но больше оставаться безоружным не мог — физически не мог! Особенно после болезни Любы, когда угроза ареста вдруг стала явной. Напав на милиционера, он, кроме оружия, захватывал ценные документы.

Впрочем, Дзакоев действовал в строгом соответствии с инструкциями, которые ему дали. Шпионов, посланных в Советский Союз, учат: ради настоящих советских документов не останавливаться ни перед чем, вплоть до убийства. Дзакоев понимал, что новое преступление ничего не прибавит к приговору, если схватят его как шпиона и диверсанта.

Обшарив карманы убитого, Дзакоев еще раз оглянулся, проверил, не осталось ли улики, и беззвучно, по-кошачьи, зашагал вдоль стены. Радостно ощутил в кармане рубчатую рукоятку пистолета. Впервые за последнее время почувствовал себя спокойно. В сторону трупа даже не оглянулся.

Изрядно поплутав по темным кварталам ночного города, чтобы замести следы, Дзакоев очутился возле судоремонтного завода в час окончания смены. Вместе с толпой рабочих, не привлекая ничьего внимания, сел в троллейбус. Проехал несколько остановок. Выйдя, остановился у перекрестка. Ждал. Надеялся поймать такси. Вместо такси из-за угла показался знакомый автомобиль. Дзакоев вышел на мостовую. Машина остановилась, чья-то рука распахнула дверцу. Дзакоев молча влез внутрь.

Вел машину Крыжов. Рядом с ним сидел Макруша. Они не поздоровались, ни о чем не спросили Дзакоева. Он тоже молчал. «Божьи люди» ничего об убийстве знать не должны — перетрусят до смерти. Дзакоев безошибочно оценил Крыжова, Буцана... Вот, пожалуй, Макруша... Но и ему лишнее болтать не следует. У них свои дела, у Дзакоева — свои. Хватит того, что «свидетели Иеговы» дали приют, укрыли...

Автомобиль мчался по широкому проспекту. В стекла застучали мелкие капли — начался дождь. Вскоре ливень хлестал вовсю. Тонкие усики Дзакоева задержались в довольной усмешке. Обстановка благоприятствовала преступнику. Шальной ливень смывает следы, уничтожит даже те ничтожные приметы, что остались возле убитого под глухой стеной. Дзакоев не побоялся риска — и риск оправдался. Так было всегда — жестокость, звериное чутье, решительность помогали вывернуться из самых лихих передряг. Теперь надо подумать: оставаться в Приморске или удрать в другой город. Наверно,— остаться. Где еще найдешь возможность жить нелегально — такую возможность предоставили ему иеговисты...

Автомобиль сбавил скорость, продолжая двигаться вперед сквозь хаос хлещущих струй. Центр города остался позади, ехали по окраинной улице мимо одноэтажных по-сельски вымазанных известкой домиков.

— Здесь, — Крыжов прервал царившее в автомобиле молчание. — Вот его дом.

— Спит, наверно, — отозвался Макруша.

— Нет, я предупредил, чтобы к четырем ждал.

— А как объяснил? — поинтересовался Макруша.

— Купил, мол, кое-какие вещи, у себя держать не хочу, чтобы лишних разговоров обо мне не было. Он поверил. Брат Федор за меня в огонь и в воду, — не без самодовольства ответил Крыжов.

Очевидно, объяснение Макрушу удовлетворило. Он прекратил разговор.

Только сейчас, прислушавшись к беседе, Дзакоев заметил на сиденье солидный тюк. Толкнув его кулаком, спросил:

— Что?

— Цигейка, — коротко ответил Макруша. Помолчав, добавил:

— Ночью получили, оставим у брата Федора.

— Не проболтается? — осведомился Дзакоев.

— Нет, — уверенно ответил Крыжов. — Наш теперь, не зря «крестили».

Опять тонкие усики Дзакоева удовлетворенно задвигались. Он понял суть комедии с «крещением» Прасола. «Окрестив» его, Крыжов нашел надежного и безропотного сообщника. Через некоторое время за Прасола возьмется Дзакоев. Сам того не замечая, Прасол начнет выполнять поручения Дзакоева, а там и превратится в сообщника шпиона...

«Как по заказу идет, — думал Дзакоев. — Пистолет, документы милицейские — цены нет. Стоило рисковать...»

Крыжов вылез из машины. Проклиная дождь, зашлепал по лужам к калитке. Она была не заперта и Крыжов понял — Прасол ждет. Пересек палисадник. Подойдя к дому, постучал в запертую дверь. Она тотчас отворилась. Тонкий луч света упал на крыльцо.

— Гаси свет! — прошипел Крыжов. — Ни к чему он.

Щелкнул выключатель. Прасол распахнул дверь, вышел.

— Здравствуй, брат. — Как всегда в таких случаях, Крыжов говорил сладеньким ханжеским голоском.
— Бог тебе в помощь.

— Спасибо, — сердечно ответил Прасол. — Помогай тебе бог. Зайди в дом ко мне, не побрезгуй.

— Не могу, брат, времени нет. А вот тючок тебе оставлю, сохрани, бога для.

— Сохраню, сохраняю... Ты же мокрый весь, зайди, обогрейся.

Крыжов, не слушая, вернулся к машине. Дзакоев подал ему объемистый, но легкий тюк. Крыжов неуклюже взбежал на крыльцо, сунул тюк Прасолу.

— Возьми. В комнате воду стряхнешь, положи, где посуше.

— Сделаю, все сделаю, брат Прохор, не сомневайся.

— Я тебе верю... А сейчас — прощай. Храни тебя бог.

— И тебя... Спасибо, что наведаль.

— Бога благодари, он всему голова... Прощай.

Крыжов ушел.

— Черт! Вымок весь, — ругался Крыжов, садясь в машину и заводя мотор.

Макруша и Дзакоев пропустили его жалобы мимо ушей.

— Откуда товар? — Дзакоев имел в виду только что переданные на хранение Прасолу цигейковые шкурки.

— От верного человека с торговой базы, — ответил Крыжов. — Не подведет, хотя бога истинного пока познать не сподобился. «Мурашковцем» был.

— Что еще за «мурашковец»? — Дзакоев похлопал ладонью по карману, в котором лежал пистолет. Настроение отличное, можно болтать о том, о сем. — Веры, что ли, другой?

— Ну да, — откликнулся Крыжов, не отводя глаз от освещенной фарами дороги. — У них вера не настоящая, матери Сиона поклонялись.

— Это, понимаешь ли, на Волыни началось, — продолжал «слуга килки» после паузы. — Давно дело было. Мурашко Иван, в поле гуляя, на Ольгу Кирильчук наткнулся. Она, стало быть, испугалась ну и — помертвела.

— А он? — похабно осклабился Дзакоев.

— Молчи! — рассердился Крыжов, поняв мысли Дзакоева. Снова заговорил, не в силах не блеснуть своими религиозными познаниями. — Из нее, омертвленной, стало быть, голос Христа донесся. Вещал голос, а Мурашко записывал. Трое суток вещал, потом замолк. Кирильчук воскресла...

— Регламент исчерпал, — не удержался от насмешливого замечания Дзакоев, конечно, ни на грош не веривший этой нелепо-фантастической истории.

— Ты, если слушать не хочешь, — скажи, — совсем обиделся Крыжов. — Не себе — тебе рассказываю.

— Ладно! — Дзакоев переложил пистолет в кармане так, чтобы тот давил всем своим весом на ногу. — Не злишь, я шучу.

— Шути, да меру знай.

— Хорошо, хорошо, дальше-то что было?

— «Мурашковцы», как и мы, старались советской власти не покоряться, в делах ее не участвовать, мирского соблазна бежать... А порядки у них наших куда строже. «Сестрам», что в общину вступали, на спине бритвой разрез делался, кровь в бутылки собирали, с водой смешивая, «братьев» крестили.

«А с «крещенных» деньгу гребли, — хотел сказать Дзакоев, но воздержался, чтобы окончательно не обозлить собеседника. — Из крови человеческой — деньги».

— Первой наложению креста Кирильчук подверглась, — продолжал тем временем Крыжов. — Потом... Потом разброд у них начался... Мурашко с деньгами общины в Аргентину-страну смылся, говорят, есть такая — далеко от нас... «Мать Сиона», Кирильчук. значит, во главе осталась, сама «апостолов», «святых отцов Сиона» назначила... Во время войны они хорошо жили; немцы не трогали, народ, который в горе, к ним за утешением шел... Потом — хуже и хуже... «Отцы Сиона» своим путем побрели, прочее все значения не имеет, не в нем суть. «Мурашковцы» который уж год, как от веры отреклись, про них ни слуху, ни духу, кто знал — забыл давно. Кончилась их вера, чего там себя обманывать... Себя не обманешь.

Макруша выслушал этот рассказ, в отличие от Дзакоева, без всякого интереса. Религиозные истории его не занимали. Главного — почему вошел в контакт с «мурашковцем», Крыжов не рассказал. Как и Дзакоев с иеговистами, «слуга килки» не слишком откровенничал.

А связь между двумя сектантами различного «толка» была тесная, взаимно выгодная и для «свидетелей Иеговы» и для тех, кто когда-то верил в «неземную мать Сиона» — аферистку Кирильчук.

Хотя «мурашковцы» и иеговисты, как водится, друг друга считали еретиками, вне религиозных дел между ними царило трогательное единогласие. Объединяла их ненависть к советской власти. Ненависть, сознание уходящей силы — вот главные чувства, сковавшие в одну цепь бесконечно далеких по рождению, воспитанию, прошлому «брата» Кирилла Сокольского и безвестного прохиндея Крыжова; отпрыска древнего самурайского рода Рамори сан и паразита Шаю Грандаевского; монахиню Агнессу и неудавшегося нэпмана Макрушу... Они никогда не встречались, не знали друг друга, но жили по одному закону... И когда видного «мурашковца», который в тот момент носил фамилию Луцык — свою настоящую он, наверно, и сам не помнил! — неведомыми путями занесло в Приморск, он встретился, быстро нашел общий язык с Макрушей. Крыжов сперва слышать не хотел об «еретике», Макруша настоял на своем. И Макруша отыскал для Луцыка рискованное, однако выгодное занятие. Луцык стал одним из верных людей, которых Макруша имел в других городах. Религиозное прошлое не помешало Луцыку стать отъявленным мазуриком...

— Да, не то нынче, — вздохнул Макруша, в тон последним словам рассказа Крыжова о «мурашковцах». — Трудно стало. Что ни год — тужей гайку затягивают.

Крыжов, сидя за рулем, незаметно ухмыльнулся. Он знал, что недавно Макруша потерпел такую неудачу, о которой вспоминал со скрежетом зубным, трясаясь от злобы. Сектантский деятель по совместительству занимался спекуляцией... Или спекуляция была основным занятием его, а искание бога — второстепенным?... Однако Макрушу не следовало принимать за вульгарного торговца трикотажными

кофточками, модными босоножками и тому подобной пустяковиной. Макруша «барахлом» брезговал, брался только за дорогой товар. Когда несколько лет тому назад вошли в моду чернобурки, Макруша немедленно начал скупать их и продавать втридорога. Верные люди пересылали ему и получали от него самые различные товары. Заграничный нейлон, дорогая мебель, меха, золото, валюта, автомашины, новейшие лекарства — вот с чем имел дело Макруша. Неделью тому назад ему прислали из Узбекистана «партию» ковров — неважных, грубой работы, к тому же довольно дорогих. Ни первое, ни второе, ни третье Макрушу не печалило: ковры в спросе, расхватают, какие есть, по любой цене. Однако — не расхватили. Буквально в тот же день, как на грех, появились в магазинах Приморска отличные недорогие ковры. Макруша еле-еле сбыл свой товар за полцены, потерпев убыток тысяч в десять. Скупого Макрушу такая потеря приводила в бешенство...

Машина, в которой ехала теплая компания, остановилась перед красным сигналом светофора на перекрестке. Крыжов оглянулся:

— Раньше, конечно, легче было, — пояснил он. — В таких делах, как твои, раздолье, ежели в магазинах ничего нет. Тогда — пользуйся. К примеру, мыло, спички, сахар — что на них сейчас наживешь? Ничего, они везде, где хочешь есть. А бывало тысячи зашибали.

Макруша вздохнул. Он и сам с тоской вспоминал первые послевоенные годы, когда стране было трудно, когда не хватало товаров, продуктов, когда в магазинах стояли очереди, когда не говорили «я купил», а «я достал». Бойкого дельца так и звали: «О, он доставала!». Именно в ту нелегкую для честного человека пору «доставалам» и спекулянтам было раздолье: масло, крупа, конфеты, не говоря уже о мануфактуре, обуви, трикотаже, — за что ни возьмись, можно продать и перепродать с изрядным барышом. Спекулировали книгами, ботиночными шнурками, резинками для дамских подвязок — всем, в чем ощущался недостаток. И скорбь Макруши по прошлому была понятна. Ведь сейчас все реже и реже мелькает среди покупателей мерзкая морда спекулянта: спекулировать ему нечем. А если чего и нет сегодня — будет завтра. Люди не хотят больше бросать зря свои трудовые рубли...

— Что было, то прошло, — равнодушно сказал Дзакоев, которого Макрушины невзгоды нимало не трогали. — Ты свое найдешь.

«Найдешь! — сердито подумал Макруша. — Не просто это — «найти».

После провала аферы с коврами, Макруша долгое время ходил сам не свой. Угнетала мысль, что за одним крупным поражением последуют новые. Советская власть наступала, и Макруша чувствовал: опять — в который раз! — планы его рушатся. Рушатся основательно, это он тоже знал по опыту минувших лет, минувших бед. И нового подходящего «дела» не предвиделось. Совсем расстроило его известие, что знаменитая в жульническом мире спекулянтка Раечка переменяла специальность, стала базарной гадалкой. В конце концов, чтобы, как он говорил, «оправдать убытки», Макруша решился на отчаянное предприятие. Цигейка, которую только что привезли к Прасолу, была краденая. Сложными и трудными путями ее воровали на заводе, передавали Луцыку. Луцык со знакомым проводником пассажирского поезда отправил тюк в Приморск. На вокзале груз приняла Люська, сдала в камеру хранения. Старуха вообще выполняла различные поручения Макруши, платил он ей хорошо. Сданный Люськой багаж ночью, перед уходом московского поезда, получил Крыжов. На поезд с тюком не пошел, вышмыгнул из вокзала к машине, где сидел Макруша. Затем мех попал к Прасолу, оттуда пойдет к надежному скорняку. «Легко ему говорить «найдем», — сердился Макруша на Дзакоева. — А с краденым свяжешься — того и гляди погоришь».

— Ладно! — вслух произнес Макруша, когда в светофоре зажегся зеленый огонь и машина, фыркая мотором, двинулась дальше. — Хватит вспоминать да жаловаться. Давай о деле поговорим. Устроить тебя на работу можно.

— Раз можно, то устраивай, за благодарностью не постою, — пообещал Дзакоев.

— В ту «забегаловку», что ты хотел, я тебя втолкну. Буфетчиком. Подходит?

— Подходит! — весело откликнулся Дзакоев.

Примеченная им «забегаловка» находилась не далеко от завода. Завести знакомство с кем-нибудь из рабочих там легче всего.

Дзакоев пристально посмотрел на Макрушу. Догадывается он или нет, почему Дзакоева интересует именно эта «забегаловка»? Черт его знает... Может, и догадывается.

— Я тебя с парнем, который назначениями по ресторанной линии ведает, сведу.

— Сведи. Здорово у тебя получается.

— Ты меня еще не знаешь, — самодовольно ухмыльнулся Макруша, отчего щучья физиономия его как-то перекосилась. — Я такие дела делаю, что — ого!

Макруша не хвастался. Этот плюгавый неприхотливый в еде и питье щучьего обличья человечешко по справедливости мог считаться спекулянтом общесоюзного масштаба. Правда, за Уральские горы сфера его деятельности не распространялась, но и европейской части страны ему вполне хватало. Протянуть свои щупальцы далеко от Приморска он смог благодаря собратьям по вере — там, где находилась община иеговистов, были и доверенные люди Макруши. Спекулянтов ловили, осуждали, но до Макруши пока милиция не добралась: своих сообщников он к себе не подпускал, действовал через третьих, а то и четвертых лиц. При аресте выдать настоящего главаря они не могли — никто из них Макрушу не видел, с ним не встречался. Свидания между сообщниками-спекулянтами тоже носили случайный характер. Друг с другом участники «операции» не связывались, каждый знал только одного сотоварища. Энергичный, волевой, опытный конспиратор, Макруша сумел оставаться ненаказанным.

«Да, повезло мне, что на такого человека натолкнулся, — подумал Дзакоев в ответ на заявление Макруши. — Без него — куда труднее было бы». И сказал:

— Один ты хорошие дела делал, а вместе мы с тобой... себя покажем. Ты только возле меня держись.

— Мне другой дороги нет... Да и ему тоже. — Макруша кивнул на сидящего впереди Крыжова.

— Какой дороги? — переспросил нерасслышавший Крыжов. — Вот он, твой дом, слазь.

Высадив Макрушу, двое поехали дальше, к родственнику «слуги килки», приютившему Дзакоева.

Близились утро.

Как всегда, Макруша долго не мог заснуть. Жил он беспросветной, угрюмой жизнью. Каждую ночь не было сна, а забывшись, Макруша то и дело просыпался, долго слушал: не идут ли? Стук собственного сердца казался шумом шагов на лестнице. Не идут ли?.. Если не пришли в эту ночь, что будет в следующую?..

В большой темной комнате он жил один. Когда-то были жена, дочь... Где-то они теперь?.. Однажды в продуктовый магазинчик, которым заведовал Макруша, нагрянула неожиданная ревизия. Макруша попросился выйти на минутку и... отправился прямо на вокзал. Обосновавшись в другом конце страны, первое время вспоминал оставленную семью, думал, что неплохо бы дать весточку о себе. Но это значило рисковать, навести на след. И страх быстро победил человеческие чувства к близким.

Потом он сошелся с официанткой ресторана, где служил калькулятором. «Лизавета Григорьевна», так звал ее Макруша, помогла забыть семью.

Когда пришла пора, он без всяких колебаний бросил «Лизавету», бросал не жалея и всех других зазноб, с которыми месяц, два, редко — год делил угрюмую судьбу проходимца...

И вот, когда перевалило за пятьдесят, Макруша остался один. Он лежал в темной комнате, никак не мог заснуть и против воли все прислушивался к далеким звукам. Не идут ли?..

Дзакоев спал спокойно. Спал без сновидений, даже во сне помня о пистолете, который лежит под подушкой, о «чистых» документах...

Дзакоев не знал и не мог знать, что его преследуют люди, которых не испугаешь ни пистолетом, ничем на свете. Пограничники, затем органы госбезопасности ценою многих усилий сумели установить, куда скрылся нарушитель границы.

Глава четырнадцатая

ЧЕЛОВЕК В ОТСТАВКЕ

Дверь военкомата захлопнулась. Прошлое как бы осталось там, за нею. Оно ушло и никогда не вернется вновь.

— Человек в отставке! — громко сказал Василий Сергеевич Приходько и поглядел на лацканы своего светлого пиджака, сшитого по последней моде. — А?..

Все документы получены. Отныне Василий Сергеевич — полковник в отставке.

— Человек в отставке! — снова повторил Приходько, прислушиваясь и примеряясь к необычным словам. — А если, — он оглянулся вокруг, как бы боясь, что кто-то стоит рядом и начнет возражать. — Если я не хочу в отставку?

— ...Не желаю! — сдержанно и убежденно говорил Василий Сергеевич секретарю райкома партии. — И никто не заставит меня дачки строить, помидоры разводить, как некоторые из нашего брата отставников делают.

— Согласен. — Секретарь в раздумье потер бровь. — Подыщем вам занятие, не беспокойтесь... Вы что умеете?

Приходько улыбнулся с легкой иронией:

— Командовать умею... Только, наверно, командиров у вас и без меня хватает... А еще... Ничего, вроде. Я ведь всю жизнь строевым офицером, со срочной службы.

— Да-а, — протянул секретарь. — К тому же здоровье у вас...

— Здоровье, как говорится, оставляет желать лучшего. Одиннадцать раз ранен, чуть к перемене погоды — с ног валит.

Секретарь вдруг оживился. С искренним удовольствием посмотрел на Приходько:

— Есть работа!

— Ну?

— Районную дружину возглавить. Прежний ее руководитель уезжает, вот и нужен туда боевой, с командирскими навыками и жизненным опытом, виды выдавший. У вас, — секретарь посмотрел на ряды орденских планок, приколотых к пиджаку Приходько, — все данные. Дружинником хотите стать?

— Я же говорю: куда погужь, туда посылайте. Лишь бы у жизни в отставке не очутиться.

— Такой, как вы, очутится! — с добродушной усмешкой сказал секретарь...

Вечером Василий Сергеевич явился в штаб районной дружины. Против руководителя полковника-отставника, в прошлом боевого офицера, никто не возражал. Сыграло роль и особое свойство Василия Сергеевича — быстро располагать к себе. Происходило оно оттого, что Приходько сам был расположен к людям, и это чувствовалось. Куда бы ни попадал Василий Сергеевич, он незаметно становился одним из первых в коллективе, с ним советовались, к слову его прислушивались.

Штаб дружины занимал большую унылого вида комнату, со столь же унылой разнокалиберной обстановкой: накрытый кумачом хлипкий стол, тумбочка из тех, что стоят в скверных общежитиях, несколько стульев, штук пять сбитых друг с другом театральных кресел, неизвестно как сюда попавших.

— Вот что, братцы, — сказал Приходько, познакомившись с дружинниками и оглядевшись. — Пенсия у меня большая, деньги девать некуда, так я для нашего штаба шторы и прочие гардины прикуплю, хоть пару вазонов с цветами достану, чтоб веселее было. А завтра все пораньше явимся, пыль вытрем, полы-окна помоем. Согласны?

— Зачем нам цветы да гардины? — возразил парень в спортивной куртке. — Здесь не ресторан.

— По-твоему, только в ресторане красиво должно быть? — возразил кто-то сзади. — Загибаешь, Сеня.

Сеня пожал плечами, и тем разговор окончился. Единогласно решили убрать завтра помещение штаба.

Приходько с удовольствием оглядел «свою гвардию», как он в мыслях полушутя-полусерьезно уже называл дружинников. Хлопцы и девчата, действительно, как на подбор: веселые, ясноглазые, brave. Штаб составляли более пожилые, старше себя Приходько не нашел никого.

Готовясь к выходу на патрулирование, молодежь перебрасывалась шутками. Особенно доставалось Сене, от него, как понял из разговора Приходько, вчера удрал мальчишка, который ехал на подножке трамвая да еще показал нерасторопному дружиннику на прощание язык. Сеня был настолько наивен, что сам поведал товарищам о комической неудаче, и дал пищу для насмешек...

Уходили один за другим патрули. Большая комната пустела. Наконец, остался один Приходько с дежурным по штабу.

Василий Сергеевич подошел к висевшему на стене плану города, начал его разглядывать.

Район действия дружины Приходько оказался немалым. Он примыкал к порту, тянулся вдоль моря, постепенно расширяясь, захватывал северо-восточную окраину Приморска. Входила в него часть центра и городской сад.

— Раньше в саду больше всего работы было, — сказал дежурный, подойдя к Василию Сергеевичу и становясь рядом с ним. — Пьяные, хулиганье драки затевали. Теперь — тишь да гладь. Основные объекты — возле кино, с перекупщиками билетов боремся. На центральных улицах, где движение большое, следим, чтобы правильно через мостовую переходили... Примечательных происшествий давно не бывало...

Однако в его дежурство случилось происшествие действительно «примечательное».

Длинный летний вечер начал переходить в ночь. Приходько давно кончил рассматривать план. Позевывая, сидел за столом. Думал о том, что скоро пройдет по району, проверит, как несут службу патрули.

Раздались торопливые шаги. В штаб влетели Сеня и его напарница по патрулю, тоже студентка, — Тамара. Оба взволнованные, задыхающиеся. У Сени расцарапано лицо, прическа девушки растрепана. Тамара держала в руке кожаную портфель-папку. Ни парня, ни Тамару не надо было спрашивать, чтобы понять: что-то произошло, причем — из ряда вон выходящее.

— Так! — давняя привычка к этому слову у Приходько сохранилась до сих пор. — Выкладывайте. Похоже, вам есть о чем рассказать.

Он не ошибся. Захлебываясь, перебивая друг друга, дружинники поведали следующее.

Они патрулировали участок Октябрьской улицы до городского сада.

С полчаса после начала их дежурства в саду появился средних лет ничем не примечательный мужчина. По одежде судя — иностранный моряк. Левой рукой прижимал к боку заурядную кожаную папку.

Ни Сеня, ни Тамара особого внимания на моряка не обратили. Иностранные корабли регулярно заходили в Приморск, экипажи их часто появлялись в городе.

Моряк неторопливо прошел в глубь сада. Присел на дальнюю скамью под раскидистым каштаном.

Когда дружинники дошли до конца своего участка и возвращались обратно, иностранец снова попался им навстречу — он выходил из сада. Но теперь папки с ним не было. Сеня и Тамара сперва удивились, потом встревожились. Объяснить себе, куда делась папка, они не могли, а что она была, парень и девушка прекрасно помнили.

В растерянности Сеня и Тамара переглянулись. Неожиданно Сеня заметил неподалеку в световом круге уличного фонаря невысокую фигуру. Человек нес в левой руке кожаную папку.

Сеня тотчас показал его Тамаре, и они вместе последовали за незнакомцем.

Человек шагал быстро, не оглядываясь.

— Гражданин, на минутку! — окликнул Сеня.

Тот притворился, что не слышит. Свернул в темный переулок.

Дружинники прибавили шаг, нагнали незнакомца.

— Погодите! — снова сказал Сеня.

Человек остановился. Грубо спросил:

— Чего еще? Делать тебе больше нечего? Проваливай!

— Мы — рабочая дружина. Просим вас зайти к нам в штаб, — сказала Тамара.

— Иди ты!.. — выругался незнакомец.

Это было уже слишком.

— Вот ты как! — воскликнул Сеня. — А ну-ка...

Что «ну-ка», проговорить не смог. Кто-то, незаметно подошедший сзади, ударом в висок сбил Сеню на тротуар. Первый раз в жизни встретившись с опасностью, Сеня, над которым вечно подсмеивались

товарищи, показал храбрость и самоотверженность. Палая, успел вырвать папку и прижать к себе, прикрыв добычу своим телом. Сверху на Сеню толкнули Тамару.

Девушка ушиблась, но не очень, быстро вскочила. Преступники удирали. Сеня лежал недвижимый. Женская жалость взяла верх над обязанностями дружинницы. Тамара склонилась к Сене, приподняла ему голову. Он с трудом открыл глаза, бессмысленно огляделся. Глухо проговорил:

— Куда бежали? Догоняй!

Конечно, преступников и след простыл. Внешность запомнили только одного: немолодой, среднего, даже ниже среднего роста, неприятный голос. Второго вообще не видели...

— Так. Опростоволосились, — заключил Приходько. — Штука-то ясная. Свидание в саду условлено заранее. Пока один темными делишками занимался, другой его «страховал» — в сторонке стоял, наблюдал, как бы чего не случилось. Поняли? Вы за первым пошли, второй — за вами. Пока вы разговоры разговаривали, второй подоспел и принял в дискуссии довольно активное участие... Не так ли, Сеня?

— Ох, — только и мог выговорить Сеня, приложив ладонь к виску.

— Ничего, парень, скажи спасибо, что жив остался. За битого двух небитых дают. В следующий раз осторожнее будешь, запомнишь, что бдительность всегда нужна — стой да оглядывайся. Ясно?

— Ясно! — в один голос ответили Сеня и Тамара.

— Люблю понятливых... Теперь давайте папку раскроем. Посмотрим, стоит ли она хоть треволнений таких.

Приходько потянул застежку-молнию.

— Ого! Библиотека целая! — воскликнул Василий Сергеевич.

Папка была набита до отказа. Пухлые журналы. Брошюры. Листовки. Ротаторные восковки с отпечатанным текстом. Патефонные пластинки...

Василий Сергеевич вынул наугад какую-то бумажонку. Прочел:

— «Брат Кнорр еще раз напоминает о необходимости не голосовать на выборах в Советы... Запрещено посылать детей в школу, участвовать в развлечениях, читать газеты и советские книги, работать на комбайнах, моторах, поездах...»

— И так далее и тому подобное... Инструктивное письмо из центра... Сектантская писанина нелегальная...

Тамара и Сеня только переглядывались.

— Писанина — писаниной, ее куда следует передадим, там разберутся, — продолжал Василий Сергеевич, — а нападение на дружинника при исполнении им своих обязанностей — дело серьезное. Уголовное преступление, и легкомысленно относиться к таким штукам нельзя. Ясно?

— Ясно! — хором отозвались «гвардейцы» Василия Сергеевича.

— И мы должны этих субчиков отыскать, — закончил Приходько...

«Субчиками», как назвал их Василий Сергеевич, были Макруша и Буцан. О встрече с иностранным моряком сообщил им Калмыков. А ему, в свою очередь, поручили сделать это инструкторы перед переброской в Советский Союз.

«Пионеру» был указан примерный срок прибытия в Приморск судна, в состав команды которого войдет связной. Название судна, пароль и отзыв Калмыков передал «слуге килки».

Сперва шло, как по писаному. Муж одной из сектанток служил матросом портового буксира. Она у мужа, Крыжов у нее узнавал, какие корабли под иностранным флагом бросили якоря в Приморске. Когда прибыл «Джордж Смит», сектанты приготовились.

Встреча проходила именно так, как предполагал Василий Сергеевич.

Макруша первым увидел иностранца, подошел, заговорил, обменялся условленными фразами — иностранный моряк владел русским языком не хуже Макруши. Буцан стоял на соседней аллее сада, зорко поглядывая, нет ли чего подозрительного. Появлению дружинников сначала значения не придал. Когда они бросились за Макрушей, обеспокоился. Макруша тоже увидел парня и девушку с красными повязками на рукавах, услышал оклик Сени.

Крыжов со своей машиной находился поблизости, за углом. Наводить дружинников на него Макруша не мог. Они записали бы номер машины, узнали чья, установили связь сектантов с иностранцами. Просто удрать от дружинников Макруша не надеялся. В добавление ко всему, злость душила его, заставляла терять самообладание.

Но угроза опасности действовала сильнее, чем злость. Макруша продолжал идти быстрым шагом, лихорадочно соображая, как быть дальше.

После оклика пришлось остановиться. «Вот привязались на мою голову! — бесился Макруша. — Проклятые!»

Не в силах сдержать себя, грубо ответил Тамаре, а это совсем ухудшило положение.

Выручил Буцан. Хитрый и по-своему сообразительный, он обладал инстинктивным чутьем, которое подсказывало правильное решение, когда затрагивались его интересы. Еще раз хорошенько осмотревшись и увидев, что в темном переулке, кроме него, Макруши и дружинников никого нет, «свидетель Иеговы» попросту хватил Сеню здоровенным своим кулачищем. Сеня упал. Буцан, не разглядев в темноте, что Сеня завладел папкой, сбил с ног и девушку, кинулся наутек вместе с Макрушей, который от страха почти ничего не соображал. Через десяток секунд они были в машине. Через полминуты — за несколько кварталов от места происшествия.

— Скверно. — Макруша еле переводил дыхание после пережитых треволнений и бега. — Очень скверно.

Он ругал себя, что согласился участвовать в рискованной аванюре. Подобные приключения никогда не привлекали Макрушу, он предпочитал обделять делишки без драк и волнений. Идти на свидание согласился лишь по необходимости — больше некому. Постороннему, непосвященному в тайные сектантские дела, такого не доверишь. Саша представлял слишком большую ценность, чтобы рисковать им лишний раз, к тому же у него было другое важное дело. В своей же тройке Макруша, Крыжов и Буцан роли распределили правильно: вовремя принятые Буцаном меры и автомобиль Крыжова помогли спастись.

— Папка где? — вдруг встревоженно спросил Буцан, глянув на Макрушу.

— Где?! Где?! — злобно и яростно передразнил Макруша. — Не видел, что ль, как он у меня выхватил.

— Да ты! Да как же! — Буцан не находил слов от волнения. Схватил Крыжова за плечо. — Назад!

Крыжов автоматически нажал на педаль, скрипнули тормоза. Тотчас опомнился:

— За решетку захотел?

— Дрянь дело, найдут литературу, — вздохнул Макруша.

— Найдут, — весь обмякнув, согласился Буцан.

— А найдут — у себя не оставят, — заключил Крыжов, отпустив тормоз и включая скорость.

— Может хоть Калмыкову повезет, — негромко сказал Буцан. — Он тоже должен...

— Должен, да не обязан, — с сердцем перебил Макруша. — Какого черта я только со всем этим связался! — Он забыл, что если бы не «все это», он не отыскал бы столько помощников для своих махинаций...

...Саша, которого вспомнила «достойная» троица, тоже был занят доставкой сектантских материалов.

Помогал ему Шая Грандаевский.

Глава пятнадцатая

КОНЕЦ ПУТИ

У иеговистов существует свой шифр, позволяющий передавать тайные известия в обычном письме. Такое письмо получил Крыжов: «Дорогой братец! Мы живем по-старому, мама живет по-прежнему, посылает тебе привет. Посылаем мы ей часто овощи наши, пищу, фрукты, хлеб, и ты пошли тоже. Если хочешь, и тебе можем послать фруктов и овощей, у нас много, урожай будет хороший. Вася и дети здоровы. Ты хотел устроиться в пекарню работать, напиши, устроился ли. Вообще напиши о себе, о жизни своей. Ян хотел к тебе приехать».

Для посвященного «семейное» послание имело свой смысл: «мама» — руководящий орган иеговистов, в данном случае «краевой комитет»; «пища», «хлеб» — иеговистская литература; «пекарня» — тайная типография; «Ян» — журнал «Башня стражи»; «овощи» — отчет о деятельности. Таким образом, письмо доводило до сведения, что «краевой комитет» требует регулярных отчетов, литературы и, в свою очередь, предлагает «Башню стражи», настаивает на организации подпольной типографии.

Прочитав многозначительное для посвященных письмо, Калмыков понял, что пора ждать гостинца из-за рубежа. «Почтовым ящиком» служил Грандаевский.

Для связей с внешним миром, особенно с зарубежными «братьями», иеговисты могут использовать людей, совершенно посторонних «свидетелям Иеговы». Единоверцев стараются от риска уберечь, поручают им такие задания, которые чужому доверять нельзя. Что мог показать Шая Грандаевский, если бы его арестовали? Ничего. Он не знал ни агента, который явился с приветом от Абы Дайца, ни цели его приезда. Арестованный, он для иеговистов не представлял опасности. Все это учили, когда «там» намечали, к кому должен «пионер» явиться в первый день пребывания в Приморске. Кандидатура Грандаевского, представленная его бывшим приятелем Абой Дайцем, оказалась наиболее подходящей.

Грандаевский об этом, конечно, не знал. Шая давно пришел к выводу, что обещание переправить его за границу лживо, с неизвестным человеком он никогда больше не встретится. И, вторично увидев Калмыкова на кладбище, Шая помрачнел, глаза его стали злыми.

— Что-нибудь случилось? — встревожился Шая.

— Где? — спокойно спросил Калмыков.

— У... у вас?

— У меня?.. Все в порядке. Просто нужна ваша помощь.

— Опять?! Вы же сказали тогда, что нужен только приют.

— Не всегда выходит по-нашему. Да вы не волнуйтесь, дело — пустяк,— постарался успокоить его «пионер».

На опухшей небритой щеке Шаи задрожал мускул.

— Вот что, как вас звать не знаю, — грубо сказал Грандаевский. — Не буду вам помогать и все! Не буду. Отвяжитесь раз и навсегда!

Калмыков тоже рассердился. Этот человек каждый раз вызывал в «пионере» недоброе чувство. Так было с первой минуты встречи, так стало и сейчас.

— После того, как вы мне однажды помогли, слово «не буду» исключается, — ответил Калмыков на резкую реплику Шаи.

Шая понял, что он прав. Согласился раз, будешь покорен до конца.

Грандаевский молчал. Молчал и Саша. Ему стало чуть жаль Грандаевского — несчастного, опустившегося.

Моня подошел к ним, хотел заговорить с Шаем.

— Убирайся прочь, несчастный! — огрызнулся Шая. — Проваливай!

Саша понял подтекст этих слов: Грандаевский смирился.

— Ну вот, — сказал Калмыков таким тоном, будто никакого спора между ними не было. — На ваше имя скоро придет посылка от Юлиана Турчака из Варшавы. Получите ее и не вскрывайте. Поставьте на подоконник вашей комнаты какой-нибудь предмет: бутылку, лампу, кувшин, — что хотите. Тогда я приду.

— Понимаю, — упавшим голосом ответил Шая. — А что там, в посылке?

— Разные вещи, — неопределенно ответил Калмыков. — Обыкновенные. Кое-что перепадет и вам...

Посылка прибыла. Шая сделал все, как было приказано.

В тот же вечер явился Калмыков.

Грандаевский со страхом глядел, как он распаковывает фанерный ящичек. Шая боялся увидеть адскую машину, оружие, бог знает что... Но неизвестный Юлиан Турчак из Варшавы прислал Шаю большую целлулоидную куклу, такой же большой, пестрый волчок, метра три плохонького ситца, несколько крупных пакетов немецкой фотобумаги, галстук, дамскую сумку — все далеко не первого сорта.

Шая обалдело рассматривал содержание посылки. Никак не мог взять в толк, зачем понадобилось посылать из Польши дребедень. Удивление его достигло крайних пределов, когда Калмыков распорядился подарками Юлиана Турчака:

— Вот это, — отложил куклу, волчок и бумагу, — мне, остальное вам.

И не прощаясь, ушел.

Когда дверь за ним захлопнулась, Шая несколько минут бессмысленными глазами разглядывал ситец, галстук, сумочку. Галстук даже понюхал. Так ничего и не понял. Вздохнув, пожал плечами, спрятал неожиданные подарки в чемодан...

Итак, Грандаевский занял место в иеговистской «цепочке». Его сделали штатным «почтовым ящиком», через который переправляется в Советский Союз нелегальщина.

Шае было невдомек, что кукла, волчок, конверты с фотобумагой — своеобразные посылки в посылке. Придя к себе, Саша разломал игрушки, вскрыл пакеты. Кукла и волчок были набиты листовками, состряпанными в виде «писем к верующим и сочувствующим». Вместо фотобумаги в пакетах оказались экземпляры журнала «Башня стражи».

Главное было не в них. На ноге куклы Калмыков отыскал ярлык с названием магазина и ценой игрушки. Бережно отклеил пестрый кусочек бумажки, достал из укромного места в коридоре флакон с густой жидкостью, смазал ею обратную сторону ярлыка. Тотчас на покрытой клеем бумаге начали проступать неясные знаки. Постепенно делались отчетливее, превращались в буквы и цифры, лишенные для постороннего всякой системы, расположенные кое-как. Потребовалось около часа напряженной работы, чтобы хаос цифр и букв превратился в короткие слова приказа: всемерно расширять влияние, посылать подробный отчет о сделанном, о настроениях в Советском Союзе, о людях, вовлеченных в секту, об услышанных разговорах... Был даже вопрос, повергнувший Калмыкова в недоумение: что из спиртного и сколько обычно заказывают в кабачках той местности, где находится «пионер»... «Непонятно, какое отношение имеет это к религии?» — подумал Саша...

Почти машинально убрав разломанные игрушки, Калмыков взял журналы, листовки, флакон с жидкостью для проявления тайнописи, вынес в коридор. Здесь он устроил небольшой тайник — под половицей вырыл ямку, потом установил доску на место. Гвозди, которыми прибита половица, остались, сверху все выглядело совершенно невинно. Был еще в коридоре люк, ведущий в подвал. Калмыков как-то хотел слазить туда, осмотреть подземное помещение. Люська не разрешила. «Много будешь знать, скоро состаришься, — сказала она. — Когда надо, я тебя сама поведу, до того — не лезь». Ссориться со старухой не хотелось, больше о подвале не заговаривал...

Бережно прикрыв тайник, Саша глянул на часы. Ого! — время прошло быстро, очень быстро.

Пора к Любе, да поскорее. Если Саша задержится, она начнет беспокоиться. И, отложив все дела, он заторопился в больницу.

Боясь опоздать, взял такси, приехал как раз вовремя...

Саша посещал девушку регулярно, приносил ей небольшие подарки — цветы, сладости. Крыжов, боясь влияния Саши на Любу, как-то потребовал: «Погоди в больницу являться». Саша ответил, как отрубил: «Хожу и буду ходить». Крыжову ничего не оставалось, как смириться.

Благодаря сильному молодому организму, а может, в какой-то мере и благодаря Сашиным визитам, здоровье Любы быстро шло на поправку. С воспалением легких, полученным после «крещения», удалось справиться быстро. Васильковская не отступилась от Любы. Узнав, что девушка снова в больнице, Васильковская сразу перевела ее в отделение, которым заведовала. Что касается шустрой Маруси, то неунывающая деваха выздоровела и уже успела прислать Любе два письма: приглашала подругу к себе в колхоз, передавала приветы «твоему симпатичному», подразумевая Сашу.

Люба радовалась каждому посещению Саши. Когда они были вдвоем, время текло незаметно. Болтали обо всем, что придет на ум. Люба рассказывала о себе, отце, матери. Саша жадно слушал... Всякий раз молодые люди неожиданно и с сожалением замечали, что часы свидания кончились, пора расставаться.

Так было и теперь — два часа в палате Любы пролетели, как несколько минут.

После долгого прощания, Саша, наконец, вышел в коридор. Тут его остановила женщина в белом халате. Саша сразу узнал ее — Васильковская. Вместе с каким-то инженером приходила за Любой в памятный день «крещения».

Она, оказывается, тоже знала Сашу.

— Погодите, молодой человек, — сказала Васильковская. — Мы должны побеседовать.

— Пожалуйста, — вежливо ответил он.

Ирина Григорьевна оглянулась. По коридору то и дело сновали люди. Ни стула, ни скамьи поблизости не было.

— Зайдемте сюда.

Вошли в пустой кабинет. Резко пахло лекарствами. В углу — медицинские весы, стены увешаны таблицами.

Калмыков обождал, пока женщина села, сел сам.

— Меня зовут Ирина Григорьевна...

— Да, я знаю, — ответил Саша. — Люба много говорила о вас...

— Ну, уж и много... — улыбнулась Васильковская. — Вот о вас — действительно вспоминает каждый день... Оказывается, вы довольно действенный лечебный фактор. — Усталые глаза Ирины Григорьевны потеплели, в них мелькнуло давнее воспоминание о своем, интимном. Саша покраснел. Заметив, Васильковская постаралась принять официальный вид.

— О Любе мне и надо с вами побеседовать. Надеюсь, вы ей поможете.

Саша взволновался:

— Что случилось? Почему она нуждается в помощи?

— Сейчас узнаете. Сперва — несколько вопросов. Вы — родственник Любы?

— Н-нет...

— Признаться... — Васильковская чуть улыбнулась, и Саша опять покраснел, — признаться, я об этом догадывалась. Но вы ее друг? Настоящий друг, да?

— Да! — твердо ответил Саша. — У меня нет человека, роднее ее.

...Большой мир, огромный мир — страны, города... И в этом мире ты — один... И еще... бог...

...А потом приходит человек, становится тебе дороже всего на свете... Дороже бога?! Нет, не надо об этом!..

— Я ей настоящий друг! — повторил Саша.

— По-моему, — задумчиво сказала Васильковская, — у Любы к вам точно такое же чувство. Я — женщина, а женщины подобные вещи замечают быстро, безошибочно. К тому же, я ее врач.

Саша сиял от счастья, слушая Ирину Григорьевну. Он смотрел на губы Васильковской, боясь потерять хоть слово.

— Еще один вопрос, последний... Или не последний, все равно. Вы давно знаете Любу?

— Давно! — решительно ответил Саша. Ему казалось, что он и Люба знакомы всю жизнь — такими близкими они стали. — Хотя... Простите, недавно, месяцев восемь.

— Ну, это и не мало... Она никогда не рассказывала вам о своих знакомствах, взглядах на жизнь, о том, что привело ее в больницу?

Калмыков насторожился. Инстинкт преследуемого, чужого среди чужих, неприятное чувство, которое возникло с первой минуты на советской земле и с тех пор не проходило, — это чувство холодом сжало сердце. Искося глянул на Ирину Григорьевну. Ответил, как Грандаевский, вопросом на вопрос:

— В чем дело? Какое это имеет значение?

Сказав, поразился простой и неприятной мысли: почему все время приходится хитрить с людьми, желающими ему только добра, — с шофером, что вез в Григорьевку «к больной матери», с соседом по купе поезда, с Петром и Ксаной, теперь вот с Ириной Григорьевной, которая много сделала и делает для Любы, а значит, для него. Он обманывает их, кривит душой... А с Крыжовым и прочими откровенен... Они — свои, единомышленники и единовѣрцы...

«Не надо, не надо об этом!» — в который раз мысленно повторил он. Прислушался к словам Ирины Григорьевны.

Васильковская не заметила встревоженного голоса Саши. Веско сказала:

— Значение — большое. Девушку похитили из нашей больницы, довели до нервного расстройства, чуть не убили.

Калмыков не ответил. Не мог сосредоточиться. Не мог, как следует, осознать сказанное Васильковской.

— Как это произошло? — в конце концов глухо произнес он. — Кто вам сообщил?

— По-настоящему, никто. Я обдумала все, что говорила Люба в бреду, что удалось узнать у нее урывками во время наших бесед... В первый раз Любу поставить на ноги не удалось, мы ее выписали, как хроника... неизлечимую.

— Знаю.

— Можете понять ее состояние тогда! Она еще не видела жизни, а думала, что жизнь кончена...

— И вот, — продолжала Васильковская после короткой паузы, — мы сделали непростительную ошибку: забыли о Любе. Школьные подруги однажды заглянули к ней, пообещали помочь наладить учебу и... больше не явились. Не наведались к ней из райкома комсомола, из больницы нашей... Осталась Люба одна, совсем одна...

По коридору кто-то прошел — быстрыми, уверенными шагами. Ирина Григорьевна подождала, пока шаги затихли.

— Вместо нас явились сектанты. Они читали «священные книги», рассказывали душеспасительные истории... О, они умеют влезть в душу! День за днем, капля за каплей отравляли сознание больной, из-за

болезни неуравновешенной девушки. Недуг, тоска, постоянные нашептывания святош сделали свое дело...

— Позвольте! — не выдержал Калмыков. — Но!.. — Сразу спохватился, продолжал спокойнее. — Но ее можно понять. Медицина от нее отказалась, религия давала надежду. И не напрасно — Люба выздоровела.

Ирина Григорьевна чуть улыбнулась.

— Нам всегда хочется оправдать близкого человека... Послушайте дальше — как «отказалась» от нее медицина и как «выздоровела» Люба. Один новосибирский врач предложил новый метод лечения болезни, которой страдает Люба. Мы сразу вспомнили о Кравченко, взяли ее к себе. Месяца через два она уже делала первые шаги по палате. Но произошло отвратительное и неожиданное. Тетка ее стала требовать девушку домой. Мы отказались — пока не кончится лечение. Однажды под вечер приехали на машине и попросту увезли Любу, прямо в больничной одежде... Знаете, зачем? Трудно поверить, но это так, мне стало ясно из ее рассказа. Сектанты инсценировали ее «выздоровление» во время одного из их молений...

Теперь, много месяцев спустя, понял Саша значение ухмылок и недоговорочек Крыжова в рассказе о будущем «сестры Любы».

— Мы разыскали Кравченко, — продолжала Ирина Григорьевна, — но она отказалась ехать с нами... А к вечеру того же дня очутилась на больничной койке.

— Простыла, — сказал Саша и вспомнил, как искрение, пламенно верил, что «крещение» Любе поможет.

— Как врач, я утверждаю, что если бы Любу раньше времени не взяли из клиники, она была бы здоровехонька...

Что мог Саша ответить?

— самого скверного вы еще не знаете, — продолжала Ирина Григорьевна. — Мне удалось побеседовать с ее теткой и, по-моему, я нашла правильную разгадку всей истории. Мария Тимофеевна сказала, что у Любы на сберкнижке лежат двадцать пять тысяч, оставшихся от продажи домика ее родителей. Любу вовлекают в секту, надеясь выманить деньги...

Саша слышал голос Васильковской, как бы издалека, почти не видел ее лица. Перед ним стояла бабья физиономия Крыжова. Шлепая губами, «слуга килки» говорил: «Жирный интерес с этого дела получится, тут ба-а-льшие тысячи добыть можно». Гнев, ненависть, стыд захлестывали Сашу. Вспомнил маленькую фигурку Любы на морском берегу под холодным ветром...

...Вспомнил несчастного Геннадия Карпенко, у которого отняли разум...

...Беседы с Петром и Ксаной.

...Валерия...

...Маленького Пашку, который хочет быть моряком.

...Полет спутника в бескрайнем вечернем небе.

...Все, что пришлось увидеть и пережить в Приморске.

— Не расстраивайтесь, — ласково сказала Васильковская. — Думаю, все обойдется. Люба умная девушка, с нею можно говорить серьезно. Болезнь повлияла на нее, сделала склонной к истерии, травмировала психику... Но, поверьте, это непрочно. Изуверская «философия» по природе своей противна молодому сердцу. Я не раз говорила с Любой по душам, и она теперь на многое смотрит иначе.

— Изуверская «философия», — негромко повторил Калмыков. — Дело не в ней, а в чувствах. Вера дает силы.

— Нормальное чувство, — возразила Васильковская, — не принимает ненависть к разуму, которая характерна для всякой религии. Вред и от служителей бога, и от веры в него. Не будь Люба религиозной, она не попала бы в лапы мошенников. В религии есть обманщики, обманутые и те, кто искренне заблуждаются. К последним принадлежит Люба. Надо показать ей, как неправа она в своих религиозных настроениях. Только не вздумайте, как иногда делают неумные агитаторы, смеяться над ней. Поговорите дружески, хорошо, ласково.

— Дружески, ласково. — Он не мог собраться с мыслями.

— Вы когда-нибудь читали антирелигиозную литературу? — спросила Васильковская.

— Я? Нет, — растерянно сказал Калмыков, оторвавшись от дум.

— Напрасно, — осуждающе покачала головой Ирина Григорьевна. — Иногда полезно. Будь Люба, как в наше время говорили, «подкованнее», может, по-другому все сложилось бы.

Строго поглядев на собеседника, добавила:

— Откровенно говоря, я подозревала, что вы никогда не интересовались религией.

Калмыков невольно улыбнулся. Он мог сто очков вперед дать доктору Васильковской в обсуждении религиозных догм.

— В мое время устраивались диспуты с церковниками, мы разоблачали религию не вообще, а хорошо зная слабые места своих противников. — Васильковская поднялась со стула — Я огорчила вас? Ничего, не падайте духом. Кравченко молода, неглупа, и я верю, что вы вырвете ее из религиозной паутины. Но смотрите, — сделать это надо, жизнь ее зависит...

Саша молчал, глядел в пол. Вырвать Любу из религиозной паутины, в которой она запуталась!.. Религиозная паутина, говорит врач — умный, образованный, искренне расположенный человек. А встречал ли Саша людей, искренне к нему расположенных?..

Поднял глаза, ответил:

— Я должен... Спасибо вам...

— За что — спасибо? Это моя обязанность — коммунистки, врача, наконец, просто честного человека.

— Да, — сказал Саша. — Конечно, каждый честный человек обязан вмешаться... Простите, вам, наверно, пора идти?

— Мы поговорили обо всем, что я хотела вам сказать... До свидания.

— До свидания...

Медленно брел Саша «домой», машинально поворачивая с улицы на улицу, почти не понимая, где находится,

Калмыков ощущал себя призраком, который скользит мимо настоящих людей, невидимый и никому не нужный. Он не существует — у него нет ничего, что должен иметь человек: родины, имени, семьи, профессии, своего жилья, нет даже настоящих документов. Призраком пройдет он сквозь жизнь и растает, оставив единственное воспоминание о себе — пыльную пачку бумаг в архиве контрразведки...

Такая же призрачная доля ждет Любу — «свидетельницу Иеговы». Скитания по нелегальным квартирам. Боязнь выйти на свет. Вспомнил Люську, пьяные проклятия ее тем, кто толкнул честную девушку на преступный путь. Неужели Люба тоже превратится в одну из психопаток, что посещают сектантские сборища, в «человека с двойным дном», в пьяную старуху?!

Почувствовал, что не может дальше идти, надо присесть где-нибудь, передохнуть. Свернул в городской сад.

Солнце ушло к закату, тени стали нечеткими. Кончились рабочие часы, желающих отдохнуть в саду было много. Звенели детские голоса, шелестели газетами старики, папаши и мамы окликали ребятишек. Издалека неслась радиопесенка. Саша глядел на мирную картину городского вечера, спрашивал себя: зачем он, Александр Калмыков, здесь? Что нужно ему, чего он добивается?

Одна из основ иеговистского учения — вера в грядущую войну «армагеддон»... Огненный бич, божья кара, которая обрушится на «еретиков». На мать с ребенком, на девочку, что гоняет обруч по аллеям, мелькая исцарапанными коленками; на Петра и Ксану; на веселую Марусю — на всех, на тысячи, сотни тысяч, миллионы: ведь они безбожники! Саша должен радоваться их гибели, помогать приближению войны — не этим ли объясняются загадочные вопросы, присланные из центра? А кто прислал их? Кто командует «пионером»? Кто помогает ему, кого оставит в живых армагеддон — не только оставит в живых, даст возможность распоряжаться миром? Буцана! Макрушу! Крыжова! Они — единоверцы Саши. Как попал он к ним? Почему оказался «свидетель Иеговы» Джон в «колледже свободы», где воспитывались террористы и диверсанты? Почему в школе «пионеров» Калмыкова обучали не столько религии, сколько подпольщине? Где правда? В чем цель жизни? Почему сердце его тянется к тем, кого должен он ненавидеть всеми силами души?..

Многие люди, с которыми довелось встретиться за последние месяцы, проходили перед мысленным взором Калмыкова, и каждый из них теперь представлялся в новом свете. Исковерканное умелой обработкой сознание убежденного иеговиста цеплялось за старое, а мысль честная, виденное и слышанное брали свое. Почти физически ощущал Калмыков — разрывается душа его в невыносимом разладе...

Здесь, среди спокойных и мирных людей, Саша чувствовал себя лишним, чужим, будто люди могли проникнуть в злобу иеговиста, в его темное сердце.

После многолюдного веселого сада жилье Калмыкова казалось особенно убогим, неприглядным. Пахло безлюдьем, выморочностью. Скрипели доски пола, вдруг что-то сыпалось с потолка. Бормотала в своей комнате Люська — в обычном «вечернем» состоянии.

Калмыков опять и опять вспоминал всех виденных, встреченных за месяцы пребывания на советской земле и яснее ясного убеждался, что никто из настоящих людей не станет единомышленником

«свидетелей Иеговы». Только такие, что ходят на моления, верят Крыжову, присланным из-за рубежа статейкам и рефератам. Как бы ни мечтал «пионер» найти порядочных людей, им с Крыжовым, Буцаном, да и Калмыковым не по пути.

А Дзакоев? Что такое Дзакоев? Какие-то неуловимые, мимолетные черточки в его повадках то и дело заставляли Калмыкова вспоминать «колледж свободы», его инструкторов и воспитанников. Откуда взялся Дзакоев? Что ему нужно в секте? И, главное, почему он так быстро сошелся с сектантской головкой, с которой Саша никак не найдет общего языка?..

...Желтый свет включенной лампочки подчеркнул убожество, грязь, запустение.

Саша присел к столу, но почти сразу же вскочил, зашагал из угла в угол.

Бывают мгновения, которые переворачивают жизнь. Подобное происходило с Калмыковым. Все виденное, слышанное, пережитое за последнее время, все, что незаметно, исподволь накапливалось в его сознании, теперь властно заявило о себе. Любовь, тревога за любимую, беспокойство о ее будущем стали лишь непосредственным выражением чувств, которые завладели им...

Трудно объяснить, откуда взялись причины, толкающие нас на решительный поступок. Даже самая большая река берет исток свой из маленького, незаметного ключика. Дальше и дальше струится ручей, сливается с другим и вот он уже — река! Могучая, сильная, которая клокочет среди порогов, сокрушает и уносит прочь преграды, воздвигнутые на ее пути...

Вечер кончился. Затихло пьяное бормотание Люськи. Городской шум слабел и сильнее стали слышны гудки порта — протяжные, зовущие. Ночь вступила в свои права.

От дум, волнения лихорадило. Однако Калмыков был энергичен, силен, как никогда. Он принял важное решение. Он готовился к поединку, который круто переменит Сашину судьбу.

И судьбу Любы тоже...

Глава шестнадцатая

ПО СЛЕДУ

Саша пошел к Крыжову. Надо было, не мешкая, разузнать дальнейшие планы «слуги килки» и его дружков.

В доме на Загородной ничего не изменилось. Заведенный распорядок оставался незыблемым: остервенело гавкал у ворот пес, Евстигнeюшка, как и прежде, гремела засовом. Хозяин с компанией сидел за столом, выпивая и закусывая. Казалось, они обречены каким-то таинственным заклeтием не отходить от стола ни днем, ни ночью, непрерывно лить в себя водку.

Настроение сегодня было минорное.

— В чем дело? — спросил Саша, видя, что общество не в духе.

Крыжов только махнул рукой, налил себе коньяку. Выпил, поморщился. Прoделав все это, рассказал о происшествии с папкой и дружинниками.

Дзакоев, хотя и знал до мелочей подробности неудачной операции, слушать о ней равнодушно не мог. Его бесило, что Крыжов даже такое, с точки зрения Дзакоева пустяковое задание, не выполнил как следует.

Дзакоев вскочил, заметался по комнате. Бросил через плечо:

— Идиот! Какой идиот!

— Это кто же идиёт, хотел бы я знать? — Крыжову надоело высокомерное отношение Дзакоева. Из всей сектантской троицы Дзакоев благоволил только к Макруше, остальных откровенно презирал. Терпение Крыжова лопнуло, он решил осадить Дзакоева. Вдобавок «слуга» был зол после пережитой опасности и пьян сильнее обычного. — Говори, голубок, прямо, не стесняйся.

— Ты! — Дзакоев подскочил вплотную, дыша ненавистью, глядя бешеными глазами в глаза Крыжова.
— Ты идиот!

— А ты сволочь!

Крыжов вскочил. Дзакоев подумал, что собеседник от слов хочет перейти к действиям. Решил опередить его, с размаха стукнул иеговиста по физиономии. Крыжов полетел в угол. Буцан бросился выручать «брата», обхватил Дзакоева, но не удержался и свалил его весом своего массивного корпуса. Сцепившись в один клубок, Крыжов, Дзакоев, Буцан начали кататься по полу. Сшибали мебель, перевернули стол. Посыпались бутылки и посуда. Тарелка со студнем упала прямо на голову «слуге килки», тот ошалело заморгал глазами-копейками.

На шум прибежали Евстигнeюшка и вечная посетительница Крыжовского дома Люська. Евстигнeюшка заохала, запричитала. Люське будто даже понравилось. Признаков испуга она не проявляла, громко посоветовала: «Давай, мальчиша, наяривай!».

«Этих скотов я считал братьями духовными! — с горькой насмешкой над самим собой думал Саша. — Как слеп я был».

Буцан с Крыжовым не дрались, пробовали покрепче схватить Дзакоева, тот понял: одному с ними не справиться. Быстрым ударом по лицу отбросил Крыжова, пнул Буцана в живот, отчего тот согнулся едва не пополам. Освободившись таким образом, Дзакоев вскочил на ноги, сунул руку в карман. Тонкие усики его вздрагивали, рот ощерился, показывая мелкие острые зубы.

Калмыков понял: сейчас произойдет убийство. Макруша, который до сих пор сидел на диване, поднимая ноги, если дерущиеся подкатывались, слишком близко, и сохраняя спокойное выражение на щучьем лице, догадался о намерениях Дзакоева раньше Саши. С неожиданной для его лет легкостью Макруша вскочил. Встал перед Дзакоевым, схватил за руки.

— Ума лишился? Себя и нас погубить хочешь?

Напряженное тело Дзакоева ослабело. Тяжело вздохнул, переводя дух, вынул из кармана руку. Усики продолжали вздрагивать. По-звериному щерился рот.

— Погодите, скоты. Я еще вам припомню, — бросил он в сторону Крыжова и Буцана, которые медленно поднимались с пола, угрюмо поглядывая на Дзакоева.

— Еретик бесстыжий, безбожник, — ответил Крыжов, дергая шеей, — с головы студень затек ему под воротник.

Евстигнеюшка и Люська собрали остатки переколоченной посуды, подмели комнату. «Слуга килки» умылся, сменил выпачканную холодцом рубашку. Столь неожиданно прервавшаяся беседа возобновилась.

— Все вы трое идиоты! — сердито сказал Макруша. — Чего друг на друга вызверились? Мало вам хлопот? А ежели бы брат Федор пришел?

— Ему скажи! — сердито оборвал Крыжов. — Дружку своему — бандиту. Не мы дрались, он на нас кинулся. Пес бешеный... Сестра Евстигнеюшка-а!

Пришлепала Евстигнеюшка.

— Коньячку принеси, закусить чего есть. Лимончику не забудь.

Когда все было принесено, Крыжов выпил, сразу повеселел. Налил себе полную стопку и Дзакоев. Выпив, тоже будто успокоился: перестали дёргаться усики.

— Это ты правильно говоришь, — сказал примирительным тоном Крыжов. — Брат Федор вот-вот явится. Даже опаздывает... А чего ты его вызвал? — спросил у Макруши.

— Новую партию товара скоро доставить должны. Опять к брату Федору отвезем.

— Опасно у одного и того же два раза товар оставлять.

Макруша помрачнел. Видно, и сам об этом уже думал.

— А где? — возразил Крыжову. — Другого верного человека нет. Он товар у себя ночь продержит, потом дальше повезет, я скажу куда.

— Правильно, — поддержал Дзакоев. — Прасола не выпускай. Он сейчас нужен, потом еще больше нужен будет. В кулак зажать надо.

Со двора донесся хриплый лай.

— Он, — сказал Крыжов. — Другому некому.

Евстигнеюшка прошлепала по коридору, грюкнула дверным засовом, заскрипела замками, забренчала цепочкой.

— Уйдите пока, — распорядился Крыжов. — Не надо лишний раз всем вместе... Я с ним побеседую. Идите в опочивальню, дверь приоткрытой оставить можно, слышнее будет.

Дзакоев и Макруша кивнули. Не возражали и Калмыков с Буцаном.

Перешли в указанную Крыжовым «опочивальню»: широченная кровать с пышными перинами и подушками, ковер на стене, ковер на полу, дамское трюмо и платяной шкаф «птичьего глаза», тюлевые занавеси.

— На кровать сесть можете, — разрешил Крыжов.

— Ладно! — грубо оборвал Макруша. — Иди...

Люська успела убрать со стола остатки пиршества. Когда Прасол вошел, «слуга» читал старинную книгу в кожаном переплете.

— Здравствуй, брат родной, бог тебе в помощь! — с веселой улыбкой сказал Прасол.

— Будь здоров, голуба, благословение на тебе божие! — сладенько отозвался Крыжов, кладя на стол книгу. — Как живешь, как бога славить?

— Хорошо живу! — от всего сердца ответил Прасол. — Я ведь на работу устроился.

— Вот оно что? — протянул Крыжов. Быстро спохватился, вернулся к обычному ханжески-елейному тону. — Ты садись, голуба, садись. В ногах правды нет.

— Спасибо, брат, сяду... Хороший ты человек, душевный...

Помолчали.

— Одно в толк не возьму, — заговорил Крыжов. — Как же так, до сих пор не работал, что ли?

— Разве ж то работа? — с откровенным презрением ответил Прасол. — У шарашников!

— А чего не работа? Любой труд богу угоден.

— Богу оно, все едино. Только о человеке тоже подумать надо.

— Прав ты, голуба. Человек для бога и рука божия на нем.

— Вот, — веселое лицо Прасола совсем засияло. — Знал я, что ты меня похвалишь. Шарашники они что — тьфу! Те же спекулянты, жулики, на теле рабочего класса пережиток.

— Извини меня, бога для. Понять не могу, чего они вдруг пережитками заделались.

— Как же иначе! Вот, к примеру, тебе дом строить надо или ремонт произвести, или еще чего. А сам ты не можешь — сил или уменья не хватает. Государственных мастерских мало, чтобы для граждан стройкой занимались, значит, — к шарашникам. Те знают, что кроме них податься некуда, и куражатся — цену бессовестную сдерут, да еще могоарыч им дай, да прибавку дай... Хоть бы делали хорошо, а то тяп-ляп, скорей, кое-как. Одну работу не кончат, другую хватают... Четыре месяца я с ними, посмотрелся — кулачье, за копейку себя продать готовы.

— Вон, значит, какие у тебя мысли... Куда же ты теперь, если не секрет... Только от бога секретов нету.

— Я и не скрываю. Встретился Карпо Федорыч, прораб мой, с которым работал до... Словом, раньше с ним работал, он меня, как облупленного, знает. Спрашивает: «Где ты теперь? Почему не у нас?». Отвечаю: так мол и так, начальник отдела кадров не взял, потому — бывший заключенный я. Стыдно мне признаться, что я в шарашники подался. Он тут, как взовьется — Карпо Федорович. «Да этот, — кричит, — начальник — дурак! Да я тебя столько лет знаю! Почему к парторгу или к директору не пошел?» «Нет, — отвечаю, — извини, к директору я не пойду». «Тогда, — говорит, — сам я пойду, а ты завтра ко мне загляни...» Вот и все. С понедельника — на стройку, — торжественно закончил Прасол и ясными глазами посмотрел на Крыжова.

— Мда-а, — пожевал Крыжов. — Интересно... А я, грешный, думал, ты больше божьими делами займешься, помогать нам будешь.

Прасол потупился. Глубоко вздохнул, как бы набираясь решимости для неприятного разговора.

— Знаешь, рабочий я человек и скажу прямо, по-рабочему. Не гожусь я для божьих дел. Сколько ночей не спал, думал, себя уговаривал, а нет во мне веры. И «крещение» не помогло, даже хуже стало после того, как деваху эту в холодной воде увидал... Ты меня извини, а вот, к примеру, спутник. Ну какой бог может быть, если ученые наши советские на другие звезды лететь собираются! Луну фотографируют. Ты прости, я без утайки, откровенно. Или наоборот взять, атомная бомба. Разве бог допустил бы, чтобы тысячи людей — и стариков, и младенцев невинных — живыми в огне горели? Не допустил бы. Значит, бога нет. С чистым сердцем «крестился» я, а потом опять — лежу, думаю... К тебе пришел, «бог в помощь!» говорю, а сам не верю: «Пустые слова, никакой бог не поможет».

— Так ли? — пристально посмотрел Крыжов. — А когда из отсидки вышел, с голода подышал, кто тебе помог?

Прасол покраснел.

— За то спасибо, век твоей доброты не забуду.. Но ведь я ж с тобой откровенно. Думы свои высказываю, не таюсь...

Крыжов молчал. Он понял, что Прасол уходит, если уже не ушел из-под сектантского влияния. Плохо, очень плохо! Крыжов надеялся сделать Прасола своим безропотным сообщником. Прасол необходим Крыжову, ведь вокруг нет никого надежного. Полусумасшедшие изуверы и выжившие из ума старики в счет не шли. Крыжов презирал их, не поручил бы им сколько-нибудь серьезного дела.

— Вот она, человеческая благодарность, — грустно сказал Крыжов.

— Прости, разве тебе помешает, если я на стройку работать пойду? Если помочь надо, я всегда готов.

«Как же, — подумал Крыжов. — Помощник из тебя!».

Иеговист понимал, что в коллективе, среди рабочих на стройке у Прасола настанет совсем другая жизнь и придут другие взгляды.

Решил воздействовать на Прасола еще с одной стороны.

— Много ты там зарабатываешь, на стройке своей... А до сих пор без хлопот хорошую деньгу имел.

— Не в деньге счастье, — возразил Прасол. — Счастье — человеком себя чувствовать, а не сбоку-припеку, шарашником. Пусть и меньше заработаю, зато деньги чистые.

Ничего не помогало. Остался один путь воздействия — угрозы. Прежде чем Крыжов обдумал, как к ним перейти, распахнулась дверь «опочивальни», появился Дзакоев. Не здороваясь, сел к столу. Черные хищные глаза уставились на Прасола.

— Чистых денег, говоришь, захотелось? — неторопливо спросил Дзакоев. — Похвально. На родину трудиться желаешь? А цигейка, что ты у себя припрятал, потом скорняку сдал, знаешь, какая?

Прасол не ответил. Со спокойным любопытством глядел на Дзакоева. Только далеко-далеко в глубине глаз Прасола вспыхивали тревожные огоньки. В колонии приходилось наблюдать отпетых бандюг, и он сразу отнес Дзакоева к их категории.

— Не знаешь? — повторил Дзакоев. Сам ответил: — Краденая, вот какая. Ты ее принял, дальше передал, свою долю получил.

Прасол, действительно, получил «свою долю» — Крыжов при Макруше дал двести рублей. Прасол отказывался, говорил, что деньги не нужны, однако «слуга килки» заставил взять.

«Эге! — подумал Прасол. — Выходит «брат родной» меня запутывал».

— Так знай, — продолжал Дзакоев, — рыпаться тебе особенно не следует. Будешь нас слушаться — будешь по-хорошему жить. Нет — опять за решетку, а каково там — объяснять тебе не нужно. Если бы не советская власть, у тебя и дочка жива была бы, и старуха...

— Ты Советскую власть не трогай! — перебил Прасол. — Поделом меня за решетку упрятали, чтобы людей не калечил.

— Второй раз тоже поделом упрячут, — спокойно пообещал Дзакоев. — Больше дадут — рецидивист. Мы «условно» отделаемся для первого раза, а ты — рецидивист.

Прасол был толковым человеком, повидал всякое, быстро разобрался в положении. Стало ясно, что денежная помощь после колонии, краденая цигейка, «крещение» были средством вербовки в преступную шайку. Разгадав истинные мотивы, руководившие «другом-благодетелем» Крыжовым. Прасол без колебаний решил, как поступить.

— Пожалуй, твоя правда, — сколь мог искренне сказал он. — Что же мне делать?

— Вот теперь люблю! — радостно воскликнул Крыжов. — Теперь ты голуба. Насчет бога с тобой еще побеседуем, ты к богу сам придешь. Без бога, брат...

— Ладно, — бесцеремонно перебил Дзакоев. — На стройку поступать погоди. Скажи своему Карпо Федоровичу, или как его там, что передумал. Оставайся пока в артели, может, еще и лучше, чем стройка, тебе работу найдем... На завод поступить сможешь... Только за ум возьми.

— Возьмусь, — многозначительно пообещал Прасол.

Он совершил ошибку. Дзакоев почуял в тоне его двусмысленность. Внезапно вскочил, схватил Прасола за грудь, вытащил из кармана пистолет. Поднес дуло к лицу Прасола, сказал со звериными подвываниями в голосе:

— Продашь — убью. На дне моря сыщу и своей рукой убью.

Прасол без особых усилий оторвал руку Дзакоева от своей груди. Сурово ответил:

— Пугать меня нечего. Я пуганый.

— Ты брось, — забормотал Крыжов, которому выходка Дзакоева не понравилась. — Ты брось своим шпалером вертеть, брат Федор человек верный.

— Ладно, — Дзакоев спрятал оружие. — Иди к жинке своей... Но слова мои помни...

И первому и второму приказу Прасол подчинился: сперва пошел домой, хотя очень хотелось ему отправиться в милицию немедленно. Прасол понимал, что Дзакоев будет за ним следить. Так и было — Дзакоев проводил его до дома.

Лишь на следующий день, отлучившись под каким-то предлогом на несколько часов с работы, Прасол явился в городское управление милиции, попросил повидать «самого гражданина начальника». У начальника рассказал все. Начал с сектантского пропагандиста в колонии, кончил сегодняшней беседой.

— Вот, гражданин полковник, — сказал Прасол. — Такое дело. А насчет цигейки — моя вина. Только ваша воля, а не знал я, что краденая, даже на ум не пришло. Ведь я подлюге Крыжову действительно как брату родному верил, он меня в горькую минуту поддержал. Не знал я, почему он это сделал, думал от сердца чистого... Жизнь он мне искалечил — теперь снова ведь посадят... На всю катушку дадут, рецидивист...

Прасол не мог говорить. Горе душило его. Казалось, он вот-вот заплачет.

Полковник налил воды в стакан, протянул Прасолу. Тот пил большими судорожными глотками.

— Опять, — улыбаясь, сказал полковник, — опять жуликам поверили. Ну какой вы, Федор Елизарович, рецидивист! Идите домой, когда надо будет свидетельские показания давать, вызовем...

После ухода Прасола полковник записал основное содержание сообщенных им сведений. Отпер сейф, достал папку. В ней хранилось немало бумаг, документов, посвященных делам Макруши. Кольцо вокруг Макруши смыкалось, работники ОБХСС все увереннее нащупывали след спекулянта. Большинство верных людей Макруши находилось под наблюдением, связи их между собой и с Макрушей проверялись. Сообщение Прасола дополняло картину. О тесной связи спекулянта Макруши с сектантом Крыжовым полковник знал; становился яснее и путь цигейки в Приморск. Арестованный «мурашковец» Луцык отказался объяснить, куда делся мех: «На базаре продал, — твердил он. — Кому — не знаю». Благодаря Прасолу появилась еще одна линия — Луцык — Макруша.

Полковник уложил папку в сейф...

А вскоре «Макрушина» папка пополнилась еще одним довольно важным документом.

Автором его был Сеня.

О нападении на дружинника Василий Сергеевич сразу доложил в милицию, отнес туда папку с сектантской литературой. Оставлять безнаказанным преступника, который только случайно не нанес Сене серьезного увечья, милиционеры не собирались. Обдумав как следует все обстоятельства, оперативные работники решили, что помочь им может Сеня, который видел человека с папкой и при случае опознает его. Побеседовали с Василием Сергеевичем, тот, в свою очередь, обратился к Сене:

— Слушай, сказали мне, что твоя бабка бога Иегову очень уважает?

— Какого именно бога, не знаю, но в церковь, действительно, не ходит, а на свои, домашние, молебны.

Раз-два в месяц Сенина бабка куда-то на несколько часов исчезала. «Симпатию себе завела, на свидания в парк ходит», — острил внук. Вернувшись со «свидания», намеками, иносказаниями начинала разглагольствовать о божьих людях, «молебствии тайном» и прочем, что представлялось Сене совершеннейшей чепухой. «Собирается старье и чудит. Склероз!» — авторитетно объяснял он. Как и многим из нас, сектанты представлялись комсомольцу Сене безобидными оригиналами, которые поют «чудацкие песни», хором книги читают и не ходят в кино. У Сени когда-то даже была знакомая девушка-сектантка, повела его в моленный дом, ему там не понравилось, он сказал об этом девушке, она обиделась и больше с Сеней не встречалась...

— А почему вас бабка заинтересовала? — спросил Сеня Василия Сергеевича. Добавил, улыбнувшись: — Компанию ей составить хотите?

— Я-то нет. Ты составишь.

— Я? — удивился Сеня. — Чего ради?

— А того самого. Надо.

— Да зачем, Василий Сергеевич? Смеетесь вы, что ли? Не пойду я!

— Пойдешь, и не рассуждай зря. Раз дружинник, соблюдай дисциплину.

— Не пойму я вас.

— Сейчас разберемся. Ты того типа, что с папкой шел, помнишь?

— Помню, — помрачнел Сеня. Самолюбивому дружиннику не давала покоя мысль о том, что он опростоволосился, упустил важного преступника.

— Опознать, если увидишь, сможешь?

— Смогу.

— Так вот тебе задание. Побеседуй с бабкой поделикатнее, пусть тебя на молебен возьмет. Придешь, зорко смотри, но так, чтобы на себя внимания не обращать — они, Сенек, не лыком шиты. Стой себе тихонечко где-нибудь в уголку и поглядывай. Увидишь знакомого, молчи, виду не подавай. Кончится молебен, или как там они называют, выйди вместе со всеми, бабку можешь домой проводить, потом — ко мне. Ясно?

— Ясно! — радостно ответил Сеня. Он был горд таким важным и необычным заданием. — Все будет сделано.

— Надеюсь, — чуть насмешливо сказал Приходько. — Ты у нас орел.

Насмешка была добродушной и ничуть не обидела Сеню.

— Действуй...

Когда Сеня, по его выражению, «подъехал» к бабке, она сразу согласилась взять с собой внука на ближайшее молитвенное собрание.

Готовясь к «операции», как не без торжественности мысленно называл Сеня свою прогулку с бабкой, он решил чуть изменить наружность. Пришло на ум, что и преступник мог его запомнить, опознать при случае.

Дружинник постарался сделать все точно так, как описывается в приключенческих книгах. Зачесал волосы на лоб челкой; в ботинок положил камешек, от которого прихрамывал; надел слишком просторный для себя костюм брата. Хотел усы фальшивые приклеить, но это вызвало бы изумление бабки... да и ребята, если узнают, высмеют.

Вместе с бабкой Сеня перешагнул порог сектантского дома.

Белобородый привратник деланно-радушно распахнул калитку. Негромко сказал: «Пожалуйте». Прозрачные, как бы пустые глаза старика не без тревоги и опаски оглядывали Сеню. Как правило, Крыжов предупреждал о новом посетителе. Незнакомый гость, да еще молодой, внушал подозрение, хотя бабку привратник знал хорошо. Что за парень? Откуда? Что ему нужно? Вечная тревога рождала беспокойные мысли. Привратник глупостью не отличался, понимал, что сектантские моления среди молодежи популярностью не пользуются. Вряд ли привело сюда парня стремление «познать бога». Цели у него какие-то другие, вполне земные. Но что делать? Не пустить — нельзя, раз он уже здесь, хуже будет...

Все это привратник сообразил за несколько секунд, в течение которых Сеня с подчеркнутой вежливостью, за которой скрывалась некоторая робость, ответил на приветствие седобородого и направился от калитки к дому. Привратник хотел предупредить о незванном госте Крыжова, но того в доме не оказалось — прихворнул, остался у себя. Пришлось погодить, посмотреть, что будет дальше.

Сказать по правде, чувствовал себя Сеня не совсем приятно. Как-никак, а он ведь разыскивал преступника, да преступника не простого, откровенного антисоветчика, нелегала. Вдруг враг первым заметит Сеню, догадается, зачем он здесь и...

Сеня не хотел думать о том, что будет, если преступник первым увидит дружинника. «Волков бояться — в лес не ходить», — сказал сам себе Сеня. Спокойно шагал рядом с бабкой, поддерживая ее под руку.

Распахнув дверь, Сеня невольно отступил на шаг — шибануло в нос прогорклым маслом, человеческим потом. С трудом переведа дух, заставил себя войти.

Сектанты, как обычно, протяжными заунывными голосами выводили песнопение. «Он своей душой просла-а-вит тех, кто сердцем не лука-а-вит», — тянул хор.

Сене сделалось смешно — так не подходил плясовой мотив к гнусавому пению. Постарался сдержаться, состроил, как ему казалось, наиболее богобоязненную физиономию. Начал подпевать хору. Вокальные способности Сени были невелики, ни мелодии, ни слов он не знал. К тому же, боялся широко раскрыть рот, чтобы не расхохотаться. Словом, из попытки петь ничего не вышло. Тогда начал мычать себе под нос.

Молодые глаза быстро привыкли к полумраку большой комнаты. Вскоре Сеня мог отлично рассмотреть лица молящихся.

«Дикость! — удивился Сеня. — Ну чего бы я торчал тут и песни орал?»

Не забывая о цели прихода, внимательно пригляделся к собравшимся.

Мужчины все, как на подбор, пожилые, на Сенину мерку даже старые. На того, что был в парке, не похожи.

«Не зря же меня послали, — успокаивал себя Сеня. — Где-то здесь он...»

Моление продолжалось. Сеня «пропадал», как он потом рассказывал приятелям, от духоты и скуки. Но о том, чтобы уйти, даже не думал.

Настойчивость парня вознаградилась с лихвой. Пропев еще несколько псалмов, сектанты замолкли. В комнате появились двое. Сеня чуть не вскрикнул: щуплого, сухонького, который шел рядом с молодым, рослым, узнал сразу: нет сомнений — он! Злые глаза, острое лицо, узкий лоб.

Заключительного пения Сеня не слушал. Переминался с ноги на ногу, ожидая возможности незаметно улизнуть. Однако, как наказал Василий Сергеевич, настоящих чувств своих не проявил — когда моление кончилось, двинулся к выходу вместе со всеми, солидно, не торопясь.

На улице сел с бабкой в трамвай, проводил ее до дверей квартиры.

«Подбросив» бабку домой, явился в штаб дружины. С восторгом рассказал Василию Сергеевичу о пережитом.

— Вот ведь они какие — сектанты! — удивился Сеня. — А я-то думал просто психи, бормочут молитвы и все.

— Э, брат, многие так думают, — согласился Василий Сергеевич. — Даже на защиту церковников встают — они, мол, не страшны, сами вымрут, вроде мастодонтов... Особое внимание обращать на них нечего...

— Это я понимаю: самим сектантам выгодно, чтобы их блаженненькими, вроде не от мира сего, считали.

Василий Сергеевич кивнул:

— Правильно! Не любят они, когда их глубже копнут! Ой, не любят... Ну, за дело!

Приходько позвонил по телефону в милицию. Начальник вызвал его и Сеню к себе. Внимательно выслушал, сказал:

— Спасибо. Можете идти отдыхать.

Он ошибся. Сенины приключения в тот день еще не кончились.

Когда вышли из милиции, Василий Сергеевич спросил:

— Куда сейчас?

— Сам не знаю... Домой, пожалуй.

— А со мной? По магазинам. Гардины для нашего штаба присмотреть хочу, одному — скучно.

— Пожалуйста, — тотчас согласился Сеня, гордый тем, что «сам» Василий Сергеевич берет его в компанию.

Обошли несколько магазинов. Как нарочно, ничего подходящего не попадалось — или цвет не тот, или ткань низкого качества.

Неожиданно Василия Сергеевича осенила озорная мысль:

— Слушай, а давай у спекулянтов спросим.

Сеня любил в речах, поступках последовательность и солидность.

— Во-первых, — ответил он, — покупать у спекулянтов, значит, содействовать им. Во-вторых, где этого барыгу найдешь.

— Во-первых, — добродушно передразнил Приходько, — мы покупать у них не собираемся, а спрос не беда. Во-вторых, мы не искали спекулянтов. Вдруг отыщем!

Настоящих причин, толкающих его на поиски спекулянтов, Василий Сергеевич объяснять парню не стал.

Сеня оказался прав. Ни в магазинах, ни около ничего похожего на перекупщиков не видели.

Тогда у беспокойного Василия Сергеевича родилась новая идея. Вернувшись с Сеней к себе домой, он обратился к соседке — завзятой моднице, любительнице «интересных вещей».

— Лиляша, — игриво сказал Василий Сергеевич. — Вы у нас «почетный шахтер», что угодно из-под земли достанете. Где хорошие гардины добыть?

— Гардины? — удивилась Лиляша. — В любом магазине сколько угодно.

— Мне надо этакие, особенные, — Василий Сергеевич для большей ясности прищелкнул пальцами. — Заграничные.

— Заграничные? — протянула Лиляша. Мысль о возможности повесить у себя в квартире заграничные гардины до сих пор как-то не приходила ей на ум. — Интерес-но... Знаете, у меня сидит одна женщина, давайте ее спросим.

«Одной женщиной» оказалась Люська. Среди других поручений она выполняла у Макруши обязанности агента по сбыту — ходила в знакомые семьи, предлагала то и се из Макрушиного товара.

Имела Люська заграничные гардины или нет, неизвестно. Только Василий Сергеевич ее наметанному тюремному глазу явно не понравился.

— Нет у меня никаких гардин, — отрезала она. — И вообще, гражданин хороший, мы этими делами не занимаемся.

Василий Сергеевич ушел ни с чем. Но когда вернулся к себе в комнату, где ждал Сеня, то был вознагражден за неудачу:

— Василий Сергеевич, а я старуху, что от соседки вашей сейчас вышла, знаю, — сказал Сеня.

— Откуда? — сразу спросил Приходько.

— Возле сектантской молельни видел. Она со швейцаром ихним, или как там называется, разговаривала. Внутрь, правда, не зашла, у ворот стояла.

— Вот что? — совсем другим тоном воскликнул Василий Сергеевич. — Занятно... Ведь она Лиле часто таскает заграничное барахло... Сегодня при мне признаться побоялась... Надо опять — к полковнику...

Милицейский полковник собирался уезжать, дружинники встретили его у ворот управления.

— Снова ко мне? — чуть удивился он. — Ладно, садитесь в машину, в дороге поговорим...

Выслушав короткий рассказ о новой встрече, полковник минуту помолчал, потом тоном приказа объявил:

— Пройдете со мной и с начала до конца все доложите. Вы хорошо ознакомились с обстановкой. Хочу, чтобы вас взяли на операцию.

— Куда? Кому рассказывать?! — удивился и обрадовался Сеня. Неужели его возьмут на настоящую операцию против бандитов?! Это здорово!

— Не спрашивай, брат, — ответил Василий Сергеевич Сене. — Теперь ты вроде мобилизованный, военный. А военный человек начальству вопросов не задает. Пошли, раз полковник говорит.

— Слушаюсь! — в тон Приходько шутливо ответил Сеня.

Глава семнадцатая

РАСПЛАТА

План Саши был прост. Когда Люба выздоровеет окончательно, а дело это нескольких дней, он сам заберет девушку из больницы. Отпускать ее к Крыжову не хотел. Боялся оставлять Любу и на попечении Марии Тимофеевны. Безвольная женщина, подпавшая под влияние иеговистов, все равно отправила бы ее к «слуге килки». А Люба пока что полна веры в «святого брата», слушает Крыжова во всем. Сперва надо открыть ей глаза, рассказать о себе — Саша твердо решил не таить ничего...

Когда Люба выйдет из больницы — денек-другой отдохнет, окрепнет, Саша увезет ее далеко-далеко. Подальше от Приморска, от сектантов, туда, где ничего не напомнит о прошлом.

Поженятся, заживут спокойно, хорошо. У Саши есть ремесло: неплохой радиотехник, шофер, авторемонтник, фотограф — бывшее учение пригодится, хотя и не так, как предполагали Сашины наставники... На жизнь хватит. Люба кончит школу, начнет работать. «Устроимся! — думал он. — Не хуже других».

С религиозным подпольем Калмыков решил порвать окончательно. Воспитывать Крыжова, Макрушу и им подобных, как он наивно мечтал, бессмысленно. Стало ясно, что повлиять на «братьев по вере» он не в состоянии. И как он может влиять?! Теперь все иллюзии молодого сектанта относительно заграничного руководства рассеялись. Он понял, что стал пешкой в темной и страшной игре. Жизнью беззащитного и безответного сироты распорядились жестоко. Его вытолкнули на дорогу, которая вела к одному — ни свернуть, ни остановиться, ни возвратиться. Только вперед, только дальше и дальше, хочет он того или нет. Но что впереди? Будущее невозможно без прошлого, а в прошлом своем Калмыков видел увядшие мечты, лживые надежды. К какому берегу приплывет он, где преклонит голову?..

Ответить на этот вопрос он не мог, думать о нем не хотел. Пусть будет, что будет...

Где поместить Любу после выхода из больницы до отъезда? Сразу сажать девушку в поезд или на самолет Саша боялся — надо ей хоть немного отдохнуть. Искать другую комнату? Люська известит Крыжова о пропавшем жилье. Тот всполошится, расскажет остальным» начнут преследовать... Саша достаточно узнал Дзакоева, не сомневался, что он способен на убийство. Покинуть Люськину «хазу» нельзя. Надо устроить Любу тут. Сделать это без ведома старухи не удастся.

Саша решил поговорить с Люськой.

Против ожидания, Люська поняла его сразу и сразу пошла навстречу. Состоялась беседа в середине дня, когда похмелье у Люськи кончилось, а опьянение еще не начиналось.

Выслушав довольно сбивчивые объяснения Саши, Люська глянула в упор бойкими глазками, спокойно спросила:

— «Завязать» хочешь?

— Что? — не понял Саша.

— «Завязать» — ну, по-нашему, по-блатному, уйти, хочешь? Честным стать?

Саша секунду помедлил. Понял — таиться нечего, ответил:

— Да. Надоело.

Глаза Люськи погрузнели. С горечью проговорила:

— Эх, если бы... Если бы когда-то мне парень настоящий встретился!... Была бы я не «Люськой-чумой», а Анной Павловной. Да что — когда-то! Я после отсидки последней тоже хотела... В уборщицы пошла, три месяца работала... Привыкать стала. Потом Макрушка меня сыскал, деньги сунул... Не выдержала.

Саша вспомнил пьяную старуху в ночном одиночестве, страшные слова ее о разбитой жизни. Понял состояние Люськи. Негромко объяснил:

— Любу спасти хочу.

Да! — Люська сделала резкое движение, прогоняя тяжелые мысли. — Помогу. Во всем помогу. Я одну бабоньку покличу, комнату твою приберем, койку застелим, скатерть на стол положим, чтобы поприличнее было. Ты, мальчиша, с Любой обо всем договорись. Пусть тетке своей, Марии Тимофеевне, скажет, мол, карантин в больнице или еще там — четыре дня Марии Тимофеевне являться не надо. Через четыре дня придет — нет Любы. А вам дорога молодая, жизнь впереди...

Замолкла вдруг, пристально глядя на Сашу, как бы проникая в душу его, сказала:

— Обидишь девку — не будет тебе счастья. В бога я не верю — какой там бог! — в совесть верю, она меня саму грызет. Если Любу хоть настолько, — отмерила пальцем насколько, — обидишь, совесть тебя замучает, никуда не спасешься.

— Нет! — твердо сказал Саша. — Никогда не обижу!

Проговорив эти слова, вдруг понял всю глубину своего чувства к Любе, понял, что близкой и родной стала она для него на всю жизнь. Долгую, долгую жизнь...

— Смотри! — многозначительно сказала Люська. — Смотри... — И другим тоном закончила: — По своим делам иди, я — своими займусь.

Первая часть Сашиного плана удалась. Благополучно пошло и дальше. Не объясняя причин, попросил Любу поверить ему, поехать из больницы не домой, не к Крыжову, а с ним. Девушка ответила долгим смущенным взглядом.

— Люба, — чуть запнувшись, проговорил Саша. — Так надо. Надо для тебя и для меня. Потом я тебе объясню все, и ты поступишь, как захочешь. А сейчас не спрашивай ни о чем, просто поверь мне.

— Хорошо, — сказала она. — Я не буду ни о чем спрашивать, пока ты не скажешь сам.

— Спасибо! — так же спокойно ответил он...

Частично поделился Саша своими планами и с Васильковской. Васильковская одобрила.

Удалось уговорить и тетку Любы не показываться в больнице четыре дня.

Под вечер к больнице подъехало такси. Люба закончила необходимые формальности выписки, переделась в свое платье, ждала Сашу.

Тепло попрощались с Васильковской, от всей души благодарили.

— Желаю счастья, — сердечно сказала Ирина Григорьевна. Улыбнулась с лукавинкой, многозначительно добавила: — Праздник будет общий — позовите.

Люба порозовела. Поняла, какой праздник имеет в виду Ирина Григорьевна.

Саша тоже смутился, бодро ответил:

— Позовем, конечно. Вы — первая гостья.

Саша хотел взять Любу под руку, помочь сойти с лестницы. Она сделала отрицательный жест. Зашагала без поддержки, стараясь идти как можно тверже, уверенней.

Машина уехала. Ирина Григорьевна глядела вслед...

Люська и приглашенная ею «бабонька» не подвели. Комната Саши сделалась неузнаваемой: посветлела от белой скатерти, занавесок, чистой постели. Неприглядное жилье выглядело уютным.

— Как хорошо у тебя! — воскликнула Люба. — Ведь это твоя комната?

— Моя, — радостно ответил Саша, мысленно поблагодарив Люську: он всю дорогу тревожно гадал, как покажется Любе его комната. — Моя... И твоя тоже.

Слова, вырвавшиеся из сердца, заставили обоих смутиться. Люба присела к столу. Тербила бахрому скатерти, не зная, о чем начать разговор.

Саша помрачнел. Пора сдержать обещание, пора рассказать Любе все.

— Вот, Люба... Я обещал... Только нелегкая будет беседа.

Она посмотрела с испугом:

— Почему? Что с тобой случилось? Говори же!

— И со мной и с тобой... Слушай, вот... Родился я в России, но не знаю ни отца, ни матери, ни даже фамилии своей настоящей...

Жизнь, как свиток, разворачивалась перед мысленным взором. Горькая жизнь изгнанника, сироты, бесприютного скитальца. Как сказал тогда Дэвид: «Слабый огонек под холодным ветром судьбы...» Саша не утаил от Любы ничего — ни того, что попал в Советский Союз незаконно, как враг; ни «миссионерских» заданий своих не утаил; ни пособничества Крыжову в плутнях против Любы.

— А я так верила ему, так верила! — горько сказала девушка. — Пусть взял бы несчастные эти деньги, но не обманывал.

Саша продолжал. Рассказал о намерении бежать, скрыться.

Все.

Опустив голову, ждал... Знал, что от Любы зависит дальнейшая жизнь. Гулко билось сердце.

Она встала. Подошла к нему.

— Саша!

Он поднял глаза на девушку с тревогой и надеждой.

— Я понимаю тебя и я... я тоже люблю тебя.

Обнял ее. Забыли обо всем. Сколько прошло времени — ни он, ни она не знали.

Люба осторожно высвободилась из его объятий.

— Саша! Послушай, что я скажу, и пойми меня правильно. Ты должен идти до конца. Нельзя спокойно жить под фальшивыми документами. Нельзя забыть прошлое, не порвав с ним. И подумай, какой будет твоя, прости, наша жизнь?! Вечная тревога, страх, опасения, ложь...

Саша опустил голову. Люба права.

— Чего же ты хочешь?

— Выход один. Сдайся. Пойди и сдайся.

Он молчал. Молчал долго-долго. Хрипло сказал:

— Не могу. Боюсь. Раньше мне было все равно. Теперь боюсь. Меня арестуют, сошлют, разлучат с тобой.

Люба положила ему руки на плечи. Обняла его.

— Я понимаю... Но... Иначе нельзя...

Он поднял голову, посмотрел на нее внимательно, ласково. Глаза ее с длинными ресницами были совсем рядом.

— Люба, я...

Договорить не успел.

На пороге появилась Люська. Крикнула одним вздохом:

— Беда, мальчиша!

— Что? — Саша обнял девушку, как бы готовясь собой защитить от опасности.

— Макруша и этот, который с усиками, сюда идут

— Чего им надо? — гневно посмотрел на Люську. — Проболталась?

— Дурень, — пренебрежительно ответила старуха. — Такого средства нет, чтобы меня проболтаться заставить... Ладно, спорить потом. Смывайтесь, пока не поздно, а то беда.

— Ничего, я с ними поговорю, — спокойно возразил Саша.

— Много ты знаешь! Тот, с усиками, и тебя и ее пришьет, рука не дрогнет — отпетый из отпетых, я таких видывала. Или, думаешь, Макруша заступится? Жди!

За себя Саша не боялся. Но подвергнуть Любу опасности схватки, которая еще неизвестно, чем кончится, нельзя. Как-никак — Саша один против двоих. Дзакоев вооружен. Саша вспомнил, как он вертел пистолетом перед Прасолом... Люська права, надо подчиниться.

— Хорошо, — согласился Саша. — Выпусти нас. Явятся — скажи, что я ушел, про Любу молчи.

— Выпусти! — передразнила Люська. — Поздно через дверь уходить. Они возле киоска у ворот стоят, пиво пьют. Выходить будешь — заметят. И тебя и ее заметят, оба ее знают.

— Так как же?

— Я тебе говорила, что такой хазе, как моя, цены нет. Идем.

Вывела обоих в коридор к подвальному люку.

— Подними творило.

Саша открыл крышку люка.

— Вот свеча, спички. Справа большой ящик валяется. Отодвинь, он легкий. В стене дыру увидишь — лезьте туда, это в катакомбы ход. За один, два поворота заверните, оставайтесь, пока не позову.

— Может, просто в подвале, не надо в катакомбы? — предложил Саша. Очень противно было убегать, прятаться от Макруши с Дзакоевым.

— Нет! — отрезала старуха. — Если тебя и ее ищут, весь дом перевернут. А в подвале ему тебя стукнуть еще ловчее. Уходите!

Саша взял протянутую Люськой свечу, спички, зажег. Он и девушка быстро спустились в подвал.

— В катакомбах дорогу запоминайте, — посоветовала на прощание Люська. — Заблудитесь — живыми не выйти.

Хлопнула опущенная крышка — творило погребца. Саша и Люба остались одни. Подняв свечу повыше, Саша увидел большой ящик. Отодвинул. Открылось отверстие, куда свободно мог пройти человек. Пахло устойчивой сыростью катакомб.

Спросил, еще колеблясь:

— Идем?

— Идем! — твердо ответила Люба.

Пошли по пробитой в толще подземных скал штольне, скрылись за поворотом...

...Визит Макруши и Дзакоева к Люське вызвали события, всполошившие всю сектантскую головку.

Макруша получил телеграмму: «Зенон болен. Выехать не может».

Зеноном звали Луцька, «болен», значит, арестован. Оставшийся случайно на свободе свой человек предупреждал об опасности.

Пора бежать, пора исчезнуть, — сразу понял Макруша. От одного «верного человека» до другого в конце концов милиция доберется к Макруше.

Охотнее всего старый спекулянт удрал бы один, бросив сообщников на произвол судьбы, точнее — на «попечение» милиции. Поступить так Макруша не мог, он и «братья» слишком крепко связаны. При

аресте они разболтают все, что известно и даже неизвестно им о Макруше. В его интересах помочь всем спастись.

Поспешив к Крыжову, Макруша нашел того в тревоге. Привратник рассказал о непонятном молодом посетителе, который явился раз и больше не показывался. Крыжов сразу почуял недоброе.

Макрушино предложение «прикрыть лавочку» Крыжов полностью одобрил. Не сомневались в надвигающейся грозе и Буцан с Дзакоевым, которых вызвал к себе «слуга килки». Но каковы размеры опасности, что известно милиции, они не знали и догадаться не могли.

После недолгого совещания решили: Саша, Дзакоев и Макруша скроются. Буцан и Крыжов останутся. Припрячут нелегальщину и вообще все, что свидетельствовало о наличии в городе подпольной секты. В случае ареста — запираяться, отрешиваться от всего, лишь бы улики не было...

— А как с девкой? — вспомнил Крыжов. — Ведь...

Не договорил, но вес прекрасно знали, что за жульническую историю с «исцелением» Любы придется отвечать.

В критические минуты Дзакоев соображал быстро:

— Уговори подольше полежать в больнице, там увидим, как быть. В случае чего, я ненадолго приеду, возьму ее на себя.

Смысл слов «возьму на себя» он не разъяснил.

— Насчет забегаловки, куда ты меня устроить хотел, — добавил Дзакоев, — предупреди, что я от места не отказываюсь, пусть обождут.

— Хорошо, — коротко ответил Макруша.

Ни при первом разговоре, ни сейчас, он нарочито не стал спрашивать себя, зачем Дзакоеву надо устроиться в «забегаловку», что возле завода.

План действий разработали. Оставалось — известить Калмыкова. Бросить его не хотели — боялись: вдруг выдаст, если поймают. Но Калмыков не приходил. Потеряв терпение, Макруша и Дзакоев решили идти к нему на квартиру.

Когда до Сашиного жилья осталось с полквартиры, неведомый подсознательный инстинкт сигнализировал Макруше о слежке. Макруша поделился тревогой с Дзакоевым. Тот побледнел, незаметно сунул руку в карман.

— Ума лишился! — злобно сказал Макруша. — Чего раньше времени!..

Дзакоев вынул руку. Подумал, что Макруша дело говорит, надо проверить, не ошибся ли.

Разошлись — один налево, другой направо, условившись встретиться у пивного ларька, возле ворот дома, где жила Люська.

Ничего подозрительного не заметили. Благополучно добрались до назначенного места.

— Паникуешь! — Усики Дзакоева дернулись в невеселой усмешке. — Зря!

— Дай бог, — коротко ответил Макруша.

Выпили по кружке пива, вошли во двор. Люська сидела на крылечке.

— Где твой? — спросил Макруша.

— Ушел.

— Куда?

— А я знаю!

— Когда вернется?

— Тоже не докладал. Когда вернется, тогда и вернется.

Дзакоев на этом закончил бы расспросы, оставил старуху в покое. Макруша оказался наблюдательнее, лучше знал Люську. Легкие следы тревоги в голосе ее, в глубине глаз Макруше не понравились. Поглядел на нее и тоном, не предвещающим ничего хорошего, потребовал:

— Ну-ка, зайдем. В комнату его зайдем.

— Чего я там не видела! — огрызнулась Люська.

— Давай не разговаривай! — Дзакоев обрадовался случаю на ком-нибудь сорвать злость.

Грубо схватив старуху за шиворот, втащил в коридор. Тщательно запер входную дверь.

— Где он живет? — спросил Макруша.

— Вон. Да какого черта ты ко мне привязался?!

Не слушая, Макруша вошел в указанную Люской комнату.

— Ишь! Устроила, как в «гранд-отеле».

Оглядывался острыми ничего не упускающими глазками.

— погоди, а это что? — Увидел забытую Любой большую дамскую сумку с разной мелочью, которую она брала в больницу. — Откуда сумка бабья?

Люська молчала. Ненавидяще глядела на Макрушу.

Макруша опрокинул сумку над столом. Выпала книга в ветхом кожаном переплете. Макруша взял ее, раскрыл на первой странице. Быстро повернулся к Дзакоеву.

— Слушай, тут что-то нечисто. Книга-то девки, которую «крестили»! Библия старая, ей Крыжов подарил. Вот и роспись на странице — девкина.

Еще раз посмотрел на книгу, на остальное содержимое сумки: мыло, зубная паста, флакон одеколона.

Подошел к Люське, молчаливо стоящей у двери. Сказал спокойно, однако таким тоном, что у Люськи похолодело сердце:

— Рассказывай!

«Пропала я, — думала Люська. — Вот она, смертушка моя. Сколько раз встречались, а все равно страшно».

Она ошибалась. Правда, смерть ее была недалеко, но последние минуты женщины еще не наступили.

— Поди-ка ты, мальчиша, к чертям, — как могла спокойнее ответила Люська. — Ваших дел я не знаю и знать не хочу. Что ты мне поручал, за то в ответе. Остальное меня не касается.

— Не крути! — Самое страшное заключалось в том, что Макруша говорил тихо, ровно. Начни он нервничать, ругаться, Люська чувствовала бы себя увереннее. — Мы тебя не дурнее. Он тут был, девка была, как нас завидели, так сбежали.

— Не торопись, — тоже спокойно вставил Дзакоев. — Надо глянуть, может, они еще здесь. Ты старуху держи, я проверю.

За окном стемнело. Дзакоев отправился на кухню, нашел свечу. Со свечой облазил убогое Люськино жилье. Ничего не нашел. Наткнулся на ход в подвал. Спустился туда.

— Понятно, — сказал Дзакоев, вернувшись из подвала, отряхивая выпачканный пылью костюм. Свечу потушил, бросил на стол, спички машинально сунул в карман. — Из подвала ход в катакомбы, они туда полезли.

— Что же делать? — угрюмо спросил Макруша.

— Ничего, — невозмутимо ответил Дзакоев. — Сколько они там просидят? Час, два... В конце концов вылезут. Мы пока со старухой побеседуем... Ну, ты! Говори, зачем девку тайно из больницы взяли? Чего от нас прячется?

— Никаких ваших дел я не знаю и знать нет хочу, — твердила свое Люська. — Была девка или нет, откуда ее взяли, меня не касается. Отвяжитесь!

— Нет, — зловеще-ласково возразил Дзакоев. — Быстро мы не отвяжемся. Ты у меня заговоришь, я не с такими дело имел.

Повернулся к Макруше:

— В сорок третьем году наш батальон на карательную акцию против греков послали. Вот там было!.. Грудных пацанов самому живьем в огонь бросать приходилось...

Говорил, не жалея о прошлом и не хвастаясь, а просто так — довелось вспомнить к случаю.

Люська поняла настоящее обличье Дзакоева. Ненависть, презрение заглушили в ней страх, жажду жизни — все остальные чувства.

— Вот ты какой! — В голосе старухи звучало столько гнева, что Дзакоев невольно вздрогнул. Сделал усилие, овладел собою. — Младенцев в огонь кидал! Не боюсь, не боюсь! Вот тебе, тьфу! — плюнула Дзакоеву в физиономию.

Тонкие усики задергались в остервенелой гримасе. Рот щерился, обнажая мелкие острые зубы.

— Сразу умереть хочешь? Н-е-ет, мне эти фортели знакомы. Не выйдет. Я прежде из тебя все жилы вытяну.

Макруша, со злобным удовольствием наблюдавший жуткую сцену, посоветовал:

— Рот ей заткни.

— Как же она говорить будет? — деловито возразил Дзакоев. — Она у нас заговорит, будь уверен.

Крепко схватил старую женщину за запястье. Выворачивал ей руку.

— Где Калмыков? Почему от нас прячется.

Лицо старухи покрылось испариной. Оно глухо застонала от боли. Вскрикнула.

— Дальше хуже будет, — предупредил Дзакоев.

— Не боюсь! Не боюсь, — хрипела жертва.

Макруша вскочил, побледнел. В дверь постучали — негромко, вежливо и настойчиво.

На долю секунды Дзакоев растерялся. Вернее не растерялся, а просто ослабил пальцы, держащие Люськино запястье. Она рванулась, крикнула что есть мочи:

— Спасите! Помогите! — и упала, сбита ударом Дзакоева.

Крик услышали. В дверь забарабанили кулаком. Повелительный голос потребовал:

— Отворите немедленно!

У Макруши остановилось сердце. Он плюхнулся на койку. Парализованный страхом не мог пошевелиться, руки и ноги сделались, как ватные.

Иначе вел себя Дзакоев. Выхватив пистолет, пружинящими, звериными шагами заметался по комнате. Хладнокровие не оставило его в опасный момент. Подумал про подвал с ходом в катакомбы. Подбежал к люку, который оставил незакрытым, после того, как искал молодых людей. Спустился вниз. Вспомнил, что забыл свечу, лежащую на столе. Возвращаться поздно. Чиркая спичками, нашел отверстие в стене и пролез в него...

...Макруша постарался справиться с губительным страхом. Приседая на дрожащих ногах, выскочил в коридор. Хотел последовать за Дзакоевым.

Люська опередила Макрушу. С быстротой, не свойственной ее возрасту, тоже выбежала в коридор. Захлопнула крышку, легла на нее и выкрикнула:

— Двери ломайте! Двери!

Совет запоздал. Дверь трещала и выгибалась под мощным напором снаружи. Вылетела, сорванная с петель.

Первым в коридор вскочил человек с пистолетом в руке.

Резко спросил:

— Что здесь происходит?

— Туда! Туда утек! — кричала старуха, вскочив на ноги и силясь открыть люк. — Скорее.

Оперативники подняли творило. Ни секунды не колеблясь, будто все происходящее было игрой или безопасными спортивными состязаниями, трое прыгнули в темноту, пугающую неизвестность.

Общее внимание было обращено на люк. Макруша рванул к двери.

На пороге стоял пожилой человек, еще крепкий, бодрый. Сказал с чуть заметной иронией, будто продолжая начатый разговор:

— Нет, уверяю вас, это не тот случай, когда надо торопиться. Зачем вам уходить? Погодите немного — и вас увезут.

Вслед за пожилым, появился паренек в спортивной куртке. Глянув на Макрушу, радостно ахнул:

— Он! Тот самый, Василий Сергеевич! Еще когда мы с Тamarой были, на меня глазами сверкнул. «Чего, говорит, привязались».

— Знакомцы встречаются вновь, — с обычной насмешливостью комментировал Приходько Сенину радость. — Или вы не хотите поддерживать знакомство с таким бойким молодым человеком? А?

Макруша не ответил. Глянул на Люську, многозначительно сказал:

— Погоди, ты свое получишь.

Запугать ее было не так-то легко.

— Грозишь? Отошло твое время мне грозить. Теперь я сама себе хозяйка и сама себе враг. Слушайте, гражданин начальник, узнайте, кто он такой...

Макруша трясся от злости. Сжимая кулаки, готов был кинуться на старуху и кинулся бы, не стой справа и слева по рослому дружиннику. А старуха, не обращая никакого внимания на Макрушу, продолжала говорить: перечисляла дела спекулянтские, назвала всех известных ей сообщников Макруши, поведала, что знала и о «божьих людях», с которыми на горе столкнула ее судьба...

Макруша пытался вставить свое в поток ее обличающих слов. Поняв, что это бесполезно, замолк. Исподлобья глядел на старуху.

Когда она остановилась, Макруша, полный тоскливой, бессильной злобы, процедил:

— Меня топишь, чтобы самой выплыть? Не выйдет. Я тоже на суде все скажу, хватит, чтобы тебя на остаток жизни посадить.

— Врешь! — тоже яростно ответила старуха. — Врешь, подлый! Я сама себе судья... Все сказала, гражданин начальник, ничего не утаила.

Отвернувшись к стене, сунула руку за пазуху. Пошарив, вынула что-то, поднесла к губам.

Оперативный работник, который внимательно слушал старуху, первым понял, в чем дело. Кинулся к ней, схватил за руку.

Опоздал. Яд, который она всегда носила при себе и сейчас проглотила, оказал действие. Женщина упала навзничь.

— Цианистый калий,— сказал оперативник, чтобы хоть что-нибудь сказать: молчание становилось непереносимым. — Смерть наступила мгновенно.

Документы самоубийцы положили на стол. Оперативник взял паспорт, прочел вслух:

— Боренко Анна Павловна.

Наверно, у него была хорошая знакомая или родственница Анна Павловна, потому что он еще раз задумчиво повторил:

— Анна Павловна...

Впервые за много лет «Люську-чуму» назвали по имени-отчеству...

Глава восемнадцатая

В КАТАКОМБАХ

Макруше не зря чудилось недоброе. Преступная шайка давно уже находилась под наблюдением.

Когда двое вышли из дома Крыжова, преследователи отправились за ними. Макруша и Дзакоев привели к жилью Люськи. Пока внутри разыгрывались известные нам события, флигелек был оцеплен. Человек, который командовал операцией, привлек к участию в ней дружинников.

Одна группа арестовала «братьев» — Крыжова и Буцана. Другая, в которую входили Приходько, Сеня и еще несколько дружинников под руководством сотрудников госбезопасности, ворвалась к Люське. Сперва хотели обождать, пока преступники выйдут из дома, но когда во флигеле раздался крик — стало ясно, что ждать больше нельзя.

...Часть участников операции осталась в квартире, трое бросились за преступниками в катакомбы...

...Катакомбы Приморска имеют почти двухсотлетнюю историю. Образовались они довольно просто. Когда строился город, хозяева брали камень для своих домов прямо на отведенном для дома участке. Рыли колодцы, штольни, из штолен вынимали распиленный на бруски мягкий пористый известняк — отличный строительный материал. Постепенно штольни делались длиннее, разветвлялись, соединялись. Под городом возникла сеть беспорядочных ходов. Последовательности, системы в направлении штолен нет. Они представляют собой запутанный клубок подземных ходов — узких и широких, высоких и низких, расположенных ближе и дальше от поверхности земли. Опытные люди, спускаясь в катакомбы, оставляют «маяки» — приметные знаки, по которым можно проследить маршрут.

Что касается людей неопытных, то потерять ориентировку в катакомбах легче легкого: штольни схожи, поворотов много.

...Люба, коренная уроженка Приморска, слышала, конечно, про катакомбы, но ни разу туда не спускалась. А Калмыков раньше даже не подозревал об их существовании, тем более об опасности, которую они таят.

Попав из погреба в подземную штольню, Саша схватил Любу за руку, прошел с девушкой метров сто, не разбирая и не запоминая направления, поворачивая то туда, то сюда.

Наконец, остановились, присели отдохнуть на камень.

Свеча бросала трепетные отблески на их лица. Слабый огонек бился в гнетущей тьме. Было очень тихо — до звона в ушах.

— Где мы? — стараясь прогнать тоскливое чувство, спросила Люба.

— Как где? В катакомбах, — не понял вопроса Калмыков.

— В какой части? Ты бывал здесь раньше?

— Нет. — Его поразила тревога, звучавшая в голосе девушки.

— А повороты считал?

— Нет. Да в чем дело?

Люба коротко рассказала, какая опасность им угрожает.

— Да-а, — ответил Саша. — Попали в переделку... Что ж, будем выбираться, далеко уйти мы не успели.

— Может, помнишь направление? — с надеждой спросила Люба.

— Нет, — откровенно признался он. — Надо по нашим следам смотреть.

Люба согласилась:

— Может, и выход в подвал отыщем?..

Подошли к камню, на котором отдыхали недавно.

От свечи осталось меньше половины.

— Пора тушить, — со вздохом сказал Саша. — Вдруг потом понадобится. Посидим, обдумаем, как быть.

Дунул на свечу. Люба взяла ее и спички себе на колени.

На поверхности земли подобной темноты не бывает никогда. В самую глухую безлунную полночь есть какие-то намеки на свет, проблески, дальние всполохи. В катакомбах царит абсолютная темнота. Она настолько густа, что кажется осязаемой. В ней нет ни малейшего признака света, впечатление такое, будто человек полностью потерял зрение.

Люба и Саша сидели, тесно прижавшись друг к другу, чувствуя биение сердец. Он гладил волосы девушки, шептал нежные, успокаивающие слова.

Неожиданно в беспросветной тишине катакомб послышались спотыкающиеся шаги, бормотание.

Любе сделалось так страшно, что она даже не испугалась. Рука ее судорожно вцепилась в Сашину.

Калмыков легонько отстранил Любу. Приподнялся.

Чиркнула спичка. Когда она разгорелась, Саша увидел в нескольких шагах от себя Дзакоева.

А Дзакоев увидел молодых людей.

Не медля ни мгновения, будто он ждал встречи с Калмыковым и Любой, Дзакоев бросил спичку, сунул руку в карман за пистолетом.

Однако не растерялся и Саша — кинулся на Дзакоева.

Они боролись в темноте, ударяясь о камни, не видя один другого.

Тревога за Сашу помогла Любе преодолеть страх. Девушка нащупала на коленях свечу и коробок. Руки тряслись. Сломала несколько драгоценных спичек, прежде чем вспыхнул синий огонь. При колеблющемся свете Люба увидела, что Дзакоев навалился на Сашу.

Вряд ли по-настоящему понимая, что делает, Люба нащупала камень, швырнула Дзакоеву в голову. Больше от неожиданности, чем от боли, Дзакоев качнулся, ослабил хватку. Калмыков не стал терять времени — вывернулся из-под него. Вспомнив советы Рамори сан — давно это было, вроде, в другой жизни! — ударил Дзакоева, как учил Рамори сан. Дзакоев свалился без чувств.

— Зажги свечу! — сказал Саша, задыхаясь после схватки. — Не беспокойся, раньше, чем через пять минут, он не подымется.

— На... спички, — запинаясь, проговорила Люба — Я... не могу... У меня руки дрожат.

— Ничего, ничего!

При зажженной свече обыскал Дзакоева. Забрал пистолет. Брючным ремнем крепко стянул ему сзади руки. Прислонил связанного к стене в полусидячем положении.

— Свечу все-таки придется потушить, — сказал Саша.

Люба постаралась улыбнуться:

— С тобой я не боюсь... Вот ты какой у меня...

Саша засмеялся — пережитое волнение ушло.

— Что — я! Вот ты молодец. Если бы не ты, он бы меня...

— Не надо, — попросила Люба. — Не надо об этом.

Он понял. Тихо пожал ей руку.

Опять сели в темноте. Саша обнял девушку за плечи.

Раздался стон, тяжелый вздох.

— Где я? — спросил Дзакоев.

— Лежи смирно, — ответил Калмыков. — Нас найдут.

— Найдут! Дурак! Для чего найдут? Чтобы за решетку упрятать? Думаешь поцеремонятся? Развяжи руки!

— Перестань, слышишь? — спокойно сказал Калмыков.

— Развяжи руки! — от пережитого страха, неудач, от предчувствия кары с Дзакоевым сделалась истерика — полупритворная, чтоб разжалобить. Он забился, завыл диким голосом: — Развяжи ру-у-ки! Руки развяжи!!!

Люба задрожала мелкой отвратительной дрожью. Зубы ее стучали. Нервы девушки отказывались выдержать звериный вой во тьме катакомб.

Саша вскочил. Резко сказал:

— Молчать! Или я тебя еще раз успокою.

Угроза подействовала. Дзакоев перестал выть. Всхлипывал, мычал. Затих совсем.

Как долго царила тишина — десять минут или час, — ни Саша, ни Люба потом вспомнить не могли.

Разговаривать при Дзакоеве не хотелось. Молчали, обнялись.

Саша уловил осторожный шорох. Звук шел оттуда, где находился Дзакоев.

— Эй, что ты там? — крикнул Калмыков, взявшись за пистолет.

— Ничего, — надтреснутым голосом ответил Дзакоев. — Отстань.

Чуя недоброе, Калмыков зажег свечу. Сделал это как раз вовремя: Дзакоев сумел перетереть ремень о камни, освободил руки. Разминал запястья, опухшие от тугих пут.

Саша оценил положение. Когда свеча потухнет, Дзакоев постарается подкрасться, напасть.

Поднял пистолет, направил на Дзакоева.

— Уходи. На все четыре стороны.

Дзакоев задержал усами, изображая улыбку.

— Никуда не пойду, мне и здесь хорошо.

— Застрелю!

На этот раз Дзакоев улыбнулся искренне, с презрением.

— Не посмеешь, совести не хватит. Хлипкий ты.

Он был прав. Саша чувствовал, что не подымет руку на беспомощного, безоружного.

— Откуда ты явился? — спросил Калмыков.

— Откуда я явился, туда ходу нет, — угрюмо ответил Дзакоев. — Надо попробовать другую дорогу найти.

— Нет, вернемся, — возразил Саша.

— Дурака валяешь.

— Скажи: откуда пришел? — настаивал Калмыков.

— И не жди, — злобно ощерился Дзакоев. — Подыхать вместе будем.

«Что же делать? — взволнованно думал Саша. — Как с ним поступить?»

Когда потухнет свеча, Дзакоев нападет. Или исчезнет в темноте?.. Нет, удирать ему некуда, кинется на Сашу...

— Отдай спички, — потребовал Калмыков.

— Подойди, возьми, — издевательски ответил Дзакоев.

На близком расстоянии пистолет бесполезен. Если Саша действительно решит подойти, Дзакоев снова вступит в драку.

Саша не подошел.

Тишина. Калмыков думал, думал и не находил выхода из сложившейся обстановки. Дзакоев спокойно поглядывал на свечу. Терпеливо ждал, когда огонек вспыхнет в последний раз...

В успехе своего плана Дзакоев не сомневался. Как правильно предположил Калмыков, он хотел использовать темноту для нового нападения. Отберет оружие, прикончит Калмыкова, а там... там будет видно, заранее гадать нечего.

Дзакоев учел все обстоятельства, кроме одного, наиболее важного: преследование преступников не прекращалось. Найти путь Дзакоева оказалось нелегко, оперативники поплутали в неразберихе штолен, отстали от Дзакоева. Но преследование не прекратили. Мало-помалу им удалось выбраться на верную дорогу.

Люба первой увидела на потолке дальней штольни отблеск фонарей. Услышала голоса.

Встрепенулся и Калмыков.

Поднял голову, насторожился Дзакоев.

Огни, голоса приближались. Свернули в боковой ход. Саша встал.

— Дурак! — злобно сказал Дзакоев, угадав его намерение. — Бежим, еще успеем. Меня поймают — худо будет, но и тебе не лучше.

Саша поглядел на него. Как не походил этот Дзакоев на обычного — уверенного, хладнокровного убийцу. Лицо Дзакоева покрывали мелкие бусинки пота, умоляюще глядели черные на выкате глаза.

Гнев и омерзение охватили Калмыкова. «И этот! — подумал он. — Еще один мой единомышленник — зверь. Не хочу быть таким! Ни за что не хочу!!»

— Пусть! — сказал Саша. — Пусть! Зови, Люба.

Люба сложила ладошки рупором:

— Това-а-рищи! Сюда-а-а!

Голос еще звенел под каменными сводами, а навстречу ему бежали люди.

— Сюда! — крикнул Саша, махнув зажатым в руке пистолетом.

Когда Калмыков отвел оружие, сильное тело Дзакоева развернулось, подобно сжатой и отпущенной пружине. Прямо с земли, на которой сидел, не вставая, Дзакоев бросился к Саше. Калмыков выстрелил и промахнулся. Дзакоев схватил Сашу за горло. Падая, Калмыков выронил пистолет.

Катаясь по земле, они затоптали свечу. Опять наступила абсолютная темнота. Хрипели борющиеся. Звала на помощь Люба. Побежала навстречу людям с фонарями...

Огни мелькали все ближе. Луч уперся в лицо девушке. Отвернувшись от резкого света, увидела, что в другой руке неизвестный держит пистолет.

— Где они?

— Там! — показала в темноту. — Там!

Он оттолкнул девушку и кинулся дальше по коридору. Следом, мимо прижавшейся к стене Любы, мелькнули еще двое.

В бледных скачущих лучах Люба увидела Сашу. Он сидел на Дзакоеве, прижимая врага к земле. Когда люди с фонарями очутились совсем рядом, Дзакоев рванулся, пнул Калмыкова в грудь. Тот отлетел назад, ударился головой о каменную стену. Дзакоев протянул руку к оружию, выроненному Калмыковым в начале схватки.

Гулко прогремел выстрел.

Тот, кто бежал первым, с размаха прыгнул на Дзакоева. Дзакоев выстрелил вторично — мимо. Умелым ударом у него вышибли пистолет. Дзакоев рычал, извивался. На губах его выступила пена.

Дзакоева утихомирили, связали. Он шел впереди, спотыкаясь, втянув голову в плечи. Сзади следовал человек с пистолетом в руке. Двое других и Люба несли Калмыкова. Он чуть слышно стонал.

Очнулся Саша в квартире Люськи. Над ним склонилось внимательное лицо. Незнакомый поглядел пристально, задумчиво произнес:

— А где-то я его видел...

— Дядя Вася? — спокойно ответил Саша. — Здравствуйте, дядя Вася.

И снова впал в забытие.

Приходько рванул воротник его рубашки, увидел родинку на ключице...

Вновь очнулся Саша уже на госпитальной койке.

Через полуоткрытое окно залетал утренний ветерок. Солнечные лучи играли на белом потолке, стенах. Пахло лекарствами.

У окна стояла Люба. Лицо ее Калмыков видел вполоборота — тонкий профиль, золотистые волосы, усталый рот. Когда Саша открыл глаза, девушка сразу почувствовала его взгляд. Вспыхнула, потянулась к нему.

У изголовья Сашиной кровати сидел дядя Вася. Перешептывался с третьим посетителем больничной палаты — в штатском, но с военной выправкой.

Калмыков сразу понял, кто он. Повернулся к нему.

— Я хочу рассказать... Все рассказать...

— Успеете, — ободряюще ответил тот. — Когда отдохнете, почувствуете себя лучше.

— Я чувствую себя хорошо. Я хочу сейчас.

Дверь отворилась, в палату заглянул врач.

— Доктор, — спросил человек в штатском. — Вашему пациенту не повредит длительная беседа?

— В общем, нет, но лучше обождать, товарищ майор. Не тревожьте его... Дежурной сестры здесь не было?

— Нет, — ответила Люба.

Дверь за врачом закрылась.

— Вот видите, — сказал майор. — Я знаю, вам хочется скорее освободиться от тяжелого груза...

— Да. — Калмыков был рад, что его состояние поняли. — Когда расскажу, будет легче...

— Все равно, у вас мало сил, отложите на завтра, — настаивал майор.

— Нет! — голова Калмыкова дернулась на подушке. — Сейчас, только сейчас. Не возражайте мне... Молчите, прошу вас!

Не слушая протестов майора, Любы, Приходько, начал рассказывать.

Час за часом, событие за событием вспоминал свою жизнь.

Приходько смотрел на него и думал тяжелую думу. Вот так и погубили мальчика, которого встретил Василий Сергеевич когда-то давно в холодном приюте где-то за Эльбой. Душа Калмыкова сейчас, как выжженный огнем край, — холодно в ней и пусто, рухнуло во что верил он, ради чего и чем жил. Какие побеги могут взрасти на опаленной мертвой земле?!.. Все, все отнято у молодого человека, которому жизнь принести могла столько счастья. Кто ответит за украденные годы его?! За тысячи других

исковерканных судеб? За тех, кто тоскует, мучается на чужбине! Или еще хуже — готовится стать слугой черного креста! Есть крест красный - символ помощи больному и слабому, символ добра, теплоты. А злоба, фанатизм, сознание обреченности пытаются поднять крест черный, — под знаком его до сих пор шла Сашина жизнь... Пуля, посланная Дзакоевым, лишь логический конец того пути, по которому направили Сашу много лет назад, с детства. Хозяева черного креста — вот настоящие убийцы, беспощадные и безжалостные...

Глаза Приходько налились гневом.

Солнце поднялось высоко, когда Саша кончил свой рассказ.

— Вот и все! — облегченно вздохнул. — Вот и все. Как же мне жить теперь?

— Мы будем вместе, — сказала Люба, взяв Сашу за руку. — Всю жизнь...

— Всю жизнь! — повторил он.

... Умер Калмыков на следующий день к вечеру.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Глава первая. Где-то за Эльбой	3
Глава вторая. Чужие города	25
Глава третья. На борту «Каги Мару»	54
Глава четвертая. Прыжок в неизвестность	77
Глава пятая. У кладбищенской стены	96
Глава шестая. Дом на окраине	107
Глава седьмая. Люди с двойным дном	132
Глава восьмая. «...и хитры, как ямен...»	152
Глава девятая. Букет роз	176
Глава десятая. Приграничная схватка	197
Глава одиннадцатая. «Окрещенные»	210
Глава двенадцатая. «От дома к дому»	238
Глава тринадцатая. Ночное убийство	257
Глава четырнадцатая. Человек в отставке	271
Глава пятнадцатая. Конец пути	282
Глава шестнадцатая. По следу	300
Глава семнадцатая. Расплата	321
Глава восемнадцатая. В катакомбах	340

Юрий Иванович Усыченко

Черный крест

Повесть.

Редактор Л. Пятницкая

Художник В. Добролеж

Художественный редактор Н. Зайцев

Технический редактор Т. Молчанова

Корректор А. Литвинский

БФ 00739. Подписано к печати 18/VI 1963г.
Формат бум. 70×90 1/2, 5,5 бум. л. Усл. п. л. 12,87.
Уч.-изд. л. 12,1. Цена 46 коп. Тираж 150 000 (1-й завод
1—50000). Зак. 4186.

Одесское книжное издательство,
г. Одесса, Жуковского, 14.

Книжная фабрика Министерства культуры УССР,
Одесса, Купальный пер., 5.